Леся Украинка

ЛЕСЯ УКРАИНКА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в четырех томах

перевод с украинского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

ЛЕСЯ УКРАИНКА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том первый

СТИХОТВОРЕНИЯ
и
ПОЭМЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

Вступительная статья,
комментарии
АЛ. ДЕЙЧА

Под редакцией
Н. БРАУНА, АЛ. ДЕЙЧА,
М. РЫЛЬСКОГО

ЛЕСЯ УКРАИНКА

ЛЕСЯ УКРАИНКА

1

В мировой поэзии найдется мало женских имен, окруженных такой любовью и уважением читателей, как имя выдающейся поэтессы украинского народа Леси Украинки. Обращаясь к ее лирическим стихотворениям, поэмам, драматическим и прозаическим произведениям, каждый раз словно заново открываешь в них новые черты поэтического облика их автора, каждый раз как бы заново испытываешь глубокое чувство преклонения перед мужеством и высокой целеустремленностью Леси Украинки.

Раскроем наугад томик ее лирики. Вот рыцарь в стальной броне. Он ранен, быть может смертельно, но не в силах выйти из боя. Больше того — отказ от борьбы для него равнозначен неминуемой смерти:

В мире есть такие раны,
Для которых нет бальзама,
Для которых нет повязки,
Кроме панцыря стального.

(«Трагедия»)

Леся Украинка сама была таким бойцом в стальной броне. В течение тридцати лет своей творческой жизни поэтесса вела непрестанные бои за победу всего нового, передового над одряхлевшим старым миром, и единственным ее оружием было слово, которое она сама выковала для этой борьбы. Тема мужества и стойкости — основная в творчестве Леси Украинки. Ее любимыми героями стали богоборец Прометей и его потомки — «прометеиды», восставший раб Спартак, люди непреклонной воли, чей девиз: «Убей — не сдамся».

В интимной лирике поэтессы, дышащей обаянием женственности, и в ее политических стихах звучит общая идея преданности революционному делу и суровой ненависти ко всякому соглашательству, компромиссу, к трусости и увертливости либералов и прочих «друзей народа».

На трудном и сложном творческом пути Леси Украинки встречались преграды, которые нелегко было преодолевать тяжело больной женщине, надолго прикованной к постели костным туберкулезом. И все же Леся Украинка хранила жизнерадостность, глубоко веря в победу народа, в его социальное и национальное освобождение. В самые мрачные периоды жизни, поэтесса рисовала светлые картины будущего и бодро смотрела вперед. В одном из ранних стихотворений, «Когда я утомлюсь», поэтесса силой фантазии переносится в будущее, где в кругу счастливой семьи дед рассказывает страшную сказку, как жили люди в далеком прошлом, то есть во времена Леси Украинки:

Да, дети, мир наш, вольный и счастливый,
Темницею казался прежним людям:
И впрямь был этот мир тогда тюрьмою:
Народ ходил в упряжке у народа,
В цепях свободное томилось слово.
Полчеловечества людьми не звали,
Кровавою войной шел брат на брата...

Поэтесса отдала свою жизнь и творческие силы одному благородному делу — борьбе за светлое грядущее, где люди не будут знать ни голода, ни нужды, ни кровавых войн, ни гнета над вольным словом, ни религиозных и политических распрей. Этой мыслью жила Леся Украинка всегда. Уже незадолго до смерти она набросала план драматической поэмы, героем которой должен был стать греческий мудрец-свободолюбец Феокрит. Враги свободы бросают Феокрита в темницу, но его дети спасают от уничтожения драгоценный труд отца, рукопись, в которой изложены священные принципы гуманизма. Они закапывают ее в пески пустыни и поручают ее охрану жизнетворному богу солнца. В их сердцах живет уверенность, что счастливые и вольные потомки, навсегда уничтожив ярмо рабства, по-настоящему поймут и оценят великое дело, за которое боролся и погиб Феокрит. Это устремление в будущее — одна из характерных черт творчества Леси Украинки. В этом она роднится с такими великими народными писателями, как Пушкин и Шевченко, кото-

рые, осуждая зло и бесправие своего века, обращались не только к современникам, но и к потомкам с горячими призывами бороться за человеческое счастье. В сказке «Про великана», созданной поэтессой за несколько месяцев до кончины, встает величественный образ народа, который до поры до времени спит богатырским сном. Но пусть не радуются его враги, — пробуждение великана не за горами:

И встанет великан тогда,
Расправит плечи снова
И разорвет в единый миг
Железные оковы.

Творческий путь Леси Украинки, начавшийся в восьмидесятые годы прошлого столетия, пролег через знаменательную эпоху первой русской революции и оборвался всего за четыре года до Великого Октября. Три десятилетия (1883—1913), наполненные крупнейшими историческими событиями, сформировали ее революционные воззрения и придали творчеству Леси Украинки прогрессивное демократическое направление. Леся Украинка по праву заняла почетное место в ряду замечательных украинских писателей-демократов, живших на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Один из крупнейших украинских писателей этой эпохи, Иван Франко, высоко оценил боевой дух поэзии своей младшей современницы и установил кровную связь ее стихов с поэзией Тараса Шевченко: «Со времен шевченковского «Схороните и вставайте, оковы порвите...» Украина не слыхала такого сильного и горячего слова, как из уст этой слабой, больной девушки».

2

Леся Украинка (Лариса Петровна Косач) родилась 25 февраля 1871 года в Новоград-Волынске. Детские годы ее протекли на Волыни, среди живописной природы. Она с детства полюбила густые леса, быстрые реки и озера родного края, вслушивалась в песни волынских крестьян, впитывала в себя их легенды и сказки, их обычаи и поверья. Детские воспоминания Леся Украинка сохранила на всю жизнь и не раз возвращалась к ним в своем творчестве.

Отец поэтессы, Петр Антонович Косач, был мелким помещиком и занимал одно время должность председателя съезда

мировых посредников. Человек образованный, хорошо знавший литературу, он старался привить детям любовь к книге. По вечерам он читал им вслух сочинения Пушкина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Шевченко, Марко Вовчка.

Мать поэтессы, Елена Петровна, была писательницей, известной под псевдонимом Олены Пчилки. Она происходила из старого дворянского рода Драгомановых. Брат ее отца, Яков, офицер, принимал участие в петербургском «Обществе соединенных славян» и был тесно связан с декабристским движением, за что подвергся заключению в Петропавловской крепости. Свободолюбивые традиции жили в семье Драгомановых. Воспринял их и брат Олены Пчилки Михаил Петрович, человек выдающихся способностей, известный украинский публицист и историк. Начав свою общественно-политическую деятельность, как сторонник социалистического учения, Драгоманов проделал эволюцию вправо, став идеологом украинского национал-либерализма. Впоследствии В. И. Ленин разоблачал «украинского мещанина Драгоманова» и резко критиковал его позицию в национальном вопросе.

М. П. Драгоманов имел несомненное влияние на молодую Лесю Украинку, в чем она сама не раз признавалась. Драгоманов поощрял любовь Леси Украинки к литературе и истории и знакомил ее с выдающимися произведениями русских и зарубежных классиков и современников. Когда Драгоманов из-за репрессий царского правительства вынужден был эмигрировать в Болгарию, где он был профессором университета в Софии, Леся Украинка поехала туда в 1894 году и провела в семье Драгомановых более года. Она пользовалась большой библиотекой дяди для своих работ. Восторженное отношение к Драгоманову, его уму и эрудиции, проявленное Лесей Украинкой в молодости, впоследствии сменилось более критическим подходом к его деятельности. Резко расходилась Леся Украинка во многом и с матерью, Оленой Пчилкой, которая придерживалась откровенно реакционных взглядов. Леся Украинка развивалась в украинской культурнической среде. В доме Косачей часто собирались писатели, художники, музыканты, в том числе поэт и драматург М. П. Старицкий, композитор Н. В. Лысенко; некоторое время в усадьбе Косачей, селе Колодяжном, гостил Иван Франко.

Леся Украинка с детства слышала в кругу своей семьи бесконечные споры о судьбах украинского народа, о путях развития родной литературы.

В такой атмосфере у Леси Украинки зародилось желание писать стихи. Девятилетней девочкой она написала стихотворение «Надежда», посвященное тетке, Елене Антоновне Косач, сосланной за революционную деятельность. В несколько наивных, но прочувствованных строках стихотворения маленькая поэтесса рисует тоску ссыльной по родной Украине. Повидимому, мысль о смелых, мужественных борцах против самодержавия уже тогда волновала Лесю Украинку, ближайшая подруга которой, Александра Судовщикова, была дочерью политического ссыльного.

Весной 1881 года мать Леси Украинки с дочерью и сыном Михаилом переселилась в Киев, потому что детям надо было учиться. В начале 1883 года Леся Украинка заболела. Появились первые признаки костного туберкулеза левой руки. Девочку оперировали, но это не принесло ей выздоровления. Болезнь заставляла ее месяцами лежать в постели. Уже в этом раннем возрасте обнаружились основные черты ее характера: воля, мужество, упорство. Книга стала лучшим другом и учителем больной девочки.

Леся проявляла огромный интерес к различным областям знания, главным образом к литературе, искусству, истории, географии, иностранным языкам.

Очень рано она овладела немецким, французским, а также греческим и латинским языками. Позднее она изучила английский, итальянский, польский, болгарский и испанский языки. Сохранились отрывки из «Одиссеи» Гомера в ее переводе на украинский язык.

Во львовском журнале «Зоря» в 1884 году появилось первое печатное произведение тринадцатилетней Леси Украинки — небольшое стихотворение «Ландыш» («Конвалия»), в котором уже сказалась любовь Леси Украинки к народному творчеству. В нем сопоставляется недолговечная жизнь душистого весеннего цветка с непрочностью человеческого счастья. С тех пор стихотворения Леси Украинки стали печататься в периодических изданиях, главным образом западноукраинских. Десять лет спустя поэтесса выпустила первый сборник. Ближайшее участие в издании этой книги принимал Иван Франко, которого Леся Украинка с гордостью называла своим поэтическим крестным отцом. Поэт, прозаик, ученый, политический деятель, Иван Франко, живя в Западной Украине, захваченной Австро-Венгрией, был крупнейшим представителем демократического лагеря в украинской литературе. Вокруг него в Западной Украине

группировались писатели-реалисты — Василь Стефаник, Марко Черемшина, Лесь Мартович и другие. Все они были неразрывно связаны с литературной жизнью восточной Украины и являлись единомышленниками передовых украинских и русских писателей. Иван Франко был преданным другом русского народа и русской демократической культуры, которую считал самой передовой в мире. Он указывал, что произведения русских писателей «пробуждали нашу совесть, будили в нас человека, будили любовь к бедным и угнетенным».

Леся Украинка, чье творчество развивалось не только под воздействием Тараса Шевченко и Ивана Франко, но и русских революционных демократов, обратила на себя внимание украинских литературных кругов свежестью своего таланта и необычностью содержания большинства произведений. В то время как и в украинской и в русской поэзии восьмидесятых годов резко звучали мотивы уныния и разочарования, Леся Украинка как бы пошла против течения. Осуждая нытиков и маловеров за их бесконечные вопли и жалобы на горькую судьбу родины, она призывала «взяться за работу», «чтобы добиться новых, лучших дней». Под иносказанием «работы» надо разуметь революционную деятельность, направленную на свержение самодержавия.

Читая сборник «На крыльях песен», можно проследить за идейным ростом Леси Украинки.

В ранних стихотворениях поэтессы еще заметны следы народнических влияний и веры в надклассовую миссию интеллигенции, несущей просвещение в народные массы. Самая форма лирических стихотворений этого раннего периода тесно связана с образной системой поэзии русских восьмидесятников. Леся Украинка пользуется их условным словарем, аллегориями и иносказаниями. В образах зимы, ночи, тьмы, беззвездного неба воплощает она суровую реакцию. Весна, солнце, цветущая природа олицетворяют революционные силы, способные прогнать мрак ночи и растопить лед, сковывающий вольное течение замерзшей реки. В начале своего писательского пути поэтесса еще не могла четко ответить на вопрос, как надо бороться за социальное и национальное освобождение своего народа. Но она знала одно — что нельзя сидеть сложа руки.

В лирике поэтессы мысль о борьбе за освобождение родины неразрывно связана с любовью к ней. Горячий патриотизм про-

низывает всю поэзию Леси Украинки — от раннего цикла «Путешествие к морю» и до стихов последних лет. Знаменательно, что патриотические мотивы в ее творчестве, как и у ее учителей — Тараса Шевченко и Ивана Франко, — носят четкую социальную окраску.

Светлые картины живописной украинской природы сочетаются с правдивым изображением лишений и страданий угнетенного трудового народа.

Богатство южной природы, щедрая земля, озаренная животворящим солнцем, заставляют поэтессу думать о судьбах людей труда, обреченных влачить нищенское существование в благодатном краю, потому что их труд нещадно эксплуатируют.

В раннем цикле «Семь струн» (1890) поэтесса с искренней и глубокой печалью говорит о страданиях родины. Но в ее печали нет бессильного отчаяния. Она ищет спасения не в слезах, а в мужественном противодействии темным силам реакции.

Некоторые буржуазно-либеральные критики, оценивая ранние стихи Леси Украинки, не поняли, вернее сказать, не хотели понять их жизнерадостной, оптимистической направленности. Они огульно причисляли молодую поэтессу к поэтам-нытикам. По поводу одной такой рецензии Леся Украинка указывала, что печальные ноты, прорывающиеся в ее стихах, вызваны общественно-политическими причинами, но эти ноты не являются доминирующими в ее творчестве.

Все же наиболее проницательные и добросовестные критики (и в первую очередь Иван Франко) хорошо понимали, что элегические тона ранних стихов Леси Украинки не имеют ничего общего с бессильными сетованиями националистических поэтов.

Нужно отметить, что уже в первых ее стихах звучат оптимистические мотивы и чувствуется гордая уверенность в силе поэтического слова. В стихотворении «Мой путь» (1890) Леся Украинка справедливо говорит, что она «несмелым голосом» запела «ранней весной», когда едва забрезжила заря освободительного движения. И уже тогда она почувствовала слабость борца-одиночки:

Одной недолго сбиться мне с пути,
А вместе будет нам верней идти!

Леся Украинка присоединила свой голос к голосам украинских писателей-демократов И. Франко, М. Коцюбинского,

П. Грабовского и других, которые с ростом рабочего движения все громче призывали к активной политической борьбе за освобождение родины. Она чутко откликалась на их вольнолюбивые призывы:

Когда ж в дороге долгой мне придется
Напев услышать радостный и вольный,
Моя душа, как эхо, отзовется.

Большое место в ее творчестве занимает вопрос об общественной роли поэзии. Не развлекать, не забавлять своими песнями праздных ленивцев, не изливать в стихах никчемную грусть и тоску оторванных от народа интеллигентов, а служить народу, воспитывать людей, «зажигать утомленные души» — вот в чем видит Леся Украинка назначение истинного поэта.

В стихотворении «Певец» (1889) Леся Украинка осудила поэтов, которые, подобно сладкозвучным соловьям, поют любовные песни, а во время тяжелых испытаний для родины забывают о своем призвании. Светлый и чистый образ поэта, подлинного народного певца, создан в поэме «Старая сказка» (1893).

В стихотворении «Предрассветные огни» (1892), написанном в пору, когда Ленин вел упорную борьбу за создание революционной партии пролетариата, дана образная картина пробуждения российского рабочего класса.

Надо отметить, что поэтесса настолько быстро прогрессировала в своем мировоззрении, что тотчас же по выходе сборника «На крыльях песен» она писала одному из западноукраинских литераторов: «На крыльях песен» не является моим последним словом, а если уж думаю идти дальше, так только вперед, а не назад, иначе не стоило бы и выступать». Талант Леси Украинки возмужал и принял более определенное революционное направление, когда она в период 1893—1897 годов, живя главным образом в Киеве, сблизилась с марксистскими кружками.

В письме к видному деятелю галицкой радикальной партии, соратнику И. Франко, Павлыку, от 31 января 1895 года поэтесса указывала на то, что ее творчество уже перешло границы дозволенного в России: «У меня теперь мысль растет и уже и так переросла те рамки, в которых можно делать что-нибудь открыто в России».

Киевские марксисты поддерживали постоянную связь с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего

класса». Им были хорошо известны программные работы В. И. Ленина, особенно написанная в ссылке статья «Задачи русских социал-демократов».

Леся Украинка была знакома с Павлом Тучапским, в ту пору горячим пропагандистом марксизма, видным членом киевской социал-демократической организации. Тучапский группировал вокруг себя революционную студенческую молодежь, и, несомненно, поэтесса с его помощью познакомилась со многими членами марксистских кружков.

Трудно установить степень участия Леси Украинки в революционной работе киевских социал-демократов. Судя по некоторым намекам в ее письмах к близким и родным, поэтесса выполняла отдельные поручения социал-демократической организации, в частности распространяла революционную литературу.

Летом 1897 года Леся Украинка усиленно изучала «Капитал» Маркса. Она сообщала сестре: «Я теперь почти ничего не пишу, вот только половину Kapital'a «проштудировала».

По мере того как она все глубже изучала теорию научного социализма — труды Маркса и Энгельса, по мере того как она сближалась с практикой революционной пропаганды, в ее творчестве все ярче и выразительней звучали гражданские мотивы, все плодотворнее сказывалось влияние марксизма на ее мировоззрение. Именно в эти годы были созданы такие боевые стихотворения, как «Fiat nox!» («Да будет тьма!»), «Вечной памяти листка, сожженного дружеской рукой в тяжелое время», «Слово мое, почему ты не стало...», «На полуслове разговор прервался» и другие.

В конце девяностых годов в творчестве Леси Украинки появляются четкие, реалистические картины классовой борьбы. Герои ее лирических стихотворений — мужественные революционеры, видящие смысл жизни в борьбе с тиранией. Этих целеустремленных, волевых людей Леся Украинка считает своими товарищами по оружию.

В стихотворениях «Другу на память», «Товарищам», «Товарищу», «На полуслове разговор прервался» появляются яркие поэтические образы революционеров, которых не могут сломить никакие преследования. Поэтесса нашла гневные, разящие врагов слова. Презирая соглашательство, готовность прекраснодушных и расслабленных интеллигентов идти на уступки реакции, Леся

Украинка учила ненавидеть врагов трудового народа и уничтожать их:

Признаться, не боюсь, что вспомнить вам случится
Жестокой ненависти ярый пыл.
Что ж, — ненавидеть только тот боится,
Кто никогда глубоко не любил.

(«Другу на память»)

В 1897 году в Крыму Леся Украинка познакомилась с Сергеем Константиновичем Мержинским, одним из видных русских марксистов, членом киевской, а потом минской социал-демократической организации. С. К. Мержинский был человеком большой культуры и тонким ценителем искусства. Он серьезно заинтересовался деятельностью Леси Украинки. Прочитав первое драматическое произведение поэтессы, «Голубая роза», он порекомендовал ей перевести пьесу на русский язык.

Дружба с С. К. Мержинским, начавшаяся в Крыму, оказала большое влияние на Лесю Украинку. Беседы и споры с Мержинским по самым насущным общественным и литературным вопросам навсегда оставили след в творчестве поэтессы.

В 1899 году поэтесса уехала на лечение в Берлин, но и там она следила по немецким газетам за всем, что происходило в России. Полиция арестовывала ее друзей и единомышленников. Леся Украинка знала, что и ей грозит та же участь. В письме к М. Павлыку она писала: «Теперь рубрику Russland в берл[инских] газетах читать не очень весело: голод, аресты, забастовки, побоища... Все-таки хорошо, что я за всю жизнь понемногу привыкла к «заключению» и «лишению свободы» из-за хирургии — это капитал на будущее...»

В том же 1899 году вышел второй сборник стихотворений, «Мечты и думы». Новый сборник Леси Украинки был дружелюбно встречен критикой. В январском номере пражского издания «Slovansky přehled» за 1900 год появились переводы стихотворений Леси Украинки на чешский язык с небольшим предисловием Ивана Франко. Он писал, что «слово Леси Украинки приобретало размах и силу, форма становилась простою и более, чем у кого-либо из современных поэтов, прозрачною и пламенною. Все эти качества выявляются в полной мере и в последнем сборнике ее стихов, «Мечты и думы», изданном во Львове...»

Мержинский связал Лесю Украинку с редакцией петербургского прогрессивного журнала «Жизнь». В 1900—1901 годах

в «Жизни» появились критические статьи Леси Украинки: «Два направления в итальянской литературе», «Малорусские писатели на Буковине», «Заметки о новейшей польской литературе», «Новые перспективы и старые тени».

В этих статьях Леся Украинка выступает открытым союзником русских марксистских критиков и литераторов А. Луначарского, В. Воровского, М. Ольминского. Она также ведет борьбу со всеми и всяческими формами революционной буржуазно-дворянской идеологии, с украинской буржуазно-националистической критикой и декадентской, упадочнической поэзией.

В то время как украинские националисты отстаивали теорию «единого потока», доказывая, что в украинской литературе нет классовой борьбы, Леся Украинка неизменно проводила мысль о наличии в ней двух противоборствующих направлений: передового, демократического, и реакционного, буржуазно-националистического.

Начало девятисотых годов, отмеченное неуклонным нарастанием классовой борьбы, было для Леси Украинки порой напряженного творчества. В украинской литературе особенно обострилась в эти годы борьба между демократическим и буржуазно-националистическим направлениями. Глава декадентов Микола Вороный выступил в 1901 году с «манифестом», в котором ярко выявилась реакционная сущность декадентства.

Писатели-демократы давали достойный отпор всем антинародным выступлениям в литературе и искусстве. Когда М. Вороный издал альманах «З-над хмар і долин», самое название которого свидетельствовало об отрыве от действительности, М. Коцюбинский организовал альманах с характерным заглавием «З потоку життя», в котором Леся Украинка приняла активное участие.

В начале 1901 года Леся Украинка поехала в Минск к тяжело больному туберкулезом легких С. К. Мержинскому. Она окружила нежной заботой умирающего друга. В марте 1901 года Мержинского не стало. Его смерть была тяжелым ударом для Леси Украинки. Она вернулась в Киев, но пробыла там недолго. Состояние ее здоровья заметно ухудшалось. Киевские врачи советовали переменить климат, и поэтесса в апреле 1901 года уехала в Западную Украину.

Пребывание в Галиции и на Буковине, среди живописной горной природы, благотворно влияло на Лесю Украинку и укрепляло ее здоровье. Поэтесса много писала.

Третий сборник стихотворений Леси Украинки, «Отзвуки» (1902), вызвал также ряд одобрительных и подробных отзывов. «Талант Леси Украинки, — писал рецензент «Молодой Украины», — растет неустанно, углубляется, охватывает все новые стороны жизни... а этот новый сборник стихов является также новым, значительным шагом вперед в эволюции творчества поэтессы и свидетельствует о ее последовательном освобождении от чужих влияний, о силе и оригинальности ее творческого духа».

В это время у Леси Украинки обнаружился туберкулезный процесс в легких. Врачи направили ее для лечения на юг. Весь 1902 год и начало 1903 года поэтесса жила на итальянской Ривьере, много ездила, обращаясь к известным врачам за помощью.

В 1903 году Леся Украинка хотела переселиться хотя бы во Львов. Она понимала, что наступает давно ожидаемое время решительной схватки с царизмом, и ей хотелось вести литературную и общественную работу за пределами царской цензуры. Она написала о своем намерении М. Павлыку и получила от него неутешительный ответ Павлык писал, что Лесе Украинке пришлось бы в Галиции отказаться от политики. Эти слова вызвали гневную отповедь поэтессы: «Неужели я должна была бы в Галиции жить еще тише, чем на Украине. Если это так, то это была бы страшная жертва души... Отказаться «от всякой политики» в литературе и в моих связях с метрополией (то есть с Россией. — *А. Д.*) никак не могу, потому что этого не позволяют не только мои убеждения, но и мой темперамент... Я не могу, не в силах отказаться от того, от чего до сих пор не отказалась при худших условиях. Тогда надо было отказаться мне и от моей поэзии, от моих самых искренних слов, потому что произносить их и писать на бумаге, отрекшись от того дела, на которое они зовут, будет позором».

Наряду с политической лирикой поэтесса в эти годы создала ряд драматических произведений («Одержимая», «Вавилонский полон», «В дому труда, в краю неволи»), рассказы и повести, а также литературно-критические и публицистические статьи, в которых она выступала против декадентов.

В годы, непосредственно предшествовавшие первой русской революции, творческая мысль Леси Украинки направлена на постановку и разрешение проблем, связанных с жизнью и устремлением народных масс. Поэтесса неоднократно в своих произведениях говорила о том, что хозяевами жизни должны быть не

цари и вельможи, а строители этой жизни, создатели великих культурных ценностей человечества. Значительное место в ее поэзии занимает проблема творческого созидательного труда.

И в этом она продолжает традиции революционных демократов, которые прославляли великую роль народных масс в создании ценностей мировой культуры. Иван Франко, подобно Шевченко и Некрасову, говорил о преобразующем значении труда:

Лишь труд упорный силы укрепляет,
Лишь труд вселенную перерождает,
В труде лишь, для труда лишь стоит жить!

Леся Украинка в стихотворении «Надпись в руине» (1904) показала, что египетские пирамиды и величественные здания, построенные народом, являются памятниками не фараонам и богачам, а народу — великому созидателю.

Поэтесса заканчивает свое стихотворение знаменательными словами:

Народу памятник — да сгинет царь!

В этом замечательном стихотворении Леся Украинка утверждала бессмертие народа.

Идеи пролетарского интернационализма нашли яркое выражение в стихотворении «Дым» (1903) и в публицистике Леси Украинки.

В своем послесловии к украинскому переводу популярной в рабочих кругах брошюре Дикштейна «Кто чем живет» писательница вдохновенно говорила о силе учения Маркса и Энгельса, о всепобеждающей силе пролетарского интернационализма:

«Благоприятное время не за горами, если мы поможем ему прийти.

А для того, чтобы пробил час полного освобождения всех рабочих из рабства, —

Рабочие всех стран, соединяйтесь! Соединяйтесь, как свободный со свободным, равный с равным!

Чья правда, того будет и сила!»

Мысль о вооруженном восстании против старого мира все чаще выступает в творчестве Леси Украинки в предреволюционные годы. Изображение бунтующих сил природы вызывает к жизни образы народной революции. Если раньше, в крымских циклах, бурное море говорило о буре душевной, о смятении

чувств поэта-борца, то теперь вид взбунтовавшейся морской стихии приводит к прямой мысли о близости народного восстания:

Острым блеском вдруг волны заискрились
После бури в прозрачную ночь,
Будто войско мечами булатными
Хочет снять вражьи головы прочь.

Блеск оружия, рокот раскатистый...
Будто встал возмущенный народ,
Будто сила народа могучая
Непреклонно на приступ идет.

3

Политическая лирика Леси Украинки стала особенно зрелой и революционной в 1905 году. Призывы к восстанию зазвучали увереннее и решительнее. Поэтесса полным голосом говорила о приближающейся буре революции, которая должна смести старый мир.

Красные знамена восставшего народа, революционные песни, твердая поступь рабочих отрядов на улицах городов, боевой дух трудовых масс — все это отразилось в творчестве поэтессы в историческом 1905 году.

Ее письма этого периода насыщены ненавистью к самодержавному строю и исполнены верой в победу народных масс, поднявшихся на борьбу. Когда Олена Пчилка писала дочери в Тифлис, где поэтесса находилась в начале 1905 года, убеждая ее «писать поспокойнее», она была возмущена этими советами матери и отвечала, что захвачена происходящей в стране «борьбой весны и зимы» (подцензурное определение борьбы революции и контрреволюции). «В Тифлисе также был один такой «весенний» день, когда лужи человеческой крови стояли на тротуарах до вечера. Не до спокойных тем в такой обстановке...» — отвечала она матери 6 февраля 1905 года.

В октябре 1905 года Леся Украинка приехала в Петербург. Она видела мощные рабочие демонстрации и жила бодрыми и радостными настроениями, которыми была охвачена столица.

Поэтесса писала 3 ноября 1905 года своему другу, ученому и писателю А. Е. Крымскому: «...в поэзии я достигла неожиданной гармонии между настроением моей музы и общественным настроением (это далеко не всегда бывало!). Мне как-то не

приходится даже напоминать этой своевольной богине об ее общественном долге — так очаровал ее суровый багрянец красных знамен и говор бурной толпы».

Непосредственные впечатления от революционных выступлений народных масс отразились в таких произведениях Леси Украинки, как «Песни про волю», «В катакомбах» и «Осенняя сказка».

В «Осенней сказке» поэтесса аллегорически изобразила революционные события 1905 года. Драматическая поэма «В катакомбах» — пламенный гимн неугасимому человеческому влечению к свободе, прославление «прометеизма», титанического порыва к борьбе с неправдой — религиозной и социальной.

Наряду с произведениями, проникнутыми революционным пафосом, поэтесса создает цикл сатирических стихов («Веселый пан», «Практичный пан», «Пан-политик», «Пан-народник», «Сказочка про край царя Гороха» и другие).

Сатира, вырвавшись из оков царской цензуры, расцветала в 1905—1906 годах в полулегальных, выходивших явочным порядком сатирических журналах, русских, украинских, латышских и других. Эти журналы обычно жили недолгой жизнью — их закрывали и конфисковывали, но все эти «Сигналы», «Буреломы», «Пулеметы», «Пушки» сменяли друг друга, осмеивая царских министров, жандармских палачей, бездарных реакционных генералов. В украинском сатирическом журнале «Шершень» принимали участие передовые демократические литераторы, и среди них чуть ли не первое место занимала Леся Украинка. Она дала едкие портреты панов-либералов различных видов, подобно тому, как М. Коцюбинский и Панас Мирный срывали маски с мнимых народолюбцев. Модный в ту пору жанр революционной сказки был с успехом воспринят Лесей Украинкой. В «Сказочке про край царя Гороха» метко осмеяны «контрмеры» царских властей против революционного народа, а в «Сказке про Оха-чародея» в аллегорической форме выведены перепуганные интеллигенты, угодничавшие перед душителями революции.

Поэтесса мечтала о «мужицко-пролетарской газете», в которой она была готова делать «самую черную работу», ибо такая газета нужна народу и он даст деньги для ее издания.

Проведя некоторое время в Петербурге, Леся Украинка вернулась в Киев, где свирепствовал полицейский террор и неистовствовала «черная сотня». В январе 1906 года полиция явилась на квартиру одного сотрудника русской прогрессивной газеты

«Киевские отклики» и застала там восемнадцать человек, среди которых была и Леся Украинка. Полиция нашла при обыске подпольные издания революционной литературы и рукописные материалы для сатирического журнала «Шершень».

На этот раз поэтесса избежала ареста. Но немало ее друзей и родных было арестовано. «Не дай бог, какое время настало, — писала Леся Украинка, — кажется, нет семьи, у которой не было бы какого-нибудь несчастья».

В начале 1907 года на квартире у Леси Украинки был произведен обыск. Жандармы изъяли между прочими книгами и документами комплект ленинской «Искры». Леся Украинка была арестована. Весть об ее аресте вызвала возмущение в передовой печати. Один петербургский корреспондент писал: «В Киеве идут бесчисленные и бессмысленные аресты и обыски, принявшие под конец маловероятные формы: были арестованы престарелый композитор Лысенко, известная писательница Леся Украинка». Вскоре поэтесса была освобождена.

Болезнь заставила Лесю Украинку уехать в Ялту. В Киев писательница вернулась летом 1907 года. Она вышла замуж за своего друга, собирателя украинского музыкального народного творчества К. В. Квитку.

В 1908 году Леся Украинка вместе с К. В. Квиткой занялась организацией этнографической экспедиции на Полтавщину для записей при помощи фонографа украинских народных дум. В экспедиции участвовал известный украинский музыковед и фольклорист Ф. Колесса. Экспедиция успешно провела работу: множество народных песен и дум было записано с голоса знаменитых кобзарей, хранителей старых песенных традиций — Михайла Кравченко, Гната Гончаренко и других.

Письма Леси Украинки к Ф. Колессе по поводу экспедиции поражают горячим энтузиазмом и большой любовью к сокровищам народного творчества. Несмотря на стесненность в средствах, Леся Украинка оплатила все расходы по экспедиции и об этом из скромности умолчала, ссылаясь в письмах на какого-то мифического «субсидатора».

Последние годы жизни Леся Украинка провела на Кавказе, где служил ее муж, в Крыму, в Египте, куда ее направляли врачи для лечения.

1907—1913 годы были порой тяжелой и неустанной борьбы Леси Украинки со смертельной болезнью. Но вместе с тем эти годы явились годами высокого творческого труда.

4

После поражения революции 1905 года в стране свирепствовал полицейский террор. Но ни карательные отряды, ни виселицы не сломили боевого духа передовых сил революции. Они перегруппировались, готовясь к новым решительным боям. В лагере интеллигенции произошел раскол. Наименее стойкие из интеллигентов не только сложили оружие, но и оказались предателями, перешли на сторону врагов народа. Другие, отойдя в страхе от революции, превратились в обывателей и нытиков.

Упадочные настроения части интеллигенции отразились в буржуазной литературе. Столпы русского декадентства старались оправдать ренегатство и измену революции, уходили в мистику, проповедовали разврат и самый отъявленный индивидуализм.

Эпоха реакции не сломила Лесю Украинку; она выдвинула перед поэтессой новые, ответственные общественно-политические и художественные задачи.

Леся Украинка, как и другие художники-демократы, резко выступала против всех антинародных, реакционных тенденций в литературе и искусстве. Она работала теперь главным образом в области драматургии. В 1907—1913 годах поэтесса написала ряд крупных драматических произведений, в которых живо откликалась на самые насущные социальные вопросы. Она бичевала мягкотелость и отступничество слабонервных интеллигентов, разоблачала предателей и маловеров (драматический этюд «На поле крови», драматическая поэма «Кассандра»), раскрывала их пагубную роль для общества. Наряду с этим поэтесса создавала образы стойких, мужественных борцов за человеческое счастье, пламенных патриотов. Именно в это время горячий призыв Леси Украинки — умереть, но не сдаваться! — звучит с особенной силой.

Несмотря на то, что болезнь быстро прогрессировала, Леся Украинка упорно работала. Она писала близким, что хочет сделать все, что может. В 1911 году ею была написана драма-феерия «Лесная песня», в 1912 году — драма «Каменный хозяин». Затем появилась последняя завершенная драматическая поэма «Оргия».

Драматургия, как основной жанр Леси Украинки, имела свои характерные особенности. Поэтесса часто при выборе тем и сюжетов обращалась к прошлому. Но перенесение действия в далекие страны и эпохи не являлось для Леси Украинки уходом от современности, а, наоборот, способствовало философски-обобщенному раскрытию темы.

В образах библейских персонажей, древних римлян, средневековых рыцарей Леся Украинка воплощала современные, волновавшие ее проблемы. Однако это не значит, что персонажи ее драматических произведений являются лишь «рупорами идей».

Леся Украинка как драматург твердо стояла на реалистической почве и не отрывала своих героев от исторической эпохи, в которой они жили и действовали. Так, например, поставив целью разоблачить ложь и лицемерие христианской церкви, провозглашавшей классовый «мир» богачей и бедняков, поэтесса в полном соответствии с исторической правдой показала классовое расслоение в христианской общине и устами Раба-неофита в поэме «В катакомбах» гневно осудила проповедь смирения и покорности.

Когда поэтесса задумала нарисовать моральное разложение императорского Рима, она дала в «Руфине и Присцилле» правдивую, реалистическую картину нравов римского амфитеатра, наполненного кровожадной, дикой и развратной толпой.

В драматургии особенно полно и логически ясно раскрываются атеистические взгляды Леси Украинки. В галерее образов, созданных поэтессой, мы находим такие зловещие фигуры, как пуританский проповедник ханжа Годвинсон («В пуще»), как носители дикого христианского фанатизма, например, Изоген («Адвокат Мартиан») и Парвус («Руфин и Присцилла»). Лесе Украинке одинаково враждебны, одинаково вызывают ее осуждение как жестокость грубых и властолюбивых язычников-римлян, преследующих первых христиан, так и лицемерие и ложь епископов и клира в христианских общинах.

Пользуясь вслед за Тарасом Шевченко и Иваном Франко библейскими образами и сюжетами, поэтесса переосмысляет их, освобождая от религиозно-мистической трактовки, и вскрывает социальную основу изображаемых характеров и событий. Так, например, в драматической поэме «На поле крови» Леся Украинка отказалась от обычной христианско-мистической трактовки образа Иуды, якобы фатально обреченного божественной волей на предательство, и нарисовала на вполне реальном фоне отвратительный образ Иуды — частного собственника.

Так, и в своих апокрифах и легендах Леся Украинка преобразила библейских героев и героинь, Саула, Давида, Рахиль, придав им новое идейное толкование, отличное от мистико-религиозного.

Особенно дороги Лесе Украинке мужественные, протестую-

щие и непокорные люди, преданные до конца своей идее, крепнущие в трудностях непримиримой борьбы. Таков Раб-неофит в драматической поэме «В катакомбах». Таков и «варвар» Нартал в «Руфине и Присцилле», страстно ненавидящий как Рим, со всей его рабовладельческой культурой, так и христианство, как более утонченную форму угнетения.

Но для дела борьбы за человеческое счастье мало одной ненависти к угнетателям, мужества и стойкости. Нужна высокая сознательность, преданность великой идее, верность гражданскому долгу. Поэтесса с лирической страстностью нарисовала ряд таких героев и героинь гибнущих, но не сдающихся, не уклоняющихся от высокой цели своей жизни.

Самоотречение, отказ от личного во имя общественного, самопожертвование во имя великой идеи — вот качества человека, которые прославляет Леся Украинка в своей драматургии.

Погибающие, но не покоренные, «положительные герои» Леси Украинки всегда знаменуют собой неудержимую волю к победе над темными силами произвола.

Вот почему катастрофа в драмах Леси Украинки никогда не приводит к пессимистическим выводам. Личная драма героя или героини не знаменует собой гибели того дела, которому они преданы до конца. Ясная, всепокоряющая тема общественного служения и борьбы за торжество великих идей ровным и теплым светом озаряет творчество Леси Украинки. Скульптор Ричард Айрон («В пуще») гибнет как художник, загнанный в дикую пущу. Но ведь он сам погубил себя и свое искусство, бежав от жизни и от борьбы. Без борьбы, без труда на благо народа, нет ни жизни, ни искусства, — утверждает Леся Украинка.

«Лесная песня» завершается гибелью Мавки, смертью доброго и мудрого дяди Льва. Мы грустим об уходе из жизни хороших и добрых героев, — но звучит симфония прекрасной, вечно творящей природы, и поэтесса вновь зовет нас к жизни и борьбе, к мудрому пониманию окружающего.

Оптимизм Леси Украинки вырастает из глубокой веры в окончательное торжество добра и социальной справедливости.

Творчество Леси Украинки обогащено глубокими впечатлениями от многих стран, с жизнью которых она была знакома. Поэтесса побывала в Италии (Рим, Генуя, Венеция, Флоренция, Помпея, Милан, Сан-Ремо), в Германии (Берлин), Австрии (Вена), в Болгарии (София, Владая, Филиппополь), Польше (Варшава), в Чехословакии (Прага), Египте (Каир, Гелуан).

Лесе Украинке приходилось жить и работать в тяжелых материальных условиях. Литературный труд украинского писателя оплачивался скудно и нерегулярно. Журналы и газеты, в которых печаталась поэтесса, могли платить своим авторам лишь незначительные гонорары. Леся Украинка должна была давать частные уроки и браться за переводы деловых бумаг, чтобы хоть как-нибудь обеспечить себе скромную жизнь на дорогостоящих заграничных курортах.

С великим мужеством и упорством Леся Украинка творила до последнего дня жизни. За два месяца до смерти она писала из Гелуана (Египет) Ольге Кобылянской: «...ну что ж, ведь и лежачим светит солнце и на них смотрят звезды, и драгоценный пурпур египетского заката им виден, и золотая пустыня навевает свои жаркие полуденные грезы, и они проходят перед их глазами. Это все еще не отнято у меня, так зачем же мне очень на печальный лад настраиваться? Да здравствует жизнь! . .»

У поэтессы созревали новые и новые творческие замыслы, на столе лежали страницы повести «Экбаль-ганем», посвященной судьбе арабской женщины; возник план драматической поэмы о греческом мудреце, творящем для потомства. Несколько раньше был написан большой цикл стихов «Весна в Египте».

Когда Леся Украинка описывала знойные пески египетской пустыни, фабричное предместье Генуи или пышную природу берегов Средиземного моря, — она неизменно вспоминала родную украинскую природу и трудового человека своей родины. В стихотворении «Сон» (из цикла «Весна в Египте») выражена тоска поэтессы по Украине. Египетский пейзаж — расстилающийся перед глазами «синий шатер неба», немилосердно жгущее солнце — сменяется милой сердцу картиной:

Хата и садик, лужайки зеленые,
Пруд за ольхою, затянутый ряскою...
Вот — Украина...

Поэтесса видит радостный сон: Украина живет свободной, счастливой жизнью:

Хватит скитаться... довольно блужданий...
Жизнь станет светлой... Край мой родной,
Вместе со мною от мук ты избавился.
Небо не плачет, и люди не хмурятся.
Спать бы и видеть всегда этот сон...
Жизнь станет светлой...

Лечение в Гелуане не улучшило здоровья Леси Украинки. В начале 1913 года она вернулась на родину и в последний раз побывала в Киеве. Украинская общественность устроила торжественную встречу поэтессе. Она стояла перед своими почитателями, по свидетельству очевидца, «бледная, прозрачная, с руками, наполненными цветами, со словами, полными энергии, любви и веры, и со смертью в глазах...»

Леся Украинка уехала на Кавказ. Она умерла в Сурами (Грузия) в ночь на 1 августа 1913 года.

8 августа гроб с прахом поэтессы прибыл в Киев. Большая вокзальная площадь была запружена народом. Здесь были рабочие, крестьяне, интеллигенты — киевляне и делегаты из Петербурга, Баку, Полтавы, Одессы, Екатеринослава, Львова и других городов. Они явились отдать последний долг писательнице, которая жила для народа и умерла с верой в близкое его освобождение.

Похороны Леси Украинки превратились в революционную демонстрацию. Полиция сорвала красные ленты с венков, запретила речи и песни на могиле поэтессы. Отряд конной полиции сопровождал похоронную процессию до Байкова кладбища.

Большевистская газета «Рабочая правда» поместила некролог, в котором говорилось, что Леся Украинка, «стоя близко к освободительному общественному движению вообще и пролетарскому в частности, отдавала ему все силы, сеяла разумное, доброе, вечное. Нам надо сказать ей спасибо и читать ее произведения...»

В том же некрологе было сказано: «Леся Украинка умерла, но ее бодрые произведения долго будут будить нас к работе — борьбе. Добрая вечная память писательнице — другу рабочих!» [1]

5

Леся Украинка занимала выдающееся место в современной ей украинской литературе.

Благодаря глубокой идейной близости к социал-демократическому рабочему движению поэтесса насыщала свое творчество идеями научного социализма, марксизма.

---

[1] «Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе», Гослитиздат, 1937, стр. 191, 192.

Принимая марксизм, как теорию революционного рабочего класса, Леся Украинка, однако, не до конца усвоила ряд основных положений марксизма, что приводило ее порой к отдельным ошибкам и заблуждениям. Это сказалось в некоторых публицистических работах писательницы и в драме «Боярыня», где прозвучали в основном чуждые ей тона драгомановского национал-либерализма.

В определении места Леси Украинки и ее мировоззрения было допущено немало «передержек» и прямых фальсификаций. Некоторые критики пытались, вопреки исторической правде, превратить Лесю Украинку в родоначальницу пролетарской литературы на Украине, чуть ли не с первых дней своего творчества усвоившей идеи научного социализма. Так игнорировалась эволюция творческого пути Леси Украинки.

Буржуазные националисты, а вслед за ними и вульгарные социологи, пренебрегая спецификой творчества поэтессы, объясняли ее художественные произведения как прямые аллегории современности, а греков, римлян и библейских персонажей превращали в переряженных украинцев. Все эти и прочие извращения нанесли немалый вред изучению творческого наследства Леси Украинки.

Не надо забывать, что писательница проделала эволюцию, освобождаясь от влияния буржуазно-либеральной среды и ведя борьбу с нею. Несмотря на отдельные ошибки в мировоззрении и творчестве Леси Украинки, ее произведения имели большое значение для развития украинской демократической литературы.

Она была художником-новатором, расширявшим рамки родной поэзии, искавшим новые формы для глубокого идейного, социально острого, боевого содержания.

Основой творческого метода Леси Украинки был критический реализм. В лирике, в драматургии и прозе писательница стремилась прежде всего быть верной принципам жизненной правды.

Но Леся Украинка не ограничивалась воспроизведением действительности и разоблачением ее теневых сторон. Она, изображая эту действительность со всей правдивостью и во всех ее противоречиях, идет дальше, чем критический реалист: поэтесса намечает перспективы будущего, призывает не только познавать мир, но и перестраивать его. Социалистическими чертами характеризуется и революционная романтика Леси Украинки. Ее положительные герои борются не только за сегодняшний, но и за завтрашний день. У них есть своя мечта — не зовущая назад,

как у реакционных романтиков, а ведущая вперед, к революционному обновлению мира.

Поэтесса относилась одинаково отрицательно и к натурализму, дававшему грубую копию жизненных явлений, и к уходу от действительности в заоблачные мечты и фантазии. В многочисленных высказываниях Леси Украинки о литературе мы видим последовательно проводимую мысль о том, что подлинный художник должен быть неразрывно связан с современностью. Естественно, что такая связь возможна только при наличии реалистического метода творчества.

В творческом методе Леси Украинки обнаруживается умение рассматривать жизненные явления в их движении и развитии. Это умение особенно сказалось в ее драматургии, где основные конфликты постоянно строятся на столкновении двух непримиримых начал — передового, революционного, и отсталого, реакционного. Иногда этот конфликт выражается в простой форме диалога, как мы это видим в драматической поэме «В катакомбах», где Раб-неофит вступает в спор с Епископом. Но иногда борьба двух мировоззрений изображается гораздо сложнее и характер борца раскрывается разносторонне и последовательно в ряде столкновений с противодействующими персонажами, как, например, в «Адвокате Мартиане» или в «Руфине и Присцилле».

Во многих лирических стихотворениях и поэмах движущей пружиной сюжета является такой же драматический конфликт между двумя враждебными мировоззрениями. Стоит припомнить, например, поэта и рыцаря из «Старой сказки», девушку и монахиню в «Грешнице» и др.

Положительный герой в творчестве Леси Украинки нередко показан в романтически возвышенных тонах. Однако это не ведет к ослаблению основного реалистического звучания ее произведений, не нарушает главного принципа жизненной правды.

Необходимо отметить, что точность деталей в описании характеров, природы, обстановки далека от протокольного копирования явлений и фактов писателями-натуралистами. Поэтесса справедливо утверждала, что «в литературе важнее *портреты, а не фотографии*... что без «выдумки» нет литературы, что подлинно реалистическим описанием можно назвать только то, которое перед глазами читателя создает яркую и выразительную картину».

Леся Украинка стремилась к такой яркости и выразительности рисуемых ею реалистических картин. Для этого ей приходилось вести большую подготовительную работу и тщательно изучать материал, исторический, этнографический, бытовой, относящийся к разным эпохам и народам. А. Е. Крымский писал по этому поводу: «Я не смогу назвать ни одного писателя, который бы относился с такой ответственностью к своей работе, как Леся Украинка. Она готовилась писать драмы «В катакомбах» и «Адвокат Мартиан» и обратилась ко мне с просьбой дать ей какие-нибудь научные труды, по которым можно было бы ознакомиться с тайным христианством и с развитием власти митрополитов, в пору их преследований. Я послал ей специальную диссертацию Годулянова «Развитие власти митрополитов в первые три века христианства». Леся Украинка основательно изучила эту работу, большую диссертацию, а потом написала мне: «Это меня не удовлетворяет. Мне нужны оригинальные документы», а она знала классические языки — латинский и греческий — и писала, что именно нужно ей достать. Я послал ей еще одну обширную диссертацию Олара «Преследования христиан в Римской империи», толстую книгу на французском языке. Поэтесса читала месяца два, а затем написала, что не может ограничиться этим. Она попросила еще ряд книг. Я ей послал целую библиотеку. Она все эти книги внимательно перечитала. Могу без преувеличения сказать, что она была настоящим ученым, исследователем».

Леся Украинка была человеком упорного творческого труда. Ей приходилось преодолевать физические мучения, вызванные тяжелой болезнью.

В одном из писем к матери от 28 февраля 1898 года поэтесса говорила об этом: «Мне кажется, что мне предстоит какая-то большая битва, из которой я выйду победительницей или совсем не выйду. Если у меня действительно есть талант, то он не погибнет, — ведь это не талант, когда он может погибнуть от туберкулеза или истерии. Пускай и допекают меня все эти беды, но, зато, кто знает, не куют ли они для меня такое оружие, какого нет у других, здоровых людей».

Поэтесса работала благодаря гигантскому напряжению, как бы одним порывом, вдохновенно и необычайно быстро. Так, она в одну ночь написала драматическую поэму «Одержимая», а для «Лесной песни» ей потребовалось всего десять дней! В одном из писем Леся Украинка говорила о своем «демоне», то есть неудер-

жимом творческом порыве: «Толпа образов не дает мне спать по ночам, мучает, как новый недуг, — тогда только приходит демон страшнее всех недугов и приказывает мне писать».

Однако было бы ошибкой думать, что все произведения Леси Украинки написаны одним порывом. Известно, что она годами вынашивала художественные замыслы драматических поэм «В пуще», «Кассандра», поэмы «Вила-посестра».

Богатство идейного содержания поэзии Леси Украинки сочетается с богатством и разнообразием формы. Как в области содержания поэтесса была новатором, смело вводившим в родную литературу большие философские и культурно-исторические проблемы, так и в области формы она явилась новатором, давшим украинской поэзии необычайное разнообразие ритмов, метров и образов.

В поэзии Леси Украинки мы находим всевозможные размеры — от строгих античных гекзаметров и пентаметров до гибких и разнообразных ритмов украинского народного стиха. Учителями Леси Украинки в области поэтической формы были великие русские поэты, и прежде всего — Пушкин и Лермонтов. У них она училась гибкости и музыкальности стиха, передающего во всей полноте и ясности поэтическую мысль. Когда в девятисотых годах русские декаденты прославляли «поэзию как волшебство» и провозглашали главенство формы над содержанием, Леся Украинка осталась верна традициям великих учителей и сохранила в своей поэзии гармоническое сочетание содержания и формы.

В соответствии с реалистическими принципами, которых Леся Украинка строго придерживалась, язык ее поэзии прост, выразителен и лишен какой бы то ни было вычурности, манерности.

Литературное наследство Леси Украинки велико и разнообразно.

Пожалуй, наименее известна широкому читателю ее художественная проза. Начав в восьмидесятых годах со сказок, согретых теплым чувством любви к трудовому человеку, Леся Украинка дала в девяностых годах ряд бытовых зарисовок родной Волыни («Такова ее доля», «Школа», «Весенние песни», «Сочельник»). В девятисотые годы писательница успешно работала в жанре психологической новеллы («Над морем», «Дружба», «Ошибка», «Призрак»). Хотя в области прозы Леся Украинка не достигла той художественной высоты, до какой поднялась в

произведениях других жанров, все же ее очерки, повести и рассказы представляют собой значительное явление в украинской литературе. По идейной направленности проза Леси Украинки близка к лучшим произведениям украинских писателей-демократов: М. Коцюбинского, Панаса Мирного, А. Тесленко, С. Васильченко.

В самое последнее время изучены архивы поэтессы, восстановлены подлинные тексты ее произведений, освобожденные от цензурных и редакционных искажений. Это дает возможность еще глубже и разностороннее изучать творчество поэтессы, еще ярче представить себе ее жизнь и идейный облик.

Прошло всего десять лет, как на русском языке впервые появился однотомник избранных произведений Леси Украинки. Но с тех пор выдающаяся украинская поэтесса заняла прочное место в библиотеках русского читателя и вызвала к себе заслуженную любовь советских людей, оценивших и великий талант Леси Украинки и ее мужественную жизнь.

АЛЕКСАНДР ДЕЙЧ

ЛИРИКА ЛЕСИ УКРАИНКИ

1

Леся Украинка вошла в историю литературы главным образом как автор драматических произведений и поэм, в которых тоже очень силен драматический элемент. Выступила она, однако, на литературном поприще как поэт-лирик и в продолжение всей своей недолгой, героической и страдальческой жизни все время обращалась к лирике, бурно и неуклонно подымаясь на вершины, очень удаленные от первых детских проб, в которых отдана была дань господствовавшему тогда в украинской литературе сентиментализму, но которые все же были отмечены чертами подлинного таланта. Этот талант одним из первых заметил и приветствовал Иван Франко, чья критическая чуткость и проницательность были поистине изумительны.

В статье И. Франко о стихах молодой поэтессы находим мы и часто цитируемые слова, что Леся Украинка — «едва ли не единственный мужчина на всю современную соборную Украину». (Под «соборной» Украиной Франко понимал украинские земли, входившие в состав Российской империи, и земли, находившиеся под австрийским владычеством.) Это высказывание Франко тем интереснее, что оно относится к раннему периоду творчества Леси Украинки, когда еще только намечались черты ее мужественной поэзии, впоследствии с особой силой проявившиеся в драматических и эпических ее произведениях Но мы не можем полностью согласиться с утверждением Франко, которое он высказал в той же статье 1898 года: «...ее талант —

лирический, но не узкосубъективный; ей удаются и эпические и драматические формы, но только тогда, когда они являются только формами ее могучей лирики». Замечу, однако, что элементы лирики или лиризма видим мы и в таких, скажем, поэмах, как «Вила-посестра» или «Изольда Белорукая», и в таких драматических произведениях, как «Лесная песня», напоенная воспоминаниями детства, овеянная народной песней, красотой родной Волыни, и в драматических поэмах и пьесах с древнегреческой, древнеримской, староиспанской и другой тематикой, где остро звучала современность, как остро звучала она, скажем, в «Неофитах» Шевченко или в «Моисее» Франко. С другой стороны, драматизм, внутренние диалоги, борьба антагонистических идей, которыми богаты чисто драматические произведения Леси Украинки, родственные в этом смысле античной трагедии и драматургии Шиллера, все отчетливее и отчетливее выступают в ее лирике.

Уже в 1890 году, то есть еще совсем молоденькой девушкой, пишет Леся Украинка свое программное стихотворение «Contra spem spero!», начинающееся словами: «Прочь, осенние думы седые».

Стихотворение это перекликается с так же озаглавленным стихотворением высоко ценимой Лесею Украинкой Марии Конопницкой. Не менее интересна и проблема — какое место занимал в творческой жизни Леси Украинки, наряду с любимыми ею Пушкиным, Некрасовым, Гейне, Шевченко, — Адам Мицкевич. Речь идет не о влияниях и заимствованиях, а о той атмосфере, в которой рос творческий дух великой поэтессы, подымаясь над юными увлечениями, когда Леся Украинка считала себя ученицей даровитого, но не очень оригинального украинского поэта Михаила Старицкого, когда ей не чужды были и симпатии к Надсону.

Стихотворение «Contra spem spero!» еще как будто насквозь субъективно, но в нем уже чувствуется зарождение того великого боевого духа, которым пронизано творчество Леси Украинки.

Не вполне ясно, о какой «работе» писала поэтесса в том же 1890 году:

Что пользы плакать в мире гнета?
Для нас возвратных нет путей.
Возьмемся лучше за работу,
Добьемся новых, светлых дней!

(«Повсюду плач и стон глубокий...»)

Это выясняется позже, когда под влиянием русских революционеров-демократов, под влиянием Некрасова, Шевченко и того же Франко, затем — под могучим влиянием классиков марксизма благодаря общению с членами марксистских кружков того времени созревает общественно-политическое и философское мировоззрение писательницы, выкристаллизовывается — хоть и не с окончательной, предельной ясностью — идеал «новой жизни». Во всяком случае, вспоминая всю деятельность и творчество Леси Украинки, а особенно ее острую публицистику, никак нельзя согласиться с тем, будто, призывая приниматься за работу, она хоть когда-нибудь призывала к «малым делам», к примирению с правящими классами и пресмыкательству перед ними, на что украинскую интеллигенцию толкали идеологи хуторянства («просвитянства»), буржуазные либералы, националисты, соглашатели...

Своим проницательным взглядом Леся Украинка вскоре увидела тот процесс, который совершался в России, в частности на Украине, в девяностые годы, увидела ту новую силу, которая выходила на арену истории:

Прорезали тьму этой ночи.
Еще не вставала заря, —
Они уже блещут, горя,
Их люд зажигает рабочий.

(«Предрассветные огни»)

Иногда еще, правда, звучит у Леси Украинки мотив борьбы в одиночку (стихотворение «В ненастную тучу»).

Но этот мотив гордого одиночества, индивидуальной борьбы с темными силами, с тяжелыми обстоятельствами личной жизни можно понять, пристальнее вглядевшись в биографию писательницы и общественные отношения на Украине того времени.

На протяжении всего своего творческого пути писательница смотрела на поэзию, как на оружие, и понимала свое призвание: поэзией-оружием служить делу борьбы за социальное и национальное освобождение народа:

Слово, оружье мое и отрада,
Вместе со мной тебе гибнуть не надо.
Пусть неизвестный собрат мой сплеча
Метким клинком поразит палача.

Пусть же в наследье разящее слово
Мстители примут для битвы суровой.
Верный клинок, послужи смельчакам
Лучше, чем служишь ты слабым рукам!

В заключительных словах — ключ к пониманию стихотворения, к полному пониманию личной трагедии Леси Украинки, которая из-за своего тяжелого физического недуга, а отчасти, может быть, и под влиянием семейных обстоятельств не могла принимать действенного участия в общественной работе, точнее — в революционной борьбе.

А отсюда — и понимание долга поэта, миссии поэта, поэтического подвига, отсюда и понимание поэзии слова, как активной, живой, бурной, огненной силы:

Сражайте, режьте, даже убивайте,
Не будьте только дождиком осенним,
Сжигать, гореть должны вы, а не тлеть!

(«Ритмы»)

Не удивительно, что человека с такими взглядами неодолимо привлекал образ Прометея, образ, которому уделяли внимание и великий трагик древнего мира Эсхил, и глубокий мыслитель Гете, и пламенный Шевченко, давший этому образу новую и своеобразную трактовку, перенеся его в современность. Леся Украинка, вообще имевшая склонность по-своему освещать и по-своему поворачивать мировые темы, делавшая это с удивительной и малопонятной для большей части ее современников смелостью, подчеркивала символическое значение мифа о Прометее, духа «Прометея», «прометеизма». «Потомки Прометея» — любимое и полное глубокого содержания выражение писательницы. Этими словами характеризовала Леся Украинка товарищей революционеров, которых мучили в царских тюрьмах и ссылке. «Потомками Прометея» считала она великих поэтов, великих людей всех эпох и народов.

И наряду с именем мифического богоборца появляется у Леси Украинки имя конкретного, исторического вождя восставших рабов — имя Спартака («Другу на память»).

Если взять лирику Леси Украинки в совокупности со всем ее творчеством и с ее острыми публицистическими и критическими работами, то пред нами ясно вырисуется образ неукротимого борца, родственный образам Байрона, Виктора Гюго, Гейне, Петефи, Мицкевича.

И все же слова Франко о Лесе Украинке, как «единственном мужчине», вели иногда к одностороннему пониманию ее творческого облика. Да, поэзия ее была мужественной, смелой, волевой, боевой, но в сердце у этого «единственного муж-

чины» — что, впрочем, отмечал и Франко — таилась глубокая нежность, чистая женственность, жажда любви. Таилась и иногда выливалась в словах, большей частью подернутых печалью, вызванной и обстоятельствами личной жизни и условиями жизни общественной:

Эта тихая ночь-чаровница
Покрывалом спокойным, широким
Распростерлась над сонным селом.
В небесах просыпалась зарница,
Будто в озере тихом, глубоком
Лебедь всплескивал белым крылом.

С каждым всплеском тех крыл лебединых
Сердце билось, в тоске сиротело,
Замирало в тяжелой борьбе.
Истомил меня злой поединок,
И мне песню пропеть захотелось,
Лебединую песню себе.

В этой лирической жемчужине привлекают к себе внимание и глубокие, тонкие образы, и оригинальная ритмика, и сложное расположение рифм, но прежде всего — предельная, хватающая за сердце искренность.

Иногда грусть Леси Украинки перерастает в отчаяние, в желание отказаться от жизни, уйти от нее, «уплыть с водою Офелией, украшенной цветами».

Но мотивы грусти и отчаяния не могли победить ту, которая на щите своем начертала: «Убей — не сдамся». И мы читаем в том же самом цикле «Ритмы»:

И что мне не дает промолвить просто:
«Да, ты, судьба, сильней — я покоряюсь».
Зачем при мысли о таких словах
Сжимаю я незримое оружье,
А в сердце зреют кличи боевые?..

2

Говорят: «поэзия мысли», «поэт мысли». Эти определения ничего собственно не означают. Бездумная поэзия — не поэзия. Слова Пушкина, что «поэзия... должна быть глуповата», — иронический парадокс, блестяще опровергнутый самим Пушкиным.

Но, конечно, есть поэты, творчество которых особенно богато мыслями, борением идей, интеллектуальными исканиями.

К таким поэтам принадлежала Леся Украинка. О судьбе тиранов и народов размышляет она в знаменитом стихотворении: «Надпись в руине» (1904) с остро революционной концовкой:

Давно в могиле царь с лицом тирана,
И от него осталась только надпись.
Певцы, ученые, мечтая, не старайтесь
Найти царя исчезнувшее имя:
Судьбою создан из его могилы
Народу памятник — да сгинет царь!

Характерно в этом стихотворении утверждение, что лица всех тиранов, всех царей одинаковы:

...лицо его похоже на Тутмеса,
И на Рамзеса, и на всех тиранов.
. . . . . .
Лицо его похоже на Тарака,
На Менефта, как и на всех тиранов.

Оригинальный, неожиданный поворот темы, свойственный Лесе Украинке, о котором уже говорилось, поражает в стихотворении «Забытая тень» (1899). В нем автор, вспомнив о «бессмертной паре» — Данте и Беатриче, напоминает читателю о «бедном образе», «дрожащей тени» — о жене Данте.

Жизнь жены великого флорентийца была тяжелой, омытой слезами:

По тем слезам, как по росе жемчужной,
Прошла в отчизну славы Беатриче.

В этом пристальном внимании к «забытой тени» — характерная для Леси Украинки волнующая человечность.

Стихотворение «Дым» (1903) посвящено впечатлениям от путешествия по Италии. Воспоминания об Украине, пейзаж итальянских «рисовых полей», а затем — Генуя в фабричных дымах. «Богатство наше вот здесь растет», — сказал Лесе Украинке какой-то проезжий господин.

А поэтесса думает о другом и видит другое:

За окнами мелькали очертанья
Каких-то лиц невольничьих, бескровных,
А надо всем тот дым, тот легкий дым,
Что глаз не ест, как будто и не душит,
А только небо ясное скрывает,
И у людей крадет сиянье солнца,
Пьет кровь усталых лиц и гасит взоры,
И все цвета окрашивает серым.

Никто его не слышит, но всегда —
И день, и ночь, и каждую минуту —
Бесшумно и таинственно, но внятно
Он говорит: «Я здесь, я вечно здесь».
Тот итальянский дым проник мне в сердце,
И сердце больно сжалось, онемело
И уж не говорило мне: «чужбина».

Тут совершенно ясно проявляется интернационализм, чувство международной солидарности. Огромной силой гнева, а иногда и сарказма отмечены «Песни про волю» — непосредственные отклики на русскую революцию 1905 года:

«Смело, друзья!» Что ж так песня рыдает?
«Смело, друзья!» Как на смерть провожает.

И поэтесса обращается к борцам, к манифестантам, чтобы они сложили песню

Так, чтоб она засияла лучами,
Так, чтобы ясное красное знамя,
Следом за нею взлетев в небеса,
Реяло гордо, творя чудеса.

С возмущением высмеивает Леся Украинка либералов, интеллигентов, которые, приплясывая, поют: «нагаечка, нагаечка». «Не такой карманьолой, — говорит поэтесса, — можно напугать тиранов».

В прямой связи с этим последним стихотворением из цикла «Песни про волю» находится ряд сатирических стихотворений Леси Украинки, написанных в 1906 году. Уже сами заглавия некоторых из них говорят о направленности этих стихов — «Веселый пан», «Практичный пан», «Пан-политик», «Пан-народник». Тема «Практичного пана» в какой-то мере перекликается с темой рассказа Коцюбинского «Лошади не виноваты». И все же, на мой взгляд, сатира и юмор — это боковые тропки в творчестве великой писательницы, и она редко по ним ходила.

Когда думаешь о богатстве тематики Леси Украинки, об умении ее проникать в дальние страны и давние эпохи и неизменно находить там созвучное современности, то вспоминаются слова, которыми в свое время был охарактеризован Пушкин: «дар перевоплощения».

Леся Украинка была поэтом высоких и больших идей, и эти идеи она всегда воплощала в конкретных формах. Примером этого могут служить ее драматические произведения из античной

истории, в частности ремарки в них с подробным описанием жизни, быта, одежды и т. д.

В цитированном выше стихотворении «Дым» она говорит о дыме, вьющемся над итальянским селением: «Огня не много для «поленты» нужно».

Яркий бытовой штрих!

Лишенная из-за тяжелой болезни возможности погружаться в гущу жизни, Леся Украинки из-за этой самой болезни много путешествовала: Крым, Италия, Египет, Кавказ.

Жадный взор поэтессы везде находил, прежде всего, людей. Как ясновидящая, она читала их мысли, проникалась их настроениями, перевоплощалась в них.

В цикле 1911 года «Из путевой книжки» мы находим портрет итальянского мальчика, юнги на корабле («На стоянке»). Мальчик перед нами — как живой, и живет итальянский город, куда он мечтает возвратиться, мы даже как будто видим епископский сад, где крадут апельсины для своего «бывалого друга», рассказывающего небылицы о заморских краях, загорелые Кекко, Джанни и Паолино...

Обладая несравненным даром перевоплощения, вооруженная обширнейшими знаниями, Леся Украинка не раз откликалась своими произведениями на разные литературные голоса. Шевченко, которого она боготворила, только в раннюю пору ее творчества имел на нее непосредственное влияние. Зато унаследовала она от него неукротимый и несгибаемый бунтарский дух, на всю жизнь вооружилась его лозунгом: «Боритесь — поборете». Мы уже говорили о влиянии на творчество Леси Украинки античных трагиков, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Мицкевича и Гейне, которое не ослабило, а укрепило ее поэтическую самобытность. Творческое усвоение наследия великих мастеров не имеет ничего общего с подражанием, эпигонством, — это, быть может, ни в чьей деятельности не выразилось с такой очевидностью, как у Леси Украинки.

Первые известные нам произведения Леси Украинки были в значительной мере подражанием народным песням. Через всю свою жизнь пронесла поэтесса любовь к народному творчеству, которое она прекрасно знала; знание это с особенным блеском проявилось в «Лесной песне».

Форма стихов Леси Украинки, как и форма стихов ее учителя и друга Ивана Франко, поражает необычайным разнообразием строфики, метрики, ритмики, чего совершенно не заме-

чали некоторые ее современники, толковавшие о «монотонности» стиха поэтессы. Мы видим у нее и канонические сонеты, октавы, секстины, гекзаметры, и вполне оригинальные построения строф, и пятистопные белые ямбы, к которым она охотно обращалась, потому что они давали широкий простор для выражения мыслей и возможность использовать и ораторские и разговорные интонации, и разнообразные формы «свободного стиха» (верлибр). Им она написала такое прекрасное произведение, как «Отрывки из письма» (в цикле «Крымские отзвуки»). В этом стихотворении, где автор дает, между прочим, и объяснение тому, почему она пишет верлибром, мы видим яркий образ растения Saxifraga, о котором поэтесса говорит:

Камень пробил он собой, тот камень, что все победил,
Что задушил и дубы
И терновник упрямый.
Этот цветок по-ученому люди зовут Saxifraga,
Нам, поэтам, назвать бы его «ломикамень»
И уваженье воздать ему больше, чем пышному лавру.

Таким «ломикамнем» было и творчество великой писательницы.

В своих белых пятистопных ямбах поэтесса иногда сбивалась на шестистопные (это случалось, правда, очень редко, даже у Пушкина). Следует отметить, что особенно свежих, богатых, а тем более изысканных рифм Леся Украинка специально не искала. При этом, однако, надо помнить и общий уровень украинской стихотворной техники в то время.

Не выискивая нарочито оригинальные эпитеты, Леся Украинка то и дело находила эпитеты необычайной меткости и тонкости: «буря яснооκая», «рыжий хамсин», «в желтой и слепящей мгле», «беловейный туман»; «злато-багряная верба» (осенью). Живописность, пластичность ее образов изумительна.

Леся Украинка была очень музыкальным человеком в прямом смысле слова. Она любила и знала музыку, хорошо играла на рояле. В элегии «К моему фортепьяно» инструменту посвящены проникновенные строки.

Но когда мы говорим о музыкальности стиха Леси Украинки, то она, конечно, не объясняется ни ее знанием музыки, как искусства, ни ее любовью к народной песне, которая с такой силой проявилась в драме-феерии «Лесная песня». Поэтическая музыкальность — дар особого рода. Изумительный мастер

звукописи Александр Блок не был музыкальным человеком в обычном понимании, хотя и любил пользоваться термином *музыка* для определения значительных явлений человеческой жизни и истории. Поэтическая музыкальность идет от острого и тонкого *чувства слова*. Это чувство было чрезвычайно развито у Леси Украинки, прекрасно знавшей литературную и народную речь и с необычайной свободой и вместе с тем с большим тактом создававшей в случае художественной необходимости неологизмы, которые казались совершенно естественными и давно бытующими в жизни словами. В сочетании с изощренной остротой зрения, с изумительным даром *видения мира* это чувство слова делало Лесю Украинку, борца и гражданина, и замечательным художником.

М. РЫЛЬСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

НАДЕЖДА

Ни доли, ни воли мне жизнь не дала,
Одна лишь, одна мне надежда мила:

Увидеть опять Украину мою
И все, что мне любо в родимом краю,

На Днепр голубой поглядеть еще раз,
А там все равно — пусть умру хоть сейчас,

Взглянуть еще раз на курганы в степях,
Вздохнуть напоследок о пылких мечтах.

Ни доли, ни воли судьбой не дано,
Одной лишь надеждой мне жить суждено.

Луцк, 1880

ЛАНДЫШ

Рос в лесочке белый ландыш,
Дуб над ним высокий
Защищал его от бури
Кроною широкой.

Но недолго белый ландыш
Рос и красовался,
Был он, милый, кем-то сорван
И с землей расстался.

Панночка взяла с собою
Тот цветок душистый.
На балу с ней очутился
Ландыш серебристый.

На балу на том веселом
Музыка играет,
А у бедного цветочка
Сердце замирает.

Эта панночка в веселом
Вальсе закружилась,
А у ландыша головка
Повяла, склонилась.

И тогда промолвил ландыш:
«Прощай, лес мой милый,
И ты, дуб, прощай, высокий,
Друг ты мой единый!»

И замолк цветок. А панна
Сбросила небрежно
Равнодушною рукою
Ландыш белоснежный.

Только, панна, этот ландыш
Вспоминать придется,
Если вдруг беда нагрянет,
Счастье отвернется.

Ты недолго, моя панна,
Будешь веселиться,
На балах парадных в танцах
До утра кружиться.

И тебя ведь, может статься,
Друг любить не будет
И, как тот цветок поблекший,
Кинет и забудет!..

Волынь, 30.X.1884

САФО

Над волнами моря, на круче,
В венке из лавровых ветвей
Прекрасная дева сидела
С певучею лирой своей.

И в лад своей песне печальной
На лире играла она,
И сердца великая мука
Была в этой песне слышна.

С тоскою она вспоминала
И славу свою, и весь свет,
Людское коварство, измену,
Любовь и печаль своих лет,

Надежды свои и страданья...
И, сбросив лавровый венец,
В пучине шумящего моря
Нашла своей песне конец.

Колодяжное, 3.XI.1884

* * *

Порою, едва лишь примусь за работу,
Кончаю ли дело свое, — отчего-то,
Как будто в осенние дни облака,
Находит на душу глухая тоска.

Вдруг горькая мысль остановит мне руку,
Что вижу вокруг я страданье и муку,
И слезы... И в сердце сомненья растут:
Да нужен ли он — незаметный мой труд?

Не справились с горем и долей унылой
И лучшие люди. Что ж я с моей силой?
И дело бросаю, берет меня зло,
Но думы иной меня греет тепло:

А может быть, все-таки я своей песней
Утешу того, кто безвестных безвестней,
От сердца пропетою песней моей
Зажгу утомленные души людей.

А может, мы с песней не лишними будем,
Мой труд пригодится на что-нибудь людям, —
И вновь исчезают сомненья и грусть,
И с ясной душой я за дело берусь.

[*1888*]

ПЕСНЯ

Есть ли лучше вас, весенних,
Цветы полевые?
Есть ли лучше вас на свете,
Годы молодые?

Дважды в год цветы не всходят
И не расцветают;
В жизни годы молодые
Дважды не бывают.

Вы не вяньте хоть до лета,
Цветики, цветите!
Будет доля, будет счастье,
Лета подождите!

Но еще не вянет рута,
Цвет не осыпает, —
Не печаль себя, дивчина,
Ты ведь молодая!

[*1888*]

ПУТЕШЕСТВИЕ К МОРЮ

(Посвящается семье М. Ф. Комарова)

I

Прощай, Волынь! Прощай, мой край любимый,
Разлуки жребий мне с тобою дан,
Я — листик, с ветки сорванный родимой...
И мчит меня железный великан.
Передо мной чудесными коврами
Природа стелет темные луга,
Шумят везде сосновыми лесами
Днепра и Случи милой берега.
Под голубым высоким небосводом
Сверкают всюду речки серебром, —
То чародейка, вечная природа,
Стоцветные ковры раскинула кругом.

II

Дальше, все дальше! Как плахты в заплатах,
За полосою легла полоса,
После закрыло все тучей косматой
Душного дыма, и скрылись леса.
Горы веселые, долы в цветенье
Разом исчезли, как светлые сны,
Через минуту, нет — через мгновенье
Скрылись за далью, они не видны!..
Счастья прошедшего дни дорогие
Быстрое время сжигает в огне.
Вянут они, как цветы полевые.
Вспомнишь — как будто приснилось все мне!

III

Краса Украины, Подолье!
Ты в милом покое предстало!
Как будто бы сроду недоля
И горе тебя не знавало!

Ой! за балочкой веселой
Хороши, пригожи села,
Хаты вишнями закрыты,
Светлой дымкою повиты,
Тополя стоят на воле,
Говорят с ветрами в поле.

Там нивы шумят золотые,
Простор без конца и без края,
Боры вековые густые
Друг другу там тайны вверяют.

Ой, зеленые овражки,
Стежки в солнце и в ромашках,
Словно ленты разноцветные,
К речке сходятся, заветные.
Речка в берег бьет сыпучий,
Льется, льется из-под кручи...

Краса Украины, Подолье!
Каким предо мной ты предстало!
Как будто бы сроду недоля
И горе тебя не знавало!..

IV

Солнце проснулось, солнышко встало,
Все озаряет и греет
И, по степи разливаясь, огнем засверкало —
Степь от него пламенеет.
Ярко широкая даль розовеет,
Где луч прольется искристый,
Только лишь глянешь на запад, туман там синеет,
Вот он клубится, росистый.

Вот там село протянулось степное
В балке веселой, зеленой,
Легкою дымкой обвито оно голубою,
Только на хате беленой
Вижу зеленую крышу. А дальше — где гляну —
Дальше все степи без края,
И лишь ветряк где-то вынырнет вдруг из тумана:
Холм иногда замечаю.
В небе ни тучки, блестит голубое;
Тихо, и ветер не веет.
Всюду, куда ни взгляну, предо мною
Только трава зеленеет...

V

Как город велик, как дома в нем высоки,
Людей там немало!
Вот музыка вдруг заиграла.
Расходятся всюду людские потоки
Широкою лавою, валом.

Но это чужбина! Как горько здесь все же.
От дома далеко,
Как здесь тяжело, одиноко!
И счастье тому, кто к огню где-то сможет
Склониться и слухом и оком.

Все ж добрые люди меня повстречали
В далекой чужбине,
Там друга в хорошей дивчине
Нашла я. Мы вместе у моря бывали
Не раз тихим вечером синим.

Зажглись всюду звезды на небе спокойном,
Огни засверкали
В домах городских. Мы стояли,
Смотрели, как ярко на море раздольном
Несметные звезды сияли.

Теряется взгляд на просторе широком,
А думка не знала,
Где б счастье она повстречала.
Надежду, любовь свою — в небе высоком
Иль в море покой свой искала?

Нет, думка! Приюта в лазурном просторе
Искать бесполезно,
Напрасно ты бросишься в бездну:
Любовь и надежда не в звездах, не в море,
А в людях и в дружбе их тесной!

Там встретиться можешь с правдивой душою
И с думой свободной,
Где светел луч правды народной,
Там мир и любовь будут, думка, с тобою,
Покой — лишь в могиле холодной!..

VI

С душным городом время расстаться,
Сердцу хочется быть на просторе!
Вижу издали — волны искрятся,
Ходят вольно по синему морю.

И свершилось, о чем я мечтала,
Что ждала я с таким нетерпеньем,
Нас на волнах морских закачало
В ясный утренний час, в воскресенье.

Поднимается солнышко рано,
Море синее плещет, играет,
Его солнышко, встав из тумана,
Золотыми лучами встречает.

Что белеет вон там на раздолье?
То ли облачко легкое реет,
Где-то в небе гуляя на воле?
То ли парус на лодке белеет?

В море шумные плещутся воды,
Там волна на волну набегает,
Голубеет шатер небосвода
И края свои в море купает.

Алый свет протянулся с востока,
Глаз не сводишь с долины искристой;
За кормою дорога широко
Разбежалась лазурью лучистой.

Остается дорога за нами,
Там волна за волною в погоне,
Будто степью идут табунами
Белогривые быстрые кони.

А далеко на западе где-то
Среброкудрые волны кивают, —
«Нереиды», проснувшись с рассветом,
Первый луч в хороводе встречают...

И проходят походкою легкой —
Вот уж близко видна эта стая,
Вдруг опять чуть белеет далеко,
Откатившись к туманному краю...

Море! море! В бескрайном просторе
Ты движенья полно и покоя!
Забывая и счастье и горе,
Все земное — лишь быть мне с тобою.

Хоть на час, хоть на миг бы единый,
Чтоб не видеть на свете иного,
Кроме этой лазурной долины
И простора ее голубого!..

VII

Ой, высоко солнце в ясном небе встало
И лучи горячие всюду раскидало.
По волнам лазурным плывет челн по морю.
Вот и берег виден! Прибыли мы вскоре.

Вот уж солнце разбросало лучи золотые,
Осветило Аккермана башни крепостные,

Мы идем в турецкий замок древний, темный,
Чтобы нашу славу, беды наши вспомнить, —
Вспомнить нашу славу, казацкую волю
И злую неволю, тяжкую недолю.

Доля тут гуляла прежде с волею кровавой;
Ой, как трудно доставалась та горькая слава!

Эти башни круглые, суровые башни —
Стены ненадежны, и хмуры, и страшны.
И повсюду в стенах крепостных бойницы,
А при хмурых башнях «темные темницы».

В тех темницах люди наши принимали горе,
Слали думки крылатые через сине море...

А в темницах темных нету ни оконца,
Не видать ни света, ни ясного солнца;
А свет такой милый, хороший, лучистый.
Под солнцем сверкает лиман серебристый:

Его волны шумно в берег плещут, голубеют.
А вдали чуть-чуть заметны, как туман белеют...

Глянуть на лиман тот — и отрадно взору!
Здесь когда-то мчались волны по простору
С легкими челнами, с теми байдаками,
Что сюда ходили да за казаками.

Быстро казаки летели, братьев вызволяли...
За стенами крепостными вороги дрожали...

Слава, наша доля! Слава, мать родная!
Тяжко затоскуешь, тебя вспоминая!
Кровью вся покрыта горькая судьбина!
Кровью затопила долю Украина!

Ой, лиман с волною мутной, что шумит на воле,
Где же, где же наша слава, куда делась доля?

Иль на то казаки гибли в злой неволе?
Бились тяжко да искали всюду лучшей доли.
Иль на то лилися кровавые реки,
Чтобы все пропало, забылось навеки?

Если ж так напрасно гибнуть рыцарям пришлось,
То ужель о них потомки думы все забросят?..

Все прошло! От громкой славы в дни былые
Лишь остались стены крепости немые.
Где ходили прежде турки-янычары,
Там пасутся мирно по лугам отары...

Где казак лихой расстался с буйной головою,
Вырос там бурьян колючий с крапивой глухою.

И цветок там вырос у темницы, в яме, —
Мы его сорвали, пусть он будет с нами.
Тот цветок, быть может, вырос из родного
Казацкого сердца, сердца молодого?..

Думал ли казак тот разве, идя на чужбину,
Что цветок из сердца будет взят на Украину?..

Грустно тут повсюду, здесь покой глубокий,
Ни души не встретишь в замке одиноком,
Минарет белеет возле замка стройный,
Молодой пастух в нем дом себе устроил.

Но и в доме-минарете пастуха не слышно, —
Поглядеть на дол зеленый он на башню вышел.

И с высокой башни как на море взглянет —
Видит, ходят волны быстро на лимане,
Бегут, исчезают волны в синем море...
Пастуха блуждает взгляд в морском просторе...

И для дум его заветных тут простор широкий,
Что же думает потомок рыцарей далеких?..

VIII

Уж солнце идет на покой;
Вечернее море темнеет,
Не плещется в берег волной
И, как изумруд, зеленеет.

Багровые искры дрожат,
Упав на зеленые волны,
Мигают огнем и горят,
Как будто сверкание молний.

Широко дорога легла,
Где волны корабль разрезает,
Как снег и как мрамор бела,
Но миг — и она исчезает.

Стал розовым пенистый край,
А искры то вспыхнут, то гаснут...
Луч кинут последний... Прощай,
День солнечный, ласковый, ясный!

IX

Путь кончится вскоре, —
Уж звезды над морем
Сияют на небе повсюду,
Встал месяц высоко,
Мой дом недалеко —
Я скоро на родине буду.

Огни городские,
Как ленты цветные,
Спускаются к морю, сверкая,
И там над волнами
Сияет огнями
Корабликов легкая стая.

Минуты промчатся,
Придется расстаться
С тобой, величавое море!
И вновь меня примет,
Охватит, обнимет
Земное привычное горе.

И где я ни буду,
Тех дней не забуду —
Останутся вечно со мною!
Прощай, сине море,
С волной на просторе, —
С могучей свободной волною!

1888

ПОСЕЩЕНИЯ

В эту бессонную ночь, ранним часом, еще до
рассвета,
Встало виденье одно перед взором моим утомленным:
Темнобагровое пламя, как будто бы отблеск пожара,
Вестник беды неминучей, раздвинуло темень ночную.
В пламени гения образ явился мне темный,
В длинной одежде, — она, словно туча, его закрывала
И на ветру колыхалась, как бурное море;
Отблеском стали холодной широкие крылья сверкали,
Черные длинные кудри спадали на плечи.
В черных и острых глазах у него взгляд неверный
светился,
В нем и нездешняя мука и ужас отчаянья были,
Грустно смотрел он в простор, проливая горючие слезы;
Горе тому, кому в сердце те жгучие слезы прольются!
Горе с бедою и суетность мира увидит он сразу,
В сердце его загорится огонь ненасытный и страшный.
И безнадежность еще в этом взгляде горела.
Грустно, печально лицо его, словно осенняя туча.
Скована страхом, я взгляд перед ним опустила,
Он же промчался, как ветер, и скрылся в просторе.
Глубже еще и черней темнота надо мною сомкнулась...

Вечер был лунный и ясный, и ласково звезды сияли;
Воздух вечерний был тих, и лишь изредка ветер
Взмахивал легким крылом, и далеко, далеко
Гул колокольного звона за темной горой раздавался.

Белая вдруг полоса пролегла серебристым сияньем
В доме моем, — слишком ярко уж месяц двурогий
Этой ночью светил. Чья-то тень в том сиянье
явилась. —
Тень была легкой, лазурной и, словно грезы, неясной.
Гений то был, но, однако, не тот, что являлся
Темною ночью тогда, когда страхом сковал мою душу.
Тихо стоял он, и еле одежда его колыхалась:
Светлые, легкие кудри вились над челом благородным,
Белые крылья в сиянии лунном сверкали,
Ясными были глаза, их взгляд лучезарным казался;
В нем и тоска, и надежда, и горечь, и боль отражались,
Руки ко мне протянув, словно звал он меня за собою.
Мне улыбнулся тот гений — от этой улыбки
Словно цветок расцвела вдруг желанная сердцу
надежда.
Горе людей пробуждало во мне не унынье, а жажду
Доли светлей и прекраснее, — тот идеал мне светился
В радостном взгляде, и сердце за ним устремиться
хотело,
Но поглядел на меня он печально, — мне сердце
сказало,
Что к поднебесным просторам еще улететь я
не в силах...
Гений исчез, как туман серебристый от солнца,
В небе заря молодая уже начала заниматься,
Из-за горы доносился гул колокольного звона...

[*1888*]

НА ГОДОВЩИНУ ШЕВЧЕНКО

В дни былые наша хата
Темная стояла,
А соседская чужая
Огнями сияла.

Но тебя, Кобзарь, чужие
Не влекли пороги,
Ты пахал родную ниву,
Свой клочок убогий.

И звучала твоя кобза
Звоном серебристым,
Отдавалась в каждом сердце
Эхом ясным, чистым.

Ты спокойно отдыхаешь,
Наш отец, в могиле —
Твои ж песни на Украйне
Думы разбудили.

Пусть же дум твоих высоких
Луч средь нас сияет, —
«Искра пламени большого»
Ввек не угасает.

Чтоб сиянье не угасло
Пламени большого, —
Свое вечное «на страже»
Ты поставил слово.

Как тебя, нас не приманят
Пороги чужие,
И пахать мы будем нивы
Милые, родные.

[*1889, начало марта*]

ПРИРОДЕ

Я в детстве на твоем, природа, лоне
И радости и горе изливала,
Я матерью тебя всем сердцем величала,
Сложив перед тобой признательно ладони.

Ты искру божью в грудь мне заронила;
Надежда — как ее я воспевала! —
Мне путеводною звездою стала
И видеть в людях доброе учила.

Когда ж почувствую, что угасает
Надежды милой луч, в свои, природа, руки
Прими вот это сердце в час разлуки,
И новый луч пускай ему сияет.

[1889]

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Не дивитесь, что цветом прекрасным
Распускается девичья прелесть, —
Так под солнцем спокойным и ясным
Расцветает подснежник в апреле.

Не дивитесь, что мысли большие
Будят в сердце и слезы и речи, —
Так весною ручьи молодые
Рвутся с круч и несутся далече.

Не дивитесь, что сердце так рьяно
Жаждет воли и смелого дела, —
Или вы не слыхали, как рано
Песня жаворонка зазвенела?

[*1889*]

ПЕВЕЦ

Рдели багряные, пышные зори,
Бывало, весной.
Песни звенели в щебечущем хоре
Одна за другой.

Переливалась сквозным самоцветом
На зорьке роса,
И озарялась предутренним светом
Природы краса.

Гордо алела красавица роза —
Цветок из цветов,
И наклонялись зеленые лозы
К царице садов.

Пел соловей над листвою росистой
О розе своей,
Пел, заливался певец голосистый,
Лесной чародей.

Слал он вечерней звезде над водою
Прощальный привет,
Песнею звонкой дружил со звездою,
Встречавшей рассвет.

И пролетел он залетною птицей —
Весенний тот час.
Осенью все теперь позолотится
Надолго у нас.

Ранними осень пугает ночами,
Роняя печаль;
Месяц едва озаряет лучами
Холодную даль.

Тихо кругом, только ухают совы,
Нахмурился лес.
И не слыхать соловьиного зова.
Ох, где ж он? — Исчез!

Скрылся далеко в заморские страны
Чудесный певец.
Розы, пылающей нежно и рдяно,
Там ярок багрец.

Глухо и грустно кругом на просторе.
О лес мой ночной!
Бросил певец тебя. Бросил он в горе
И край свой родной.

Всюду теперь тишина и молчанье.
Лишь ветер листвой
Глухо шуршит... Не дриады ль стенанье
Над вялой травой?

Огненных слов отчего я не знаю,
Горячих, живых?
Зиму прогнать из любимого края
Сумела б я вмиг.

Вечно звенела бы в роще родимой,
Светла и ясна,
Песня... И вечно б, любовью томима,
Дышала весна.

Пусть и свободу и дар соловьиный
Имела бы я —
Я б не рассталась с твоею кручиной,
Отчизна моя!

Волынь, 1889

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

(Любимой матери)

Уж закатилось на небе солнце
И месяц смотрит в мое оконце,
На небе звезды уж засияли.
И все уснуло, спят и печали.
Выйду я в садик, да под луною
Песню спою я ранней весною.
Как мне привольно тут на просторе —
В такую пору забудешь горе!
Кругом деревья, белеют хаты,
И распевает певец пернатый.
Ой, где ж так вольно, так ясно ныне,
Как здесь, на нашей родной Волыни!
Ночь овевает хаты, ласкает,
Как малых деток мать обнимает,
Весенний ветер тихонько дышит,
Как будто в люльке детей колышет.

[1889]

УЗНИК

В темнице узник молодой сидит,
И взгляд его блуждает и скользит
По сводам тем, нависшим, закопченным,
И по стене сырой, от грязи черной.
Седые крылья с лютою тоскою
Простерты у него над головою.

Мечта стремится в неоглядный свет, —
Его покрыл теперь весенний цвет...
«Забудь тот свет! Крепка твоя темница» —
И падает мечта подбитой птицей.
Но он не плачет, он в тоске глубокой
К окну приник, угрюмый, одинокий.

Перед окном дорога вдаль ведет,
И сколько равнодушных днем пройдет!
Кто едет, кто идет — на стены взглянет.
Холодный взгляд!.. Ох, сразу сердце вянет!
Душа живая гибнет здесь до срока,
Но думы всех от узника далеко...

Дорогой женщина идет одна.
Да как она грустна, да как бледна!
И на руках у молодицы этой
Сидит ребенок, нищенски одетый.
Ой, как пригож ребенок тот несчастный,
Такую красоту найдешь не часто!

Увидел узник из окна двоих,
Белее снега стал он в этот миг.
Ох, это ж его женка молодая!
Ох, это ж доченька его родная!
«Мой милый, здравствуй!» — женщина сказала,
А в голосе ее слеза дрожала.

А дочка — та резвилась у окна,
И щебетала все отцу она:
«Ку-ку! Ку-ку! Где ты? А, вот где — вижу!
Возьми меня ты на руки, возьми же!»
Ей, верно, думалось: он шутит шутку
И за решетку скрылся на минутку.

Отец же ручку дочки целовал
И горькими слезами обливал.
«Моя ты доченька, моя отрада!..»
А мать сказала: «Бедная, как рада...
Мала, еще беды не понимает, —
Второй уж день нас голод донимает.

На днях еще несчастней стали мы:
Нас ростовщик доводит до сумы,
Он свел за долг последнюю корову...»
И, больше мужу не сказав ни слова,
К холодным плитам бедная припала,
Отчаянно и горько зарыдала.

И дочка тянет жалобно свое
И тихо хлеба просит у нее.
«Прощай!» — сказала женщина уныло
И дочку на оконце посадила.
Отец расцеловал дитя родное
И поделился коркою сухою...

И долго, долго он глядел им вслед.
Но и теперь не плакал узник, нет.
Глаза его слезой не засверкали,
Нет, камнем в сердце слезы те упали.
Он только руки заломил с тоскою:
«Зачем, зачем слюбился я с тобою!»

[1889]

К МОЕМУ ФОРТЕПЬЯНО

(Элегия)

Мой давний друг! Расстаться я с тобою
Должна надолго. И тебя мне жаль.
С тобой делилась я своей тоскою,
Тебе вверяла горе и печаль.

Ведь при тебе, о друг мой давний, верный,
Прошло все детство раннее мое.
Едва коснусь тебя порой вечерней —
Передо мной прошедшее встает!

Встает картина: вот такой же вечер,
Сошлись друзья, и — весела, легка —
На клавишах твоих мотив беспечный
Играет чья-то нежная рука.

Но кто же тихо плачет там, в сторонке?
Чье там рыданье сдержанно звучит?
Своей тоски не превозмочь ребенку,
Душа его от горьких дум болит.

О чем я плакала, о чем рыдала?
Ведь было все так весело кругом...
Ох, видно, горе я предугадала,
Что тучей встанет на пути моем!

Чем далее, тем больше тьмой ненастной
Той сизой туче надо мной висеть...
Опять печаль? Что ж делать мне, несчастной?
Кто ж осенью веснянки станет петь?..

Но средь того тяжелого тумана
Светил мне луч, приоткрывалась даль.
Бывали дни и радости нежданной,
Позабывались горе и печаль.

Когда я клавиши перебирала,
Прекрасный мир рождался предо мной,
И мне надежды радугой сияли,
Летел далеко дум крылатый рой...

Мой друг! Минут с тобою светлых, чистых
Я больше знала средь тревог своих.
От этих струн — любимых, голосистых —
Рождалось много лучших дум моих.

Хоть не всегда открыто говорила
С людьми я о тоске своей глухой,
Хоть многое от самых близких скрыла, —
Всегда я искренней была с тобой.

А ты, мой друг, ты не таил волненья,
Все звуки мне свои передавал
И сердцу, жаждавшему утешенья,
Так ласково слова надежды слал.

Надолго расстаемся мы с тобою!
Никто теперь твой не разбудит звук.
Не знаю я, как быть и мне с тоскою...
Прощай, мой давний, мой любимый друг!

15.III.1890

НА СТАРИННЫЙ МОТИВ

«С добрым утром, горлинка родная!» —
«С добрым утром, друг ты мой желанный!» —
«Что тебе приснилось, дорогая?» —
«Сон приснился, только очень странный...»

«Что же ты видала, свет мой ясный?» —
«Много лилий нежносеребристых». —
«Утешайся, то цветок прекрасный —
Знак надежд и упований чистых».

«Лилии качались и сияли,
Залитые тихим лунным светом,
Сладостные грезы навевали
И гордилися своим расцветом.

И сияли чистою красою,
Невозможной в жизни настоящей.
И сверкали крупною росою,
Самоцветами на них горящей.

Подошла я к лилиям поближе,
А они все вдруг затрепетали,
Начали клониться ниже, ниже,
Почернели и совсем упали.

С лепестков увядших покатились
Светлые, сверкающие росы
И в траве измятой засветились,
Как обильно пролитые слезы».

«Странные тебя пленили грезы...
Мне же розы снились до рассвета». —
«Утешайся, потому что розы —
Наслажденья и любви примета».

«Эти розы алые стояли,
Как цветы неведомого рая,
И листвой зеленою сияли,
В свете солнечном благоухая.

Как они чудесно пламенели,
Как дрожали от чудесной страсти,
И цвели, и трепетно горели
От любви, от радости, от счастья.

Я к одной из них склонился было,
Чтоб к груди ее прижать... И что же?
Розы вдруг поникли все уныло;
Та, что выбрал я, увяла тоже.

И умылась буйною росою,
Задрожала вся, затрепетала,
Словно вдруг подкошена косою,
Блеклая — она к ногам упала...»

...И смутились люди молодые, —
Снов своих они понять не в силах.
И пошли — печальные такие...
Дай им бог, чтоб все счастливо было!..

24 марта 1890

ВЕСНЯНКА

(Сестре Олесе Зирке)

Коль ясное солнце
Уронит свой утренний свет
К тебе на оконце —
Ответь на весенний привет.
Веселая птичка,
Олеся-сестричка!
Вставай спозаранку,
Встречай молодую веснянку!

Коль первый цветочек
До времени холод убьет
И бедный листочек
Холодной росою польет, —
Не плачь, не жалей их —
Весна одолеет!
Вставай спозаранку,
Встречай молодую веснянку!

Коль дождичек частый
Заслонит нам солнечный свет
И в туче ненастной
Весны затеряется след, —
Живи, молодая,
Надежд не теряя!
Вставай спозаранку
И пой золотую веснянку!

Я летом покину
Любимые эти края...
Пойдешь по малину —
Пожалуйста, вспомни меня!
Ой, вспомни, Олеся,
Сестру свою Лесю —
Певунью, беглянку,
Дарящую эту веснянку.

6 апреля 1890

CONTRA SPEM SPERO![1]

Прочь, осенние думы седые!
Нынче время весны золотой.
Неужели года молодые
Беспросветной пройдут чередой?

Нет, я петь и в слезах не устану,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться стану,
Жить хочу! Прочь, печальные, прочь!

Я цветы на морозе посею,
В грустном поле, в убогом краю
Те цветы я горючей своею
И горячей слезой окроплю.

И холодного снега не станет,
Ледяная растает броня,
И цветы зацветут, и настанет
День весны и для — скорбной — меня.

Подымаясь с каменьями в гору,
Буду страшные муки терпеть,
Но и в эту тяжелую пору
Буду песню веселую петь.

Всю туманную ночку промаюсь,
Буду в темень глядеть пред собой,
Королевы ночей дожидаясь —
Путеводной звезды голубой.

---

[1] Без надежды надеюсь! *(лат.)*

В темноте и глухой и унылой
Не позволю я сердцу заснуть,
Хоть бы тяжко мне на сердце было,
Хоть бы смерть налегла мне на грудь.

Смерть наляжет на грудь тяжелее,
Свет суровая мгла заслонит.
Ну, а сердце забьется сильнее —
Может, лютую смерть победит.

Да! И в горе я петь не забуду,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться буду,
Буду жить! Прочь, печальные, прочь!

2 мая 1890

МОЙ ПУТЬ

Я вышла в путь свой раннею весною
И робко песню тихую запела,
И кто встречался на пути со мною —
Тех сердцем я приветствовала смело:
Пути мы в одиночку не найдем,
Вернее путь, коль вместе мы пойдем!

Ох, долог этот путь и очень труден,
Трудней всего для тех, кто одинокий!
Но этот путь тяжелый не безлюден,
И не одна иду я в свет широкий.
Одной недолго сбиться мне с пути,
А вместе будет нам верней идти!

Иду вперед и песни я слагаю;
В них не ищите мудрых прорицаний —
Я громким голосом не обладаю!
Но если звуки слышу я рыданий,
Я молвлю: «Брат мой, плачу я с тобой!»,
С рыданьями сливаю голос мой.

От разделенных мук не так ведь больно...
Когда ж в дороге долгой мне придется
Напев услышать радостный и вольный —
Моя душа, как эхо, отзовется.
Тогда тоской, от всех ее тая,
Не отравлю свободной песни я.

Коль взор я поднимаю к небосводу,
Светил там новых не ищу, тоскуя;
Увидеть братство, равенство, свободу
Сквозь пелену тяжелых туч хочу я —
Те золотые три звезды, чей свет
Сияет людям много тысяч лет...

Когда кому-нибудь блеснут те звезды в очи
И он их встретит гимном вольным, шумным, —
Пусть мне ничто не светит в мраке ночи, —
Не назову певца того безумным,
Затем, что ясный светлый луч подчас
Дорожной пылью скрыт от наших глаз.

И тернии ли встречу я в пути,
Или цветок увижу я душистый,
Удастся ли до цели мне дойти
Иль раньше оборвется путь тернистый, —
Хочу закончить путь — одно в мечтах, —
Как начинала: с песней на устах!

22 мая 1890

СЕМЬ СТРУН

DO

ГИМН. GRAVE[1]

ДОйдет к тебе стон мой, несчастная мать Украина,
Звон первой струны донесется.
И ясно и тихо струна зазвенит над долиной,
И песня из сердца польется.

По свету широкому будет та песня скитаться,
С ней будет повсюду в раздолье
Надежда скитаться, чтоб там у людей допытаться,
Где спрятана светлая доля.

И песнь, одинокою птицей по свету летая,
Подруг своих встретит, быть может,
И, быстро взвиваясь, их звонкоголосая стая
Далекие дали встревожит.

За синее море она полетит и за горы,
И, может, средь чистого поля,
Высоко-высоко взлетев в голубые просторы,
Узнает, где спрятана доля.

И, может, заглянет к нам песня с той долей желанной.
Заглянет и в дом наш родимый,
Дойдет до тебя, Украины моей бесталанной,
До матери милой, любимой!

1890

[1] Торжественно, серьезно (*итал.*, музыкальный термин).

RE

ПЕСНЯ. BRIOSO[1]

РЕвет гроза гремучая,
Но грозы ли мне бояться?
Пусть встанет горе тучею,
Я не стану покоряться.

Эй вы, тучи, злые тучи!
Будет вам отпор могучий,
Песни-стрелы я достану,
Я сражаться с вами стану.

И дождь с капелью мелкою
В мелкий жемчуг обратится,
Блеск ваших молний стрелкою
Серебристой разлетится.

Я ж пущу свои невзгоды
В убегающие воды,
Я свое развею горе
Вольной песней на просторе.

Ревет гроза гремучая,
Но грозы ли мне бояться?
Пусть встанет горе тучею,
Я не стану покоряться.

1890

MI

КОЛЫБЕЛЬНАЯ. ARPEGGIO[2]

МИлый сыночек мой,
Месяц да ноченька
Смотрят на нас.
Закрой же оченьки, —
Поздний уж час.

---

[1] Бурно, весело *(итал.,* музыкальный термин).
[2] Здесь: аккорды на арфе *(итал.).*

Ночью не маешься,
С горем не знаешься,
С тяжкой тоской,
Да повстречаешься
Скоро с бедой.

Горе напрасное!..
Доля неясная
Ждет нас, мой свет. —
Злая ль, прекрасная, —
Где же ответ?

Время унылое!
Горе постылое!
Зла не избыть...
Дитятко милое,
Жить — слезы лить!

Стыдно нам более
Гнуться пред долею...
Час твой придет
Биться с неволею —
Сон пропадет.

Милый сыночек мой,
Месяц да ноченька
Смотрят на нас.
Закрой же оченьки, —
Будет твой час!

[*1890*]

ФА

СОНЕТ

ФАнтазия! Ты чарами полна,
Ты сотворила мир в пустующем просторе,
Ты свет звезды зажгла в ночном дозоре
И мертвых будишь от немого сна.

Ты указала цель волне, бурлящей в море,
К тебе моя душа обращена:
Фантазия, ты мне сказать должна,
Как облегчить людское злое горе?

Как новый мир из старого воздвигнуть?
Как чувства равнодушному постигнуть?
Как мысль живую в спящий ум вдохнуть?

Как время, что упущено, вернуть?
Как в безнадежности поверить целям ясным?
Фантазия! Скажи, как в мире жить несчастным!

[1890]

SOL

RONDEAU[1]

СОЛовьиная песнь о весне
Льется в мае, простор наполняя,
Но, с тоской этой песне внимая,
Сердце знает: в ночной тишине
Для других все цветет в этом мае,
Я ж не вижу весеннего рая,
И звучит эта песнь в вышине,
Словно сказка, ко мне долетая
Во сне! . .
Песни воли в родимой стране,
Я живу, ваш призыв ожидая, —
Но лишь стоны в родной стороне!
Ох, неужто родимого края
Песни вольные слышатся мне —
Во сне?

1890

---

[1] Название музыкальной пьесы и особого вида стихотворения.

LA
NOCTURNO[1]

ЛАскали вы, ночи, весенней прохладой,
Куда ж вы от нас улетели?
Ужель не звенят, наполняя усладой,
В саду соловьиные трели?

О нет, еще рано, ночь только в начале,
И чары ее все чудесней.
Еще, не смолкая, звучат, как звучали,
Девичьи весенние песни.

Еще легкокрылым туманом витает
Весна голубая над нами,
А в сердце надежда цветет-расцветает
Опять золотыми цветами.

И мысли на крыльях мечты улетают
В страну притаившейся ночи.
Там, вспыхнув, играют, там ярко блистают
Весенние кроткие очи.

Там ясные звезды и тихие розы
Встречаются и расстаются.
Там шепчутся нежнозеленые лозы,
Там гимны любовные льются.

И розы, и звезды, и темные лозы
Заводят беседы весною —
Про силу весны, про волшебные грозы,
Про вешнее чудо земное.

Я верю в те чары, я верю в ту силу,
Всем сердцем я их ощущаю,
Тебя же, фантазия, вестник их милый,
Сердечным приветом встречаю.

1890

---

[1] Ночная песня *(итал.)*.

SI

SETTINA[1]

СИльнее семь струн зазвучат под рукой,
Струна за струной, — я играю,
Чтоб песни летели по краю,
По милой, любимой отчизне родной,
И, может быть, кобза найдется,
На струны, звеня, отзовется, —
На струны мои да на голос глухой.
Быть может, играть будет кобза вольнее,
Чем тихие струны мои,
На вольные звуки свои,
Быть может, найдет она отзвук полнее,
И будет та кобза звучна, —
Но все ж не сумеет она
Сердечнее струн моих спеть и вернее.

[25 мая — 10 июня (?) 1890]

---

[1] Название семистрочной строфы *(итал.)*.

* * *

— A quoi penses tu?
— A l'avenir.
V. Hugo. 93[1]

Когда я утомлюсь привычной жизнью,
Привычным горем, что вокруг я вижу, —
Тогда я мыслью улетаю в дали,
В стране мечты мои блуждают взоры.
Что ж вижу я в далеком этом мире?
Я будущее вижу, век грядущий.
Мне представляется: в кругу семейном
Старик своим внучатам в поученье
Правдивые рассказывает сказки
О том, что было некогда на свете.
Семья любовно деда окружила,
Тут сыновья, и дочери, и внуки;
Одни ему торжественно внимают,
Другие наяву о чем-то грезят,
А самый младший внук сел возле деда
И взора пылкого с него не сводит,
Следя за каждым словом и движеньем.
Дед произносит медленно и важно:
«Как счастливы, что родились вы, дети,
В спокойное и радостное время.
Внимаете вы, словно страшной сказке,
Рассказу моему о диком прошлом.

---

[1] — О чем ты думаешь?
— О будущем. *В. Гюго «93-й год» (франц.).*

Да, дети, мир наш, вольный и счастливый,
Темницею казался прежним людям;
И впрямь был этот мир тогда тюрьмою:
Народ ходил в упряжке у народа,
В цепях свободное томилось слово.
Полчеловечества людьми не звали,
Кровавою войной шел брат на брата.
Войной — вам неизвестно это слово? —
Тогда братоубийство называли
Во имя правды, воли, веры, власти;
Кровопролитие звалось геройством;
Гражданским долгом звали равнодушье,
Патриотизмом — злобу к чужеземцам,
И набожностью — ярый фанатизм,
Там смерть голодная звалася нищетою,
Все, что награблено, — богатством звали,
Любовью к людям — барскую забаву;
Тьму без просвета звали простодушьем,
Ученостью — неверное блужданье,
Безудержное мщенье — правосудьем,
Насилье деспотическое — правом.
Надменным, чванным честь была и слава,
Обиженным, униженным — презренье.
Погиб бы, верно, род людской несчастный,
Когда б угасла маленькая искра
Любви и братства, что и в эту пору
В сердцах у некоторых пламенела.
Она не угасала, эта искра,
И возгорелась пламенем могучим,
И осветила темень черной ночи, —
Власть света воцарилась в нашем мире!..
Все это старые поведали мне люди,
Я ж сам не знал такого лихолетья», —
Так говорил старик; и самый младший
Из всех внучат глядел светло и ясно,
Уста улыбкой нежной трепетали,
Глаза горели жаждой идеала.
И дед заметил и спросил у внука:
«Куда, скажи, дитя мое, ты смотришь
И что в далеком видишь ты просторе?» —
«Ты страшные рассказывал нам сказки,

И рад я, что не видел лихолетья;
Но я страну в просторе дальнем вижу
Горящую, как светоч идеала,
Как светоч вечной правды... Дед мой милый!
У нас на свете нет такого рая!
Ты спрашиваешь, что вдали я вижу?
Я будущее вижу, век грядущий!»

10 июля 1890

* * *

Повсюду плач и стон глубокий,
Несмелы возгласы, смутны
Судьбе напрасные упреки.
Печально лица склонены.

Над старым горем Украины
Горюем-тужим всякий час
И ждем, рыдая, той годины,
Когда спадут оковы с нас.

И растравляем раны снова, —
Зажить им слезы не дают.
Заржавеют от слез оковы,
Но все же сами не спадут!

Что пользы плакать в мире гнета?
Для нас возвратных нет путей.
Возьмемся лучше за работу,
Добьемся новых, светлых дней!

1890

* * *

За правду встанем единой ратью,
У нас единый правый путь.
Единой верой сильны мы, братья,
Одним дыханьем бьется грудь.

Нет, братья, среди нас измены,
Мы не боимся лжи и тьмы.
Мы держим правды стяг священный,
И злу не поддадимся мы.

Все к нам, кто правду ценит свято,
Кто жизнь отдать за правду рад!
Его мы примем, словно брата,
Кто любит правду — тот нам брат.

[1890]

* * *

Шлю зеленый листок тебе ныне,
Этим издали напоминая
Рощи нашего тихого края,
Уголок нашей милой Волыни.

Отзовись же, мой друг, поскорее, —
Слов твоих не слыхала я с лета,
А душа моя жаждет привета,
Как дождя деревцо, зеленея...

И еще окажи мне услугу,
Просьбу шлю твоей музе такую:
Пусть, кукушкой лесною кукуя,
Оживит она грустного друга!

Да, я нынче печальна, родная,
На суровую сетую долю,
Что мечты заточила в неволю,
Все надежды мои убивая.

Вянут лучшие думы и грезы,
Как цветы, что порою осенней
Расцветают всего на мгновенье,
Чтоб на солнце взглянуть до мороза.

Но затихнет и зимняя вьюга!
Просьбу шлю твоей музе такую:
Пусть, кукушкой лесною кукуя,
Оживит она грустного друга!

[1890]

СОНЕТЫ

I

Природа гибнет — в блеске, в позолоте.
Последнею улыбкой расцвела,
Предсмертной краской щеки залила, —
Красавица со всем живым в расчете.

Недавно вся жила она в заботе
И счастлива трудом своим была;
Теперь последние подарки раздала
И тихо смерти ждет... Конец ее работе!

Спокойно смерти ждет, росинки засыпает —
Те слезы светлые — пылающим листом;
От солнца их и от людей скрывает.

Те слезы тайные природа льет о том,
Что скоро ей заснуть придется мертвым сном
В гробу холодном, белом, снеговом.

4 сентября 1890

II

Гляжу на тихое природы умиранье
И обращаюсь я к судьбе своей с мольбой,
Чтобы и мне она дала конец такой,
Чтоб я была спокойна в час страданья,

Чтоб моего никто не услыхал рыданья,
Да и по мне не надо слезы лить, —
Сама в себе я буду скорбь носить.
Исполни же, судьба, мое желанье!

И так наш свет повит печалью и тоскою.
Пускай никто не плачет обо мне,
Пускай я никого не огорчу собою,

Пускай увижу я и в самом скорбном дне
Веселье доброе с улыбкой молодою.
Мне хватит скорби, тьмы в могильной глубине.

4.XI.1890

ДЕТСКИЕ

* * *

На зеленом бугорочке
Вишен белые цветочки.
Хатка там стоит меж вишен,
Будто то ребенок вышел
И глядит с холма далече,
Не идет ли мать навстречу.
Словно мать пришла к ребенку,
Солнце белую хатенку
Ясным светом озарило,
Как дитя, развеселило.

[*1885*]

* * *

Лето красное минуло,
Побелело поле;
Дети выглянули в окна —
Кончилось раздолье!
Скучно детям в темной хате.
Спрашивают дети:
«Для чего зима и холод
Есть на белом свете?
Вон все поле снег засыпал,
Хоть нейди из дому!
Знай сиди — гляди в окошко
В комнате знакомой.

В снежном поле замерзают
Бедные цветочки, —
Плачут дети, — не вернутся
Красные денечки». —
«Подождите, скоро теплый
Ветерок повеет.
Снова солнце золотое
Землю отогреет.
И земля зазеленеет
Травами, кустами,
Вновь весна укроет поле
Яркими цветами».

[1887]

* * *

«Мама, зима настает,
Снегом покрыты поляны,
Птица в лесу не поет...
Пташки ведь все улетают
На зиму в теплые страны?» —
Маму дитя донимает.

«Нет, не все, — ласкает мать сынишку, —
Вон, гляди-ка, серенькая птичка
Возле хаты бегает вприпрыжку.
Вот осталась птичка-невеличка!»

«Что же она не бежит,
Что ж на морозе дрожит?»

«Не боится мороза она,
Не покинет родимого края.
Не страшна ей зима снеговая,
Ждет, что снова наступит весна!»

«Мама, взгляни-ка, взгляни,
Пташкам как весело стало!
Слышишь, чирикают так,
Будто и горя им мало,
Видишь, распрыгались как!»

«Нет, не так уж легко им, сыночек.
Есть заботы у маленькой птицы:
Раздобыть бы водицы глоточек,
Чем-нибудь на снегу поживиться!»

«Что ж распевает? Чудно́!
Лучше б искала зерно!»

«Да утеха у птицы одна,
Голодна, ну а все распевает:
Птичье сердце свое согревает,
Ждет, что скоро наступит весна».

[1891]

* * *

Тешься, играй, пока детство не минет, —
Это весна твоих дней.
В мыслях твоих нет тоски и в помине,
Грез твоих нету ясней.

Мысли с мечтою чудесною силой
В дальний подымутся край.
Горлинке крыл не вяжи сизокрылой,
Ей улетать не мешай!

Есть незабытая быль-небылица:
В сказочные времена
Воду живую, чтоб людям напиться,
Пташка достала одна.

Ей не страшны были дали, просторы,
Скалы, моря не страшны.
Перелетала высокие горы —
Крылышки были сильны.

Так твоя дума, легко улетая,
Полная вольной красы,
Вмиг принесет из волшебного края
Каплю целебной росы.

Если придут к тебе горе с бедою,
Станет на сердце темно —
Этой чудесной живою водою
Вмиг оживится оно.

Пусть же мечтанье чудесною силой
В дальний уносится край.
Горлинке крыл не вяжи сизокрылой,
Ей улетать не мешай!

1891

ЧЕРЕШЕНКИ

Заблестели черешенки
На зеленой ветке.
Смотрят снизу на черешни
Детки-малолетки.
И мальчишки и девчонки
Под деревом скачут,
Тянут к ягодам ручонки
И чуть-чуть не плачут.
Вишни, вишни дразнят око,
Да растут высоко.
Рук до вишен не дотянешь,
Спелых не достанешь.
«Ой, вишенки-черешенки,
Налились вы соком!
Отчего же вы растете
На суку высоком?» —
«Кабы выросли пониже,
Мы бы не поспели.
Кабы выросли поближе,
Нас давно бы съели».

[1891]

КРЫМСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Посвящается брату
Михаилу Обачному

ЗАПЕВ

Край солнечный! Ты так теперь далеко,
Ты за горами от меня крутыми,
За долами просторными, за морем,
Которое туманами густыми
Покрылось, бурное... Но думы
Мои не устрашатся непогоды
На Черном море. Ведь быстрее чайки
Они перенесутся через воды,
Они перелетят в тот край любимый,
Где небо по-весеннему синеет,
Где виноград в долине зеленеет,
Где солнца луч все так же пламенеет.
Туда я быстрой полечу мечтою,
Привечу ясный край, где я бывала,
Где дней когда-то провела немало,
А счастья ни минуты не знавала...
Не брошу укоризненного слова
За это я тебе, мой край прекрасный!
Не виноват ты в том, что нет мне доли,
Не виноват ты в том, что я несчастна.

[1891]

1

МОРСКАЯ ТИШИНА

В час полуденный, горячий
Я смотрю в свое оконце:
Ясно небо, ясно море,
Ясны тучки, ясно солнце.

Может, в этом крае света
И сияния лазури
Никогда и не слыхали,
Что бывают в мире бури.

Тихо в море... Еле-еле
Колыхает волны море;
Не шелохнется от ветра
Белый парус на просторе.

И волна скользит на берег
Вся жемчужно-голубая;
Кто-то лодочкою правит —
Вьется тропка золотая,

Кто-то лодочкою правит,
Тихо весла подымает,
И мне кажется, что с весел
Влага золотом спадает.

Как бы я теперь хотела,
Управляя лодкой легкой,
Плыть и плыть к восходу солнца
Золотым путем, далеко.

Поплыла б к восходу солнца
И к закату — от восхода,
Тем путем, что солнце блеском
Проложило через воду,

Не боясь ни скал подводных,
Ни ветров, ни бурь дыханья,
Я о них не вспоминала б
В крае вечного сиянья!

Евпатория, 1890, 16 августа

2

ПОЙ, МОЯ ПЕСНЯ

Пленная мысль моя долго молчала,
Как птица, которая в клетке закрыта.
Песня по воле давно не летала,
Тоской обессилена, скорбью убита!

Время тебе, моя песня, проснуться,
Крылья поднять, истомленные горем.
Время тебе, моя песня, взметнуться,
Послушать, как ветер играет над морем.

Рвись, моя песня, струей многоводной, —
Она ведь не знает, куда ее гонит.
Будь, моя песня, как чайка, свободной, —
Она не боится, что в море утонет.

Пой, моя песня, как ветер в просторах,
И пеной вскипай, и неистовствуй жадно!
Отклика ветру не будет. Но шорох,
Плеск и шипение пены — отрадно!

В открытом море, 1890
17 августа

8

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Эту ночь до зари не спала я.
Слух ловил мой, как море томилось,
Как волна поднималась, вздыхая,
И как сердце в груди колотилось.

Ночью чудища — рой безобразный —
Мне смотрели в бессонные очи,
И страшней, чем кошмар неотвязный,
Были призраки длящейся ночи.

Думы-мысли, как птицы ночные,
Налетели — суровы, безмолвны, —
Непонятные думы глухие,
Словно в море полночные волны.

Кто отважится полночью в море
На челне ненадежном пуститься?
Мировое безбрежное горе
Кто вместить в свое сердце решится?

Ведь плывут по ночному раздолью
Только те, что и тьмы не боятся.
Так лети, моя дума, на волю!
Я не стану зари дожидаться!

Средь тумана и злой непогоды
Всю-то ночь будет челн мой кружиться,
А поднимется солнце свободы —
Вечным сном суждено мне забыться.

Станет рвать непогода ветрила,
Закружит мой челнок одиноко.
О, когда бы мне доля судила
Хоть увидеть зарю издалека!

Евпатория, 1891

4

НА ЧЕЛНЕ

Ночь прекрасная! Места нет горю.
Я покорна твоей тишине.
Не борюсь я уже и не спорю,
Утопаю в серебряном сне.

Люди спят. Спит и горе людское —
Силы нет у него в эту ночь.
В мире, в сердце полно все покоя,
И умчались волнения прочь.

Может, спрятались только глубоко,
Может, горе проснется опять?
Ничего! Мир распахнут широко,
О печали зачем вспоминать!

Посмотри, как волна серебрится
И как море светлеет вдали!
Волны манят нас в море пуститься,
И зовет нас полоска зари.

. . . . . .

Ты плыви, челнок мой! Нас волна колышет,
Ласково качает.
Ты плыви, челнок мой! Ветер тихо дышит,
Веет, повевает.

Облака-пушинки, как лебяжьи крылья,
По небу гуляют,
Длинной вереницей звезды заслонили,
Месяц задевают.

Месяц, светлый месяц, нежносеребристый!
Свет свой рассыпает
И блестит, сияя по лазури чистой,
Как огонь пылает.

Корабли далеко в светлом море реют.
Вижу издали я,
Как в широком круге месяца чернеют
Снасти их тугие.

Поплывем туда мы по лазури чистой,
Где все так прекрасно,
По дорожке света, легкой и огнистой,
К «Stella maris» [1] ясной!

. . . . . .

На челне было нас только двое,
Тихо волны кругом колыхались.
Мы себе средь ночного покоя
Позабытыми миром казались

Я тобой любовалась, брат милый,
А мечтала — о чем, не скажу я.
Все, чем сердце наполнено было,
Схоронила в пучину морскую.

И быть может, волна рассказала,
Что в ту пору подумалось мне?
Нет! Молчит она, как и молчала.
Так усните, мечты, в глубине!

Думы дремлют, душа опочила,
И смотрю на лицо я твое.
Море жить в тишине научило
Беспокойное сердце мое.

Евпатория, 1891, 8 июля

[1] Морская звезда *(лат.)*.

5

НЕПОГОДА

В темный вечер сижу у окна я.
Свищет буря средь Черного моря...
Гомон, стон. Чаек носится стая,
Бьются волны и плачут от горя.

Там, у берега, выставил ребра
Челн рыбачий, разбитый волнами,
Словно зверь, что в пустыне недоброй
Весь засыпан сухими песками.

О спасении челн умоляет,
К небу ребра простер, несчастливый.
А из тьмы на него набегает
В злобной ярости вал белогривый.

Как из пушки ударит он крепко,
И по берегу гул пробегает.
Хочет челн разломить он, как щепку,
Давит, плющит, песком засыпает.

И совсем словно челн тот несчастный,
Занесенный песками морскими,
Этот край несказанно прекрасный
Умирает в плену меж чужими.

Конь, что вольными вскормлен степями,
Здесь, в пустынных местах, пропадает,
Закружил его ветер песками,
Он, в бессилье упав, умирает.

Все же сердце живое в нем бьется,
Кровь еще не застыла живая,
А над ним уже кружится, вьется
Жадных хищников черная стая.

Рвет на части его озверело,
С диким криком, со злобным урчаньем,
И трепещет кровавое тело,
Расставаясь с последним дыханьем.

Море, силою ярости полной
Развернись неудержно и властно,
Подними свои буйные волны,
Затопи этот берег несчастный!

Евпатория [*1891*]

6

МЕРДВЕН[1]

Красные скалы и сизые горы
Дико и грозно нависли над нами.
Это злых духов пещеры, затворы
Высятся под облаками.

Скалы до моря сползают грядою,
«Чертовой лестницей» их называют.
Демоны сходят по ним, а весною
Гулкие воды сбегают.

Люди не смеют взойти по утесам
К скалам отвесным, туманом повитым.
Нагромоздили над самым откосом
Духи тяжелые плиты.

На смельчака они камни обрушат,
Скалы низвергнут себе на потеху,
И побежденного стоны заглушит
Гулкое горное эхо.

[*1891*]

---

[1] Чертова лестница. *(Прим. Леси Украинки.)*

7

БАЙДАРЫ

Дорога вьется. Заросли, долины...
Пылает день, безоблачный и ярый.
Идем без отдыха дорогой длинной.

И вот внезапно слышу я: «Байдары!»
Смотрю — ворота. Две скалы пустынных.
А дальше? Дальше... Или это чары?

Даль как бы распахнулась без усилья,
Открыв с откоса чудные дары
Природы, что от наших глаз скрывались.

Для жизни здесь нужны, должно быть, крылья.
Людей ведь здесь не видно с той поры,
Как с кущей райскою они расстались.

Невидимые руки положили
Границею обрыва две горы,
Чтоб высоко до неба подымались.

Зеленый, серый — два крутые ската.
А море золотое шлет сиянье,
Надежды и свободы обещанье...

Не это ль мир, пленявший нас когда-то,
Утраченный, забытый без возврата,
К которому всегда летят мечтанья?

8

ТАТАРОЧКА

За мостом на каменной дороге,
Там, где солнце припекает жарко,
Стройная, красивая такая,
Тихо девочка идет татарка.

На лукавой черненькой головке
Маленькая шапочка алеет.
Смугловатое лицо скрывая,
Шелком шитая чадра белеет.

То лицо откроет, то закроет,
А глаза, сверкая, как зарницы,
Так и блещут из-под бровок темных!
Что за взгляд у этой чаровницы!

[1891]

9

БАХЧИСАРАЙ

Как зачарованный, стоит Бахчисарай.
Сияет месяц золотистым светом,
Белеют стены в дивном блеске этом.
Уснул весь город, как волшебный край.

Серебряным деревьям, минаретам,
Как часовым, доверен сонный рай;
Среди кустов таинственным приветом
Плеснет фонтан во мраке невзначай.

Природа дышит сладостным покоем.
Над сонной тишью легкокрылым роем
Витают древние мечты и сны.

И тополя, вершинами кивая,
Неторопливо шепчут, вспоминая
Седые были давней старины...

[1891]

10

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ

Хоть не разрушен он, во всех углах сурово
Таится пустота, ушедшие года.
Как будто только что промчалась тут беда,
Сметая грозной бурей след былого.

Фонтан чуть слышное в саду лепечет слово,
По камню медленно журчит, бежит вода,
Роняет капли слез, не молкнет никогда.
То плачет сам дворец средь сумрака дневного.

Жилище ханских жен — развалины одни.
Вон башня и сады, где в те былые дни
Гарема пленницы красу свою губили.

Здесь сила грубая с неволею царили.
Но сила умерла, погребена в руинах,
Неволя ж властвует и до сих пор в долинах.

[1891]

11

БАХЧИСАРАЙСКАЯ ГРОБНИЦА

Бросает солнце стрелы без пощады,
На кладбище, где мирно опочили
Под камнями тяжелыми, в могиле,
Сыны аллаха, ждущие награды.

Ни дерева, ни розы, ни ограды...
Как страж, лишенный тени и прохлады,
Стоит гробница. Те, кто в ней почили,
Навеки имя под плитою скрыли.

Чужих краев певцы здесь побывали
И тени милой пленницы искали,
Но призрак здесь иной встает кроваво.

Нет, тут не отыскать красы гарема,
Марии грустной, пламенной Заремы.
Бахчисарая здесь почила слава.

[1891]

12

ДОМИК НАДСОНА В ЯЛТЕ

Сумрачный дом. В этом крае далеком,
В зелени гор и приволье широком
Места веселого ты не нашел,
Скорбный поэт! Умирать одиноко
В сумрачный дом ты пришел.

Здесь не увидишь простора морского,
Шума совсем не слыхать городского,
Стонут лишь мрачные сосны вокруг,
Эхо в горах повторяет сурово
Каждый родившийся звук.

Стали в саду кипарисы стеною,
Оберегая жилище немое.
Лавры, как будто их сушит тоска,
Тихо поникли своей головою,
Свежего ждут ветерка.

Около дома полно все печали.
Грустную комнату мне показали,
Ту, где несчастный поэт умирал...
Все, что убрать было можно, убрали —
Скорби никто не убрал.

Темные окна — как очи слепые,
Комнаты бедные и неживые,
Зеркало тускло блестит на стене.
Только в него я взглянула впервые —
Дрогнуло сердце во мне.

Здесь ведь навеки «огни догорели»,
Здесь ведь навеки «цветы облетели»,
Здесь только муза витает одна,
Что наклонялась у смертной постели,
Горькой печали полна.

Умер поэт на чужбине далекой...
Дома, на севере, злобой жестокой
Было отравлено сердце его.
Муза витает в дому одиноко,
Друга зовет своего.

[1891]

СЛЕЗЫ—ПЕРЛЫ

(Посвящается Ивану Франко)

I

О милая родина! Край мой желанный!
Зачем все умолкло в тебе, онемело?
Лишь пташка в лесу отзовется несмело,
Предчувствуя бури порыв ураганный,
И снова умолкнет. Как глухо, как тихо!
Ой, лихо!

Ой, где же ты, воля? Звездой неприметной
Зачем не сойдешь ты с дороги воздушной?
Порадовать землю несчастную нужно!
Ты видишь: все скрыто здесь тьмой беспросветной
И правда бессильна с неправдою в споре.
Ой, горе!

О бедный народ мой! Страдая невинно,
В цепях мои братья почти бездыханны.
Увы, незажившие страшные раны
Горят на груди у тебя, Украина!
Кто тяжкое иго разбить нам поможет?
Ой, боже!

Когда ж это минет? Иль счастья не стало?
Проклятье рукам, онемевшим в бессилье!
Зачем и родиться, чтоб жить, как в могиле?
Уж лучше б смертельною мглою застлало
Печальные очи, чем жить нам в позоре!
Ой, горе!

II

В слезах я стою пред тобой, Украина...
О горе мое! Для чего эта мука?
Чем может помочь тебе тяжкая эта кручина?
Она — небольшая услуга!

Да разве такой я желала б работы?
Мирилась бы разве с твоими цепями?
Достаточно в сердце отваги, немало охоты...
Да скована я кандалами!

Ой, слезы, они мне всю душу спалили,
Следы огневые оставили с детства,
Те горькие жалобы сердце мое сокрушили!
И нет от страдания средства.

А мало ль нас плачет такими слезами?
Как можем мы, дети, утешиться снова,
Коль мать и в нужде и в неволе горюет над нами?
Где ж тут раздобыть нам веселое слово?

И снова тяжелые эти рыданья
В груди у меня закипают.
Ужели не кончатся горькие эти страданья,
Что бедное сердце терзают?

Молва говорит о слезах материнских,
Что будто каменья они прожигают:
Неужто кровавые слезы детей украинских
Бесследно, упав, исчезают?

III

Все наши слезы мукой огневою
Падут на сердце — сердце запылает...
Пускай пылает, не дает покоя,
Пока душа себя превозмогает.

Когда ж не хватит силы, если мука
Ударит в сердце бешеным ударом,
Тогда душа воспрянет от недуга
И ото сна пробудится недаром.

Она размечет все свои преграды,
Она заснуть, как прежде, не сумеет,
Она бороться будет без пощады,
Она погибнет или одолеет.

Победа или славная могила —
Одно из двух перед душой предстанет...
Какой бы путь нам жизнь ни присудила —
Восстанем мы, когда душа восстанет.

Так будем плакать, братья! Знать, бесчестье
Еще душа, томясь, превозмогает:
Пусть сердце рвется, требуя возмездья,
Пусть не дает покоя, пусть пылает!

[*1891*]

ЗВЕЗДНОЕ НЕБО

* * *

Звезды — очи задумчивой ночи!
Звезды — сумрака взоры немые,
То как девичьи кроткие очи,
То как искры огня золотые.

Звезды в небе не схожи друг с другом,
Все по-разному смотрят, сияют.
Тот, чье сердце томится недугом,
Книгу звездную ясно читает.

Вон одна словно пламя пылает,
Облака вкруг нее словно горы,
Но не нам она свет посылает, —
Освещает иные просторы...

А другая, укрывшись смущенно
Покрывалом сквозным серебристым,
Проливает на спящие склоны
Зыбкий отсвет мерцанием чистым.

Я любуюсь вечерней звездою:
Хороша ты! Спокойно сияешь,
Но людской не печалясь бедою,
Лишь влюбленность да счастье ты знаешь.

Как горит и трепещет другая
Серебрящейся искрой чудесной!
Вот она задрожала, мигая,
Покатилась слезою небесной.

Вниз упала слезинка. То плачет
Небо, звездное небо над нами.
Как сияет оно! — не иначе
Говорит с нами небо огнями.

Что нам звезды, хоть блеск их жемчужен,
Что нам грезить, их речи внимая?
Нам язык человеческий нужен,
А не вечности книга немая.

* * *

У меня есть одна,
Сиротлива, грустна,
Друг-звезда — там, в заоблачной дали;
В эту ночь наяву
Тщетно кличу, зову, —
Нет ее, и стою я в печали.
Все ищу я в тоске
Ту звезду вдалеке:
«Ты взойди, золотая, мне тяжко!»
Звезды смотрят, грустят,
Тихо мне говорят:
«Не ищи, не печалься, бедняжка!»

* * *

Льется в сердце мое свет любимой звезды,
Словно слезы... О, что это значит?
Рвется сердце в груди, как от тяжкой беды...
Отчего моя звездочка плачет?

* * *

Нынче я в тоске-бессилье,
Как в тяжелом сне, —
Сердце звезды отравили,
Дали яду мне.

ЗВЕЗДА

Тусклый месяц меж пасмурных туч
Свой неласковый облик скрывает,
Лишь багровый, мерцающий луч
Из-за облака светит-пылает.

Будто зарево в небе ночном,
Землю ж темные тени закрыли;
Луч прорвется на миг, и потом
Снова тучи, как облако пыли.

Одиноко среди темноты
Тихо светит звезда золотая,
Гордый луч она шлет с высоты,
Темнота не страшна ей ночная.

Гордый луч у звезды золотой,
Но печаль в нем пылает грозою,
И сияние звездочки той
Мнится людям лучистой слезою.

Над людьми ли, печальна, грустна,
Одиноко на небе рыдает?
Оттого ли тоскует она,
Что одна по просторам блуждает?

[*1891*]

РАЗБИТАЯ ЧАРКА

Ах, как чарки на свадьбе легки!
Пусть привольно живут молодые!
Пусть милуются, как голубки,
Вьют гнездо, словно пташки лесные!

Кто-то чарку на свадьбе разбил.
Зря невеста расплакаться хочет,
Зря жених молодой загрустил, —
Эта чарка им счастье пророчит.

Ах, как песня на свадьбе звучна!
Ах, как музыка звонко играет!
Знаю я, что кому-то она
Безутешное сердце терзает.

И разбилось в тоске, в тишине
Сердце бедное... Грусть его точит...
Не расскажет ли кто-нибудь мне,
Что разбитое сердце пророчит?

[1891]

* * *

Как придет грусть-тоска, и не думай, что с ней
Распростишься на гульбищах шумных,
За столом средь хмельных и веселых друзей,
Что пируют при кликах безумных.

Не ходи в пышный дом, где веселье гремит,
Где под музыку пары кружатся, —
Еще больше там сердце твое заболит,
Тучи-мысли грознее сгустятся.

Не ищи многолюдной толпы, суеты
Стоголовой толпы, что, как море,
Разливаясь, шумит, — в ней потонешь и ты,
Не потонет одно только горе.

Лучше выйди весной в лес зеленый, густой
Или в поле, где ветер смелеет,
На приволье поспорь, потягайся с бедой. —
Может, там ее ветром развеет.

Или громкую песню запой веселей,
Чтоб само засмеялося лихо,
И тогда разлучишься с тоскою своей
И на сердце опять станет тихо...

[1891]

СОН

Посвящается Александре С-вой.

Мне снилось, что фантазии прекрасной
Богиню я увидела воочью,
Моей подруги образ милый, ясный
Богиня приняла той темной ночью.

Улыбка та же и черты родные,
Свет разума горит во взоре ясном,
А за спиною крылышки цветные,
Венок лавровый на челе прекрасном.

Она идет! Непобедимой силой
Влечет меня все дальше за собою
По темным переходам. Вот вступила
В какие-то угрюмые покои.

То храм святой иль мрачная темница?
Над нами сумрачные своды зданья,
И узкое оконце, как бойница;
В него струится бледное сиянье

И падает на стену; разглядела
Я там орган большой под темным сводом,
Он — как скала, где был прикован смелый
Титан, который свет принес народам.

Остановившись, за руку богиня
Меня взяла и вдруг проговорила:
«Запомни все, что ты услышишь ныне, —
То мировой орган, и так судьба решила,

Что лишь однажды прозвучать он может.
И звук его, могучий, вдохновенный,
Во всех краях насилье уничтожит
И сокрушит извечный строй вселенной.

И страшное свершится разрушенье,
И упадут дома под гул громовый,
И страх придет, а с ним освобожденье.
Тогда спадут всемирные оковы,

Лавр благодатный правду увенчает,
И сгинет зло, вскормленное веками,
Певец хвалу свободе заиграет
На вольных струнах вольными руками.

Послушай: оживить орган ты можешь
Не сильною, но смелою рукою,
Зло мира ты звучаньем уничтожишь
И счастье дашь земле, стремящейся к покою.

Но знай: погаснет жизнь твоя мгновенно,
Как молния, она во мраке канет,
Не для тебя свет правды дерзновенной, —
Мир озарится, а тебя не станет!

И славить струны вольные не будут
Того, что ты для мира совершила,
Счастливые несчастную забудут,
Не увенчают лаврами могилу!»

Сказала и исчезла. Одиноко
Я духом погрузилась в размышленье:
Как звук освободить, сокрытый там, глубоко,
Чтоб он принес вселенной избавленье?

Тут наступила тьма — без звезд, без солнца,
В тоске я плачу, руки я ломаю,
Зову богиню... Наконец, в оконце
Я вижу свет, я лучик различаю!

Тот лучик думы озарил мне ясно
Мгновение — и дрогнет мир от звука.
Свободным станет каждый раб несчастный.
Так что ж мою удерживает руку?

Ох, я должна погибнуть!.. От мученья,
От страха думы хмуры и унылы.
Как тяжело мне! В сердце потрясенье:
Умру без славы, даже без могилы!

Я все стою, стою — окаменела.
Устала мысль, уже не утешает.
Что это? Словно песня зазвенела,
Вдали как будто целый хор рыдает.

Глубокое, безудержное горе
Вползает в сердце, камнем там ложится.
Рыдает хор, как дикий ветер с моря,
А по угрюмым сводам тьма струится.

Луч из оконца падает на камень,
Густеет тьма и подавляет душу,
А сердце жжет и пожирает пламень.
Нет, звуком тем насилье я разрушу!

Пусть я погибну, лишь бы заалело
Надежды солнце, правды озаренье.
Протягиваю руку твердо, смело —
И просыпаюсь... Да! То сон... виденье.

[1891]

В ПУТЬ!

(На мотив Шумана[1]*)*

Часы бегут
И в путь зовут.
Прощай, земля родная!
В дорогу я иду,
Здесь доли не нашла я —
В чужом краю найду.

Пойду искать доли в чужой стороне,
На свет и на волю не время ли мне?
Жизнь мчится, быстра,
Пора мне, пора!

Прощай же, товарищей старых семья!
Прощай же, подруга, голубка моя!
Я, может, навеки покину свой край...
Прощай, добрым словом меня поминай!

Уверенным шагом
Я в путь выхожу,
И в сердце отвага,
Хоть слез не сдержу...

Для родины милой
Я сил наберусь,
С чужбины без силы
Домой не вернусь...

---

[1] «Wanderlied. Schumann. Pianoforte-Album. *(Прим. Леси Украинки.)*

Я все покидаю — и сад мой весной,
И добрые нивы, и шорох лесной,
Лишь песни родные там будут со мной.
Часы бегут
И в путь зовут!..
Шумят на прощанье
Луга заливные,
Летят расставанья
Минуты земные!..
Хоть горько равнину
Покинуть родную —
Иду на чужбину,
В дорогу спешу я,

Далек он, мой путь,
Назад не свернуть!

[*1891*]

ПРЕДРАССВЕТНЫЕ ОГНИ

Глубокая ночь изнемогших в бессилье
Под черные спрятала крылья.
Повсюду погасли огни;
Все спят в этой черной тени,
Всех властная ночь покорила.

Кто спит, кто не спит — покорись темной силе!
Блажен, кого сны посетили!
Тем снам не витать надо мной...
Вокруг все окутано тьмой,
Вокруг все молчит, как в могиле.

Дурные виденья мне душу терзали,
Казалось — не встать от печали...
Вдруг, ясным сияньем маня,
Лучи разбудили меня, —
Огни вдалеке заблистали!

Огни предрассветные, солнце пророка,
Прорезали тьму этой ночи.
Еще не вставала заря —
Они уже блещут, горя,
Их люд зажигает рабочий.

Вставайте, живые, в ком дума восстала!
Пора для работы настала!
Гони предрассветную сонь,
Зажги предрассветный огонь,
Покуда заря не взыграла.

[*1892*]

СОСНА

С ветром весенним в беседу вступала
В зелени вечной сосна,
Там я ходила, и в сердце запало,
Что говорила она.
Ой, не «зеленый там шум» распевала
В вечной печали сосна...
Вместо «зеленого шума»,
Слышалась в гомоне тяжкая зимняя дума.

Зимним рассветом дубрава молчала,
Словно застыла — грустна,
Только густою вершиной шептала
В зелени вечной сосна.
Там я ходила, и в сердце запало,
Что говорила она, —
Да не веселая дума
Слышалась в гомоне грустном «зеленого шума»!..

1892

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Сон в летнюю ночь мне однажды приснился.
Короткой та летняя ночка была,
И сон был короткий, — он вдруг прекратился,
Едва лишь на небе заря расцвела.

Роскошное и золотое виденье
Любовно в ту ночь посетило меня,
Судьбы моей радостной прикосновенье
Приснилось, к чудесному счастью маня.

Была я счастливой, безмерно счастливой;
Приснилось мне... Этого не описать!
Нет, я недостаточно красноречива,
Чтоб правду о счастье могла рассказать.

Тот сон был коротким, как ночка, и рано
Умчалась та нежная греза моя,
Туда, где пылала, играла румяно
Златисто-огнистого утра заря.

Увидела я, что уж ночь миновала,
И душу мою охватила печаль,
И тихо-тихонечко я повторяла:
«Сон в летнюю ночь! Как мне жаль тебя, жаль!»

Я счастья ни в жизни, ни в грезах не знаю,
И грезы другие я в сердце ношу.
Когда я часами грущу и рыдаю,
Я счастья себе у судьбы не прошу.

Другим пусть и счастье и радости будут,
Себе я желаю не грезить, а жить.
Пусть те, кто проснулись, о счастье забудут,
Им счастья далекого не возвратить!

1892

МЕЛОДИИ

1

Ночь была и тиха и темна.
Я стояла, о друг мой, с тобою,
На тебя я глядела с тоскою.
Ночь была и тиха и темна...

Ветер замер печально в саду.
Пел ты песню, я молча сидела,
Песня в сердце тихонько звенела,
Ветер замер печально в саду...

Вдалеке полыхнула зарница.
Что-то дрогнуло в сердце моем!
Словно острым пронзило ножом.
Вдалеке полыхнула зарница...

2

Этой песни не пойте, не надо,
Не терзайте мне сердце, друзья!
Тихо дремлет печаль в моем сердце,
Не тревожьте ее забытья.

Не узнать вам, о чем я мечтаю,
Молчалива, бледна, в тишине.
Так же горестно, так же глубоко
Эта песня рыдает во мне.

3

Горит мое сердце — горячая искра
Печали зажглась, опалила меня.
Так что ж я не плачу, так что же слезами
Залить не спешу ее злого огня?

Душа моя плачет в тоске неизбывной,
Но слезы не льются потоком живым,
До глаз не доходят горючие слезы,
Печаль осушает их зноем своим.

Хотела бы выйти я в чистое поле,
К земле припадая прижаться бы к ней
И так зарыдать, чтоб услышали звезды,
Чтоб мир ужаснулся печали моей.

4

Вновь весна, и вновь надежды
В бедном сердце оживают,
Снова зыбкие мечтанья
Сны о счастье навевают.

О весна! Мечты-подруги!
Сны, что вечно живы!
Я люблю вас, хоть и знаю,
Как мне неверны вы!..

5

Гляжу я на ясные звезды,
И смутно в душе у меня,
Смеются бесстрастные звезды,
Немыми лучами маня.

Вы, звезды, бесстрастные звезды,
Не те вы сегодня, не те,
Что сладкую лили отраву,
Моей отвечая мечте.

6

Стояла я и слушала весну.
О, как она мне много говорила,
То пела песню звонкую одну,
То мне тихонько-тихо ворожила.

Она мне напевала про любовь,
Про молодость, про радость и печали,
Она мне все перепевала вновь,
Что мне мечты давно уж рассказали.

7

Хотела бы песнею стать я
Хоть в это мгновенье без слез,
Чтоб кинуться ветру в объятья,
Чтоб эхом ее он разнес.

Чтоб дрогнули звездные хоры
От песни летящей моей,
Хотела б упасть на просторы,
На буйные волны морей.

Мои бы звенели мечтанья
И счастья заветного сны —
Яснее, чем звезд трепетанье,
Звучнее, чем рокот волны.

[*1893—1894*]

8

ПОБЕДА

Долго я не могла покориться весне,
Долго слышать ее не хотела,
Понапрасну она улыбалася мне,
И звала, и сияла, и пела.

«Не зови ты меня, — говорила я ей, —
Не поддамся чарующей силе!
Что теперь мне, скажи, до улыбки твоей,
Если в сердце темно, как в могиле?»

А весна отвечала: «Послушай, взгляни, —
Все моей покоряется воле:
Лес давно позабыл про холодные дни,
И цветами усеяно поле;

В небе вешнем грохочет раскатами гром,
Туча стрелами молний искрится,
И земля, покрываясь зеленым ковром,
Покоряется мне, как царице.

Пусть же темное сердце твое оживет
И на песню мою отзовется.
На нее отзывается все, что живет,
А ведь сердце твое еще бьется!»

Но шепчу я упорно: «Не верю весне!»
Только тщетным неверие было —
Всколыхнулись и слезы и песни во мне...
О весна! Ты меня победила!

14.V.1893

9

МУЗЕ

Слети ко мне волшебницею милой,
Зарей румяной вспыхни надо мною,
Пусть луч твой светлый на меня падет,
Меня враждебная вновь одолела сила,
Я вновь побеждена, нет больше сил для боя,
Но я не жалуюсь, я знала — это ждет.
Спокойна я и не хочу сражаться,
В моей душе иные есть желанья:
Хочу я в мире только мыслью жить,
Хочу твоей беседой наслаждаться
И на своем челе твое сиянье
Хотя б на миг короткий ощутить.

13.I.1894

10

Эта тихая ночь-чаровница
Покрывалом спокойным, широким
Распростерлась над сонным селом.
В небесах просыпалась зарница,
Будто в озере тихом, глубоком
Лебедь всплескивал белым крылом.

С каждым всплеском тех крыл лебединых
Сердце билось, в тоске сиротело,
Замирало в тяжелой борьбе.
Истомил меня злой поединок,
И мне песню пропеть захотелось —
Лебединую песню себе.

[1893—1894]

11

ДАВНЯЯ ВЕСНА

Была весна веселой, щедрой, милой,
Лучом играла, рассыпала цвет,
Она летела с быстротой стокрылой,
И птицы певчие за нею вслед.

Все ожило, и все вокруг запело —
Зеленый шум, — и звуков даль полна.
Заговорило все и зазвенело,
А я лежала, — я была больна.

Я думала: «Весна для всех настала,
И всем подарки принесла она,
Лишь для меня подарка не достала,
Меня забыла светлая весна».

Нет, не забыла! Ветви протянула
Мне яблоня, склоняясь над окном,
Листочками зелеными качнула,
И лепестки рассыпала кругом.

Ворвался ветер, и в жилище тесном
Про волю он весеннюю запел,
И вслед за ним примчались птичьи песни,
И милый отзвук леса прилетел.

Моя душа вовеки не забудет
Подарка, что весна мне принесла,
Весны такой уж никогда не будет,
Как та, что за окном тогда цвела.

1894

12

В ненастную тучу кручина моя собралась.
Огнями-зарницами грусть моя в ней разгулялась,
Ударила молнией в сердце,
И крупным дождем полились мои слезы.
Промчалась та непогодь-буря грозой надо мною,
Но все ж не сломила меня и к земле не пригнула.
Я гордо чело подняла.
И взором, омытым слезами, теперь я взглянула яснее,
И в сердце моем зазвучали победные песни.
Весенняя сила в душе заиграла,
Ее не сломили морозы суровой зимы,
Ее не пригнуло туманом тяжелым к земле,
Ее не разбила весны перелетная буря.
Пускай собираются новые грозные тучи,
Пускай угрожает мне огненным, острым оружьем, —
Я выйду одна против бури
И встану — померяем силу!

[*1893—1894*]

РОМАНСЫ

I

ВОПРОС

Что говоришь ты, друг мой нежный, милый?
Твои слова — как в ясный полдень гром!
Как я люблю тебя — ты знаешь ведь о том?
Нет! Никогда меня ты, видно, не любила!

Печально ты качаешь головою
И все твердишь: «Не по дороге нам!»
Соединиться суждено сердцам,
И мы пойдем дорогою одною.

Я поборю тяжелые невзгоды,
Я полон сил; я словно мощный дуб;
Я от тебя все беды отведу,
Тебя укрою я от непогоды.

Но ты молчишь. Тебе ничто не мило...
Ко мне душой ты больше не стремишься,
И только сердцем горестным томишься,
И все жалеешь ты, что полюбила.

ОТВЕТ

Нет, что люблю тебя, я не жалею,
Но нам теперь с тобой не по пути.
Не говори, что рядом нам идти,
Не стать мне, знаю, спутницей твоею.

Моя любовь тебя, мой друг, погубит:
Ты — словно дуб могучий и прямой,
А я — как плющ печальный над тобой;
Плюща объятья гибельны для дуба.

Но без опоры плющ зеленый вянет,
Я ж не увяну, я листвой одену
Убогие, разрушенные стены,
Зеленый плющ их украшеньем станет.

Примчится ветерок в мой край унылый
И принесет мне ласковое слово
От дуба милого из той дубровы, —
И счастья дни воскреснут с прежней силой.

1893

II

НА МОТИВ ИЗ МИЦКЕВИЧА

... I znowu sobie zadaje pytanie,
Czy to jest przyjaźń, czy to jest kochanie?[1]

О нет, я тебя не люблю. И женой твоей стать не мечтаю,
И о поцелуях твоих ни сон не твердит мне, ни бред,
И в мыслях тебя никогда любимым я не называю.
Себя вопрошаю: люблю ли? И так отвечаю я: нет...

[1] И снова себе задаю я вопрос:
Дружба ли это, или любовь? (*польск.*)

Но только я сяду с тобой — и сердце как птица
забьется,
Гляжу на тебя, от лица отвести не могу я очей,
Когда же с тобой расстаюсь, в душе у меня остается
Твой образ, совсем как живой, и каждое слово речей.

Как много я в мыслях веду бесед с тобой мудрых
и милых,
Сияет мне, словно заря, очей опечаленных свет...
Ох, друг мой, не знаю, не знаю, сказать и сама я не
в силах,
Когда б ты спросил меня: любишь? ответила б я тебе:
нет?

1893—1894

* * *

Раз вы затронули вопросы эти
О боге и о жизни на том свете, —
Я тоже мненье выскажу свое,
Отнюдь не так, как этот немец, важно,
Но думаю, не менее отважно.
Сегодня я не буду говорить
Про Зевса, Одина, про Браму, Иегову, —
Они скончались, их не оживить, —
Век разговора требует иного —
Нам говорить бы надо: бог деистов,
Бог скептиков и бог детерминистов.
Но что же бог деистов скажет сердцу?
Я супа не люблю без соли и без перца.
А имя бога скептиков: «Не знаю». —
Такого я и богом не считаю.
Детерминисты мир построили так строго,
Что не осталось места в нем для бога.
Все трое — ни к чему, создать иного трудно,
Да и писать на эту тему нудно.
К тому ж у нас свободы слишком мало,
И без богов начальства много стало...
Теперь вопрос другой. — Почтенный друг,
Поверьте слову: мне совсем не нужно
Посмертной жизни — радостей иль мук, —
И к ним я более чем равнодушна.
Загадочное «там» нас привлекать не может,
«Мир спиритизма» — упаси нас, боже!
В ад угодить, быть может, интересно,

Но он уже достаточно чудесно
Описан Дантом. И — замечу рядом —
Я все же знаю, что зовется адом.
Попасть же в рай (надежда ль есть такая?) —
Там нет печали, горя, нет и счастья,
Но нет любви, сердечного участья —
Такого рая я не понимаю.
Ведь, кроме набожной, там нет литературы,
Я ж артистической, как знаете, натуры;
Поэзия, что сплошь религиозна,
Как все, что чересчур тенденциозно,
Мне слуха ни одним не радует стихом,
Как вирши вашего ученейшего мужа.
(Мои покажутся вам много хуже), —
Закончить можно, думаю, на том.

[*Не позднее 27.IX.1894*]

ПРОРОЧЕСКИЙ СОН ПАТРИОТА

(Посвящение редактору «Буковины»)

Что за диво новое, за чудо! . .
Пред зарей в святое воскресенье
Сон мне удивительный приснился, —
Будто бы я очутился в Риме,
Там я видел Колизей и Форум,
Капитолий со скалой Тарпейской,
С чьей вершины римляне когда-то
Сталкивали честных патриотов.
Только мне не нравилось все это.
Тем, кто верен Святоюрским башням,
Древнерусским Золотым воротам, —
Что им эти Колизей и Форум,
Капитолий со скалой Тарпейской?
Что нам эти цезари, герои?
И у нас князья бывали тоже!
А затем я Ватикан увидел
И отца святого в Ватикане.
Но и это, господа, не чудо,
Ибо даже и во сне позорно, —
В Риме будучи, не видеть папы!
Выше всех пурпурных кардиналов
Восседал он в белоснежных ризах.
А внизу, на бархатной подушке,
Красовалась туфля золотая.
Верные католики всех наций,
Ползая смиренно у престола,
Лобызали золотую туфлю.

Вот и я пополз за ними следом —
Чтоб русину быть не хуже прочих!
Трижды вещь облобызав святую
(Так как был отец святейший в юбке),
Я на лик его святейший глянул
И окаменел от удивленья —
Хоть во сне ничто не удивляет.
Это было истинное диво:
Галицкое я узрел обличье
Под святою римскою тиарой!
Боже мой! Да ведь его так часто
В львовской семинарии встречал я!
Он узнал меня и так мне молвил:
«Возвратись теперь в свою отчизну,
Поспеши к ней с вестью благодатной;
Что любой русин отныне может
Волей бога быть всегда безгрешным,
Только б всем властям повиновался, —
«Несть бо власти, аще не от бога».
(Тут я неприметно улыбнулся:
Этому б он мог и не учить нас!)
Кто же прямо в рай попасть желает
И сиять, как мученик, в венце там, —
Весь комплект он «Русского сиона»
Прочитать внимательнейше должен.
(Здесь — не знаю, признаваться ль, братья, —
У меня легонько сжалось сердце.)
Сверх того даю завет я верным —
Всем в поход отправиться крестовый
Против жалких, робких, малодушных
Сеятелей вражеских влияний, —
Нужно уничтожить без пардону, —
Будет вам за это рай на небе,
На земле ж — сие покуда тайна...»
Тут пластом я лег перед престолом,
Чтобы молвить нечто, но проснулся
И воскликнул голосом громовым:
«Гей, вперед, вы, галицкие братья, —
Пусть погибнем все мы, только надо
Своего иметь нам кардинала!
А уж сам добьется он престола».

Знать, не зря мне этот сон приснился —
Ведь моя говаривала бабка
(Воплощенье мудрости народной):
Сон, что снится в воскресенье утром,
Никогда впустую не бывает.

[*Май 1895*]

РАДЕ НА ПАМЯТЬ

Теперь прощай! Кто может знать, надолго ль?
С тобой бродить мы, может, будем скоро
По киевским горам иль по волынским рощам,
А может быть, до новой нашей встречи
Воды немало утечет из рек
И слез из глаз людских. Кто это знает?
Когда-то думала тебе я на прощанье
Свить ро́ндо нежное или сонет
И рифмами изысканно украсить,
Как свадебную веточку, — увы!
Теперь заглох цветник моей души,
Не знаю даже, оживет ли снова.
А прошлый год над этим вот потоком
Тебе венки я пестрые свивала,
Тогда ж, играя переливом красок,
Стихи легко лились из-под пера.
Но для меня — цветов нет больше ныне
Ни в поле, ни в дубраве, ни в душе.
Был прежде мил мне девичий обычай,
Когда с каким я расставалась краем; —
Сбирать цветы в излюбленных местах
И увозить с собою их на память,
Теперь взяла я горсточку земли, —
Ее потом положат надо мною...
Тебе желаю, милая сестрица,
Я счастья светлого (коль есть оно на свете!),
Чтоб «радою»[1] и радостью ты стала

[1] *Рада* — совет, помощь, лад, благо и т. д. *(украинск.)*.

Для всех, кого ты любишь. Я желаю,
Чтоб горе это первое без меры
Последним было в жизни у тебя.
Но коль минута грустная наступит
И слезы сами хлынут из очей,
Тогда взгляни ты на восток, сестрица
(В той стороне родная Украина),
И вспомни, что в краю несчастном этом
Есть дом и сердце, что всегда открыты
Для друга настежь... Полетит, быть может,
Мысль на восток твоя, а грусть на запад.
Мне счастия, сестра, не пожелай ты
(Ужиться мы не можем почему-то)!
Отваги, силы больше пожелай мне,
Чтоб выполнить великий тот завет,
Который я везу на Украину.
Пусть будет лучше память обо мне,
Чем я сама была, — ведь издалека
Туман противный золотом сияет, —
Когда меня случится вспоминать вам,
То «вспоминайте добрыми словами»!
Мне ж память о том счастье и том горе,
Что все мы вместе здесь переживали,
Тем будет, чем для набожных — молитва.
А всех вас... больше не могу, прощай!

31.VII.1895 [*София*]

НЕВОЛЬНИЧЬИ ПЕСНИ

Eternale spirt of the chainless mind!
Brightest in dungeons, Liberty, thou art,
For there thy habitation is the heart,
The heart, which love of thee alone can bind!
Byron «Sonnet of Chillon»[1]

БОЖЬЯ ИСКРА

Недруги

Ну их, поэтов! Их песни тоскливы!
Кто теперь слушать их рад?
«Тихие» нас оглушили «мотивы»
Смутных «фантазий», «баллад»!

«Скорби гражданской» нам тоже не надо,
Эти слова хоть звучны,
Дом отопить, обогреть — вот досада, —
Даже на то не годны!

Хватит! Довольно с нас песен унылых,
Песни насмешкой звучат...
Слова разумно сказать вы не в силах,
А рифмовать — так горят!

---

[1] Привольной мысли вечный дух!
Светлей всего ты в тюрьме, Свобода,
Ибо твоя обитель — сердце,
Сердце, которое подчиняется только любви к тебе.
Байрон, «Сонет к Шильону»

Друзья

Песни, как сладостны и хороши вы,
Всякий послушать бы рад.
«Тихие» нас услаждают «мотивы»
«Снов» этих, «грез» и «баллад».

Только нам скорби и грусти не надо,
И без того мы грустим.
Кротость и дружба, любовь и отрада —
Вот что мы в песнях хотим.

Ночь задавила нас тьмой беспросветной,
Горе нам в очи глядит,
Пусть же во тьме бестревожно, приветно
Божья нам искра горит!

Поэт

Полно вам, недруги, други, при встречах
Попусту с нами болтать,
Проще пойти научить сумасшедших,
Как им здоровыми стать!

Видели вы, как растет золотое
Пламя, как пышет в нем жар?
«Искра» та «божья» — проклятие злое,
Дикий и лютый пожар.

А не дано тех огней человеку
Ни зажигать, ни гасить,
А западет в него искра — до веку
Он ее будет носить!

[*1895*]

МАТЬ-НЕВОЛЬНИЦА

Был ясный и веселый день весенний,
К нам в комнату, в распахнутые окна,
Врывался шум потоков говорливых,
Что вниз бежали улицей нагорной,
И ветерок влетал, и, как ребенок,
Бросал он на пол со стола бумаги.
А вслед за ним влетала стая звуков,
Та песня города, что всем знакома,
Но в ней уже иные были ноты,
Весенние... Они звучали не для нас,
И не было веселья в нашем сердце,
А та весна, что за окном смеялась,
Нам принесла нерадостные слухи
И новости тюремные: в неволе
Сидит один, а тот сошел с ума,
А тот недавно вышел, но больной
Душой и телом, — был он арестован
Как раз в расцвете сил, надежд, мечтаний;
Над нами тоже тучей грозовою
Нависли темные угрозы власти.
Такой была для нас в тот год весна.
Сидели мы вдвоем и говорили;
Я с грустью слушала рассказ своей подруги
И бахрому рассеянно сплетала
На скатерти (подруге эту скатерть
В остроге мать когда-то вышивала).
Рассказ тот был отрывистым и тихим,
А голос от печали приглушенным;
Он скоро оборвался, как струна.
Все стихло в комнате, лишь было слышно,
Как в ней играл малыш моей подруги
И маленьким похлестывал кнутом,
На стуле сидя, — трогаясь в дорогу.
Я, глядя на него, тогда сказала:
«Ну, что же делать? Не печальтесь, друг мой,
Что, может, мы свободы не увидим,
Зато ребенок ваш ее увидит.
Что скажешь мне ты, маленький философ?»

Ребенок на меня взглянул разумно
И ясно любопытными глазами,
А мать его сказала торопливо:
«Молчите, пусть он этого не знает.
Мне помнится, еще ребенком часто
Я слышала от матери покойной:
«Как вырастешь, свободной будешь, дочка».
Она так весело и твердо говорила,
Что я поверила тогда в судьбу иную,
И верила, пока не подросла...
Так говорят и моему ребенку...
Иди играй, мой маленький, иди же!»
Ребенок вновь к игре своей вернулся,
Подруга села шить, а я — за книжку,
Наш разговор на этом был окончен...

[*1895*]

* * *

И все-таки к тебе лишь мысль стремится,
Край горемычный, сторона родная!
Тебя лишь вспоминая,
От скорби сердце ноет и томится.
Мои глаза видали лишь насилье
И горе, но такого не видали,
Они б над ним рыдали,
Да стыдно слез, что льются от бессилья.

Моя земля их много проливала —
В них вся страна могла бы захлебнуться.
Довольно! Пусть не льются, —
Что слезы там, где даже крови мало?!

[*1895*]

SLAVUS—SCLAVUS[1]

Славянство — как величественен звук,
Мистичен и широк необычайно!
Как много поколений, сколько рук
Храм строили славянству, полный тайны.
И возвели средь храма пьедестал
И ста́тую на нем установили,
Густою тканью плотных покрывал,
Как лик Изиды, идола закрыли.
Таинственная статуя давно
Стоит, и годы мчатся за годами,
Но никому поныне не дано
Взглянуть в лицо ей смелыми глазами.
Но что ж безмолвной матери сыны?
Ее красноречивейшие дети?
Что радует их, отчего грустны?
Чем средь людей прославились на свете?
Глядите: ведь любой — что исполин,
Мир может на плечах сдержать, как дуб, здоров он,—
А руки сильные могучий славянин
Покорно опустил, бумажной цепью скован;
Поклоны он кладет средь раболепных толп
Перед столбом, короною венча́нным,
Порфирою покрытым; этот столб
Века́ царем зовется, богом данным.
И каждый весь в крови, на теле синяки,
Исполосованном нагайкою тройчатой,
А славянин тайком плетет силки
И по́д ноги подкладывает брату.
Когда-то победитель-чужеянин
Славян распродавал на площади торговой, —
Теперь, куда ни глянь, повсюду славянин
По доброй воле сам кует себе оковы.
Под стать волу ярмо и свист кнута...
Смотрите, как покорно тащит ра́ло!
Нет, имя славянина неспроста
Синонимом *раба* на свете стало!

[*1895*]

---

[1] Славянин — раб *(лат.)*.

ВРАГАМ

(Отрывок)

...Уж те глаза, что издавна привыкли
Взор потуплять и тихо слезы лить,
Сверкают молниями, искры мечут, —
Ужель их дикий блеск вас не пугает?
И та рука, не знавшая оружья,
Что так была доверчиво открыта,
Искала только дружеской руки,
Теперь в кулак сжимается от злости.
Ужель вам эти не страшны угрозы?
Уста, что сладко пели, что так нежно
Слова твердили кротких, тихих жалоб,
Теперь шипят от ярости, и голос
Охрипший их похож на свист гадюки.
Что, если жалом станет их язык?..

[*1895*]

ПОЛНОЧНЫЕ ДУМЫ

Полно отныне! Ни жалоб, ни плача,
Ни на судьбу нареканий, — конец!
Слезы ль нахлынут волною горячей —
Я их сдержу. Понесу тот венец,
Что на себя возложила сама я.
Доля слепая, довольно мне власти твоей,
Жизни поводья теперь у тебя отнимая,
Буду сама пробираться дорогой своей!
Думы-мечтанья, отныне прощаюсь я с вами,
Ласково я размыкаю кольцо ваших рук,
Долго печальными стану следить я глазами
Вдаль отлетающий рой легкокрылых подруг.
. . . . . .
Вот и пропали, и след их туман застилает...
Только исчезли, как снова уже над челом
Реют широкие крылья, пожаром пылают, —
Новая мысль надо мною кружится орлом.
Я зачарованно слушаю голос нездешний:

«Будешь дотоле зарницею брезжить во тьме,
Край твой печальный доколе зарей не осветится
вешней, —
Нужно дорогу искать для идущих в тяжелом ярме.
Глянут живущие в этой огромной темнице,
Скажут: «Вот в нашем краю наступила весна, —
В небе крылами жар-птицы блистают зарницы,
Скоро рассвет загорится, хоть ночь и темна».
Новая дума! Твой пламень и голос твой строгий
Манят меня, я пойду за сияньем живым
Через просторы, тернистою, дикой дорогой,
Так, как скитальцы пошли за столбом огневым.
Знаю, куда ты меня поведешь за собою, —
Там беспощадно лютует во зле неусыпном война,
Люди там гибнут на поле жестокого боя,
Кровь там не льется — там тайная гибель страшна.
Кличешь? Иду! Для тебя все на свете покину,
Снова вернусь в горемычный, печальный тот край,
Где я в неволе погибну в лихую годину.
Новая дума, с тобою и там будет рай!

1895, София

ТОВАРИЩАМ

Как позабыть в далекой стороне
Дом неродной, что ближе был родного,
Где часто приходилось слышать мне
Всей правды обжигающее слово.
Суровые вопросы там впервые
Передо мной вставали без прикрас;
Там говорили мне борцы передовые:
«Довольно нам, надеемся на вас.
Приходит ваш черед — безвестной молодежи...
Да только кто вы, где? Скорей ответьте нам!
Ужели голоса, что так на плач похожи,
Принадлежат не слабым детям — вам?
Вы, может быть, на вызовы событий
На все хотите дать один ответ, —
Стонать, и плакать, и мечтать хотите,
А сил у вас для твердых действий нет?

Быть может, так?..» Упреки принимая,
Как у позорного столба, тогда
Стояла я, безмолвная, немая,
Не зная, что ответить от стыда...
Зачем молчите вы? Довольны ли собою,
И горькие слова не будят вас, не жгут?
Или раздавлены унылою судьбою?
Или пути иные вас влекут?
Утешьте стариков. Пускай укажет дело,
Что можем мы идти их боевым путем.
А если нет, тогда не бойтесь прямо, смело
Сказать седым бойцам: «Не ждите, не придем».

1895, София

ПОЭТ В ДНИ ОСАДЫ

Грешно в годину слез и горя
Красу луны, небес и моря
И ласки милой воспевать.

Девиз „тенденциозных".

Тревогою город объят... За оградой
Туманом сгущается вражья осада
И голод грозится костлявой рукою;
От вражьих лазутчиков нету покоя.
Бессменно совет заседает военный,
Но нету согласья, — и нощно и денно
Раздоры, сомненья и крики: «Измена!»
Болезнью тяжелой там время плывет.
Но город не умер, но город живет.
Вот в церковь венчаться идут, поспешая;
Младенца баюкает мать молодая.
«Пойдем, — повторяет любимый любимой, —
И руки и судьбы мы соединим,
Чтоб, раненный насмерть, страданьем томимый,
Я был бы с любимою неразлучим».
«Спи, — мать напевает, — дитя дорогое,

В глухую годину рожденное мною,
Тебя не погубит ни голод, ни беды.
Покуда живу я — тебе их не ведать!»
Идет на свиданье боец удалой,
Невеста его привечает:
«Скажи, отчего ты поник головой
И взор твой печаль затмевает?» —
«Проститься пришел, дорогая, с тобою,
Товарищи все приготовились к бою,
Тяжелей напасти не вынесть мне боле,
Уж лучше погибнуть средь бранного поля,
Чем гнить в этой черной темнице постылой!
Да только не скрою я — жалко мне милой. . .»
И девушка другу подносит ружье
И саблю вручает — подарок ее.
Целует, ласкает, и счастья желает,
И, словно на празднество, в бой провожает:
«Пусть наша звезда тебя, милый, ведет!»
И милый на смерть, не колеблясь, идет.
Вон юноша там, у ворот, нелюбимый,
Он голову стиснул в тоске нестерпимой.
«Я в злую годину всех горше страдаю, —
Не любит подруга меня молодая!
Вдвойне тяжело мне, и, боль затая,
Душа изнывает моя! . .»
Вон звучная песня доносится с башни,
На башне певец, молодой и бесстрашный.
Певца неминучая смерть не тревожит,
Свободная песня погибнуть не может.
На башне открытой гуляет он смело
И мечет стихи, как пернатые стрелы.
Он песню бросает в широкий простор,
Повсюду гремит она в городе, в поле,
И песне народный ответствует хор.
Все видно поэту в широком раздолье —
И море и неба синеющий свод,
И людям он новую песню поет.
Уже отражается в песне, как в море,
Звезда молодая, и алая кровь,
И мрачная злоба, и солнце-любовь,

И пламя пожара, и месяц, и зори,
Та песня, как моря прибой,
Огнями играет
И скалы срывает
Весеннею бурной водой.
Той песне внимает любовник несчастный,
И мать и ребенка она утешает,
Любимый любимой ее напевает,
И радости полон певец сладкогласный,
Затем, что поэты — как дети: им любы
Цветы и триумфы, литавры и трубы,
И бредят они беспримерною славой,
Какую не взять и победой кровавой.
В надежде на славу терновый венец
Бесхитростно принял певец.

Вот день промелькнул, ночь объяла туманом
Весь город, простерлась над вражеским станом.
И ласково смотрят небесные очи
На тех, кто дождался спокойствия ночи...
И стражам вздремнулось под башнею старой.
Все тихо... Могучи небесные чары,
Покорно им все, наконец,
И лишь не покорен певец.
Сияние звезд, что над башней нависли,
Мечты пробудило, и чувства, и мысли, —
Не сдержишь их — сердце теснят!
И, как над костром золотистые искры,
Как волны потоков, сребристы и быстры,
За песнями песни летят.
И вьются, вольны, из души вырываясь,
Беспечные к славе, к венкам,
На крыльях ветров полуночных вздымаясь
К высоким и ясным звездам.
В них радость звенит, отдается в них горе,
В них воспоминанья бушуют, как море,
А рядом отчаянья хаос зияет
И радугой светлой надежда играет.
Поет он, не зная, кто слышит его.
Не в силах напева сдержать своего,

Поет он звезде путеводной, высокой,
И ночи, и музе своей ясноокой,
Что с ним — как родная сестра...
И песня чарует становища вражьи
И будит на стенах внимательных стражей,
Заснуть не дает до утра.

12.IV.1896

ДРУГУ НА ПАМЯТЬ

Кто знает, милый друг, как скоро доведется
К беседам нашим возвратиться нам,
Пока от них еще так сердце бьется,
Я мысли грустные спешу доверить вам.

Припомнить прошлое — так иногда бывает —
Вы пожелаете когда-нибудь.
Ваш взгляд рассеянный мои стихи узнает,
И прихоть вам придет в них заглянуть.

Вы лето вспомните, и сад, и звезд паденье,
Высокое крыльцо, ночной наш разговор,
И наше пение, а в заключенье
Отрывистый, горячий, пылкий спор.

Признаться, не боюсь, что вспомнить вам случится
Жестокой ненависти ярый пыл.
Что ж! — ненавидеть только тот боится,
Кто никогда глубоко не любил!

Когда вы вспомните, какие муки
Борцам за правду принесли враги, —
Ведь разве не сожмутся наши руки
От жажды мщенья в кулаки?

Нет, одного боюсь, — смирится, к сожаленью,
Душа невольничья, и мстить не станет раб.
Когда б не угасала воля к мщенью,
Тогда счастливей жизнь у нас была б!

Голубки кротость, взор лучистый, ясный,
Патриция покой к лицу ли крепостным?
Бар вразумить не сможет раб несчастный
Словами — красноречием своим.

Так, мы — рабы, рабов печальней нету!
Феллахи, парии куда счастливей нас, —
В них разум не развит, их мысль не рвется к свету,
А в нас огонь титана не погас.

Мы — паралитики с горящими глазами,
Наш дух могуч, но плотью мы слабы,
Хоть крылья гордые за нашими плечами,
Но мы к земле прижаты, как рабы.

Мы собственного не имеем дома,
У нас открыто все тюремным сторожам:
И нам, оборванным и жалким, незнакома
Святая заповедь: «Мой дом — мой храм!»

У нас наука — клад, но он зарыт глубоко,
Дар — крепостной актер в театре у господ,
Смеется, шутит раб, душой скорбя жестоко,
Чтоб барский гнев смягчить, поклоны бьет.

Религия у нас известна темной славой:
Невежество и гнет жрецов Египта в ней.
Устав тюремный — вот с чем схоже наше право,
Связь родственная — нитки не прочней.

Народ наш, как дитя слепое от рожденья,
И солнца никогда он не видал,
Он для врага в огонь готов без рассужденья,
Своих вождей он палачам отдал.

Отвага наша — меч, он залит кровью,
Давно заржавевший, бряцает в ножнах он.
Так кем же — увлекаемый любовью —
Он может быть достойно обнажен?

Мы носим имена невольников продажных,
Не знающих стыда — пускай и так! —
Но как же называть воителей отважных,
Которых собирал в свои войска Спартак? . .

Позорно мучиться и гибнуть молчаливо,
Когда в руках у нас, хоть ржавый, все же меч,
Нет, лучше уж врагу отпор дать горделиво,
Да так, чтоб голова слетела с плеч!

17.VII.1896

ГРЕШНИЦА

Давно когда-то в дальней стороне
Была война страшна и необычна:
И называлась белою войною.
Без боевых сигналов, без знамен,
Без громких выстрелов, без музыки военной
Она лихим поветрием казалась,
Что прилетает на совиных крыльях.
И за солдатом погибал солдат,
Полки, как волны в море, исчезали.
В ночи на поединок выходили
И прятали за пазухой знамена,
И в темноте густой никто не видел,
Как светлое оружие сверкало,
Как падал наземь кто-то из бойцов
И как враги его закапывали в яму,
Порой еще живого. И когда
Начальство по утрам солдат считало,
Недоставало многих, самых лучших:
Но где они легли, никто не знал.
Тогда петлею больше воевали,
Оковами, отравою, подкопом,
Измена знаком боевым была.
Порою только огненная бомба
Тишь гробовую громко разрывала
И всех вокруг осколками разила.

Однажды девушка в ночную битву вышла
(Тогда шли в битву женщины, мужчины,
И даже дети не сидели дома).
Она пришла с оружием: в руках
Был острый заступ, а в кармане бомба,
Набитая составом разрывным.
И девушка, идя, шептала тихо,
А на губах была усмешка злая:
«Ой, подкопаю вражье я гнездо!
Взлетят они высоко, будто птицы!»
Вот к темной подошла она стене
Высокого строенья. Притаилась.
Сторожевой патруль переждала
И начала копать упрямо, быстро...
До половины подкопала стену,
И бомбу разрывную подложила,
И добыла огонь, и запалила
У бомбы трут, и поспешила к дому
С надеждой страшною, когда внезапно,
Как гром, ударив, бомба разорвала
Кусок стены, и острые каменья
Посыпались поблизости, как град.
И вот один тяжелый острый камень
Ударил девушку; подкошенной она
Упала, как цветок, подбитый градом.
И тут внезапно налетел патруль,
Пустились в поиски и подняли тревогу,
И девушку нашли. «Мертва иль без сознанья?
Несите же в больницу поскорей! —
Распорядился старший. — Пусть там лечат
Ее монахини, а после будет суд».
И девушку в больницу отнесли
И сестрам милосердия вручили.
Здесь принимали всех — приставили и к ней
Монахиню, сестрицу молодую.
Лежала целый день без памяти больная,
Под вечер лишь вернулось к ней сознанье;
Открыв глаза, по сторонам взглянула.
Под белым сводом образ и лампада,
И белая постель, и бледный облик
Монахини, похожей на икону.

Больная

Где я и кто ты?

Монахиня

Мир тебе, сестра!
Здесь божие жилище, ты в больнице,
А я твоя сестра, тебе служу.
Хвала всевышнему: к тебе вернулась память.

Больная

Ты слышала, что было этой ночью?

Монахиня

Пусть бог простит того, кто это сделал.

Больная

Я...

Монахиня

Как? Ты? Но ты, сестра, об этом сожалеешь?

Больная

Нет! Сожалеть мне было бы грешно!
Скажи, ведь знаешь ты, наверно, в замке,
Погибли все? Или остался кто?

Монахиня

Нет, миловал господь. Одна лишь башня
Упала. Никого там не было в то время.

Больная

О, что ты говоришь?

(Больная зарыдала.)

Монахиня

Утешься, бедная сестра, и лучше
Ты помолись со мною вместе богу,
Благодари его, что ото зла избавил,
Проси, чтобы он мир твоей душе послал,

Чтоб в сердце возвратил забытую любовь,
Слезами смой пятно ты это злое,
Что вражий умысел недобрый положил;
Простил бы только судия небесный,
А суд земной для праведных — ничто.

Больная

Ты думаешь, что я суда боюсь?
Конечно, быть среди гадюк противно,
Да я их не боюсь, суд для меня не страшен.
Небесный иль земной — не все ли мне равно,
И ад и рай мне тоже безразличны,
Ведь я не верю в них.

Монахиня

О господи, спаси
Заблудшую в несчастье тяжком душу!
Сестра, послушай, ты ведь молода,
Придется, может быть, тебе погибнуть...

Больная

Что ж!
Не жалко мне, что молодой погибну,
А жаль, о, как мне жаль, что пропаду напрасно.

Монахиня

Никто у господа напрасно не погибнет,
Без воли божией и волос не спадет.

Больная

Сестра, с тобой я не хотела б спорить,
Да, видно, лучше прекратить беседу, —
Мы говорим на разных языках.

Монахиня

О нет!
Есть у людей у всех язык единый —
То братская любовь.

Больная

Любовь, ты говоришь?
Нет, искренность вернее...

Монахиня

Прогони
Дракона ненависти вон из сердца,
Пусть в нем останется одна любовь,
И мы поймем, наверное, друг друга,
Как смог понять разбойника Христос.

Больная

Послушай, милая сестра, я вижу,
Что и жалеешь ты меня и любишь,
Хоть я тебе чужая. Я хотела б,
Чтоб знала ты, сестра, кого ты любишь,
И знала бы, за что ты осуждаешь.
Сядь рядышком со мной и наклонись
Ко мне поближе, милая сестрица,
Забудь о том, что ты зовешь грехом,
Что святостью, внимательно послушай.

Монахиня

Боюсь, что ты устанешь, ты больная.

Больная

Пусть я умру, но не умрет идея!
В такое лишь бессмертье надо верить.
Вы исповедуетесь перед смертью...
О том, что виселица ждет меня, я знаю.
Так слушай. Ты любовь все вспоминаешь.
Она и мне наставницей была, —
Любовь меня учила ненавидеть.
И я была когда-то кроткой, тихой,
И верила я в братскую любовь.
Тогда со мною вместе братья были,
Семья моя и нежные подруги.
Обиды все слезами я встречала,
И перед кривдою склоняла я чело,
Когда она мне на пути вставала.

Я матери с отцом была покорна,
Они же были ласковы со мною.
Я думала, что мир такой возможен
Между врагом и пленным. Но тогда
Вот это лихолетие случилось
И город наш осада обложила.
Боролся он и, как умел, сражался,
А после должен был открыть ворота,
И вот враги вошли в него с триумфом.
Я видела тогда: тех, кто склонялся ниже,
Тех больше притесняли чужеземцы.
Мои родители врагу сдались покорно,
А никогда не видели добра.
С тех пор мой разум будто помрачился,
Не знала я, где правда и где кривда,
Я только знала, что обидно мне,
Обидно на врагов, за побежденных горько.
Тяжел был час. Товарищи мои
Пошли сражаться, звали и меня,
Но я в себе не чувствовала силы.
Тех, кто остались, я чуждаться стала.
Как и они меня, — пропала наша дружба.
В печали братья с сестрами ходили, —
Как и меня, их угнетало горе.
Да что и говорить! У побежденных,
Конечно, счастья нет и быть не может.
Сперва я в монастырь, как ты, уйти хотела
Иль в сестры милосердия, да вера
Нужна для этого — я верить не умела...
Так день за днем тянулась жизнь моя.
Я видела, как лучшее все гибло,
Как родичи мои по тюрьмам гнили,
Высокое вдруг становилось низким.
Тут ненависть во мне заполыхала
Ко всем, кто убивал мою любовь.
И ненависть все больше разгоралась,
Куда ее девать мне — я не знала.
Так, может, собственным огнем себя сожгла б я,
Да суждено другое было мне.
Пришел один товарищ и сказал:
«Пойдем, мы снова на войну уходим!

Не мы убьем, так нас они убьют.
Должны бороться мы, ты помоги нам!
Нельзя же в стороне сидеть спокойно
И наблюдать, как братьев льется кровь.
Нельзя терпеть позора. Наша смерть
Других научит, как им жизнь построить.
Пойдем, а за тобой пойдут другие».
И я пошла.

Монахиня

А мать? А все родные?

Больная

Я в ту минуту о родных забыла,
Не вспомнила бы, может, и теперь,
Когда б свершила я большое дело, —
Победы счастьем я бы упивалась,
Великою надеждою жила б.
Теперь же я совсем напрасно гибну
И думаю о той напрасной скорби,
Что может мать мою убить навеки.
Сестер своих я вижу безутешных,
В печали братьев — и напрасно все!..
О, если б раз хоть я могла увидеть
Моих любимых!

Монахиня

Не горюй, сестра!
Когда бы только верить ты могла,
Как верим мы, утешилась наверно б.
Мы верим, что в другом, прекрасном мире
Увидим всех, кого мы так любили.

Больная

Вы верите и в рай и в ад? Напрасно!
Нет, люди равными и «там» не будут.
Ведь мать моя преступной не была
И зла вовек не причиняла людям.
Ей райские врата должны открыться,
А для таких, как я, в раю не будет места!

Монахиня

Все победит раскаянье твое —
И грех и ад, все перед ним исчезнет —
И настежь райские врата откроет.
Сестра, припомни всех родных, любимых
И пожалей ты молодую душу, —
За что погибнуть, бедная, должна?

Больная

Ты помнишь, в вашей книге говорится:
«Нет в мире больше той любви, что может
Отдать всю душу за друзей своих».
Я кончила, довольно! Все ты знаешь
И, коль осудишь, будешь знать за что.

Она умолкла. И, глаза потупив,
Монахиня в тиши сидела молча.

15.IX.1896

МИНУТА ОТЧАЯНИЯ

О, горе тем, что родились в темнице!
Что мир увидели в тюремное окно.
Тюрьма — кольцо проклятой чаровницы,
Не разомкнется никогда оно!

О, горе тем глазам, привыкшим видеть сроду
Поросший плесенью сырой тюремный вал!
Весь мир им сер, как небо в непогоду,
Весь мир для них, как двор тюремный, мал.

О, горе узникам, приученным в неволе
Носить тяжелый ржавый груз оков, —
На волю вырвутся, но грубые мозоли
Напомнят каждому, кто он таков.

О, горе тем, с душой прямой и честной!
Когда еще им вера дорога,
Пускай попросят милости небесной:
«Пошли нам, боже, честного врага!»

О, горе нам! Пусть совести и чести
Лишимся мы, зато падет стена,
Хотя бы под обломками без вести
Пропали мы и наши имена!

16.IX 1896

* * *

О, знаю я, немало прошумит
Метелей над моею головою,
Надежд немало в сердце облетит
Зеленой, вихрем сорванной листвою.

Не раз меня обнимет, как туман,
Как чад, отчаянья отравное дыханье —
И в то, что мне талант судьбою дан,
И в то, что вообще есть у людей призванье.

Не раз в душе наступит перелом,
И очи глянут в бездну роковую,
И я увижу над любви челом
Изношенную шапку шутовскую.

Не раз еще в томленье упаду
Перед покрытой статуей Изиды,
Не раз я с кораблем на дно пойду,
Пока достигну новой Атлантиды.

Не раз мой голос дико прозвучит,
Как вопль среди безмолвия пустыни,
И я подумаю, что все, что взгляд манит,
Пустой мираж и нет нигде святыни.

И, может быть, не раз в проклятом сне
Напитком страшным смерть наполнит чару,
И вновь придется дни и годы мне
Не жить, а жизнь свою влачить, как будто кару.

Я знаю это и в тоске ночей
Жду: вспыхнет пламя в тех священных горнах,
Где закаляется железо для мечей
И сталь куется для боев упорных.

И если сделаюсь я сталью в том огне,
Скажите: новый человек родился;
А если я сгорю, не плачьте обо мне;
Клинок непрочный все равно б сломился!

7.IX.1896

АНГЕЛ МЕСТИ

Во тьме таинственной, в средине ночи
Ко мне нередко странный гость летит,
Он взорами и манит и страшит, —
Как Марс кровавый, пламенеют очи.

Мне улыбается суровый тот посланец,
В улыбке ненависть я вижу и любовь,
На белых крыльях пламенеет кровь,
Как на снегу вечерних зорь багрянец.

Вникаю в смысл речей, ужасный и великий.
Меч у него в руках пылает огневой,
И в сердце у меня, как возглас боевой,
Рождается напев протяжный, дикий.

«Слова, слова, слова! — мой гость мне отвечает. —
Я ангел мести, дела, а не слов,
Не думай же, что звук твоих стихов
Других, а не тебя, на битву посылает.

Вот меч, возьми его на подвиг благородный,
Мой меч не тяжек для отважных рук.
Иль ты боишься смерти, кары, мук,
Ты, гордая душой своей свободной?»

Он меч мне подает. Тянусь к мечу рукою,
Но падает рука, внезапно ослабев,
И гаснет в сердце огненный мой гнев.
«Уйди, — я говорю, — я не пойду с тобою.

Нет, жизни мне не жаль, а жаль мне человека,
Живущего во мне, живущего в другом,
Коль я его убью, — пусть и грешна я в том —
Позора не снесу, не доживу я века.

Твоя слуга Корде́, нормандка молодая,
В тиранах видела тиранов весь свой век,
Но и в убитом ей явился человек,
Когда к нему вошла любимая, рыдая...»

Исчез полночный гость, пропал во тьме далече,
Оставив в сердце свой кровавый страшный след,
Но все стоит в очах, мне с ним разлуки нет,
А душу мне гнетут неконченные речи...

[*12.IV.1896*]

FIAT NOX![1]

«Да будет тьма!» — сказал наш бог земной.
И стала тьма, и хаос все покрыл,
Как перед сотвореньем мира. Нет, он гуще
Был, этот хаос, и блуждали в нем
Живые души, их давила тьма.

---

[1] Дословно — «Да будет ночь!» (*лат.*) Леся Украинка переводит это выражение: «Да будет тьма!»

И призраки из хаоса вставали:
Болезни злые, бедность, голод, страх,
Необычайный страх знобил всем душу,
И самым смелым становилось жутко
От воплей и голодного стенанья,
Что подымалось, как со дна морского,
Из темной и большой толпы. Казалась
Частицей хаоса толпа людская
И голосом его. Порою раздавались
Во тьме глубокой крики: «Света! Света!»
И слышался в ответ могучий голос
Земного бога с возвышенья трона:
«Да будет тьма!» И хаос вновь царил.

О, не один потомок Прометея
Живую искру с неба добывал,
И много рук тянулось к этой искре, —
Она звездой казалась путеводной, —
И рассыпалась та большая искра
На маленькие искорки другие,
И каждый прятал искру, будто клад,
И с давних пор хранил в холодном пепле.
Она не гасла, тлела, как в могиле,
И не давала ни тепла, ни света.
А доблестный потомок Прометея
Наследовал удел печальный предка:
Изгнанье, муки, тягостные путы,
Смерть раньше срока в диком отчужденье...

И нынче так, друзья! И нынче тьма!
Эй, отзовитесь! Страшен этот хаос.
Отважный, вольный слышала я голос,
Он раздавался, как лесное эхо, —
Теперь умолк. И тишина страшнее,
Мне кажется, вдруг стала, чем была.
Друзья мои, потомки Прометея!
Нет, не орел грудь гордую терзал вам, —
То в сердце змеи лютые впились.
Вы не прикованы к той крутизне кавказской,
Что издали челом сияет снежным
И весть о Прометее подает!

Нет, вы схоронены в землянках, и оттуда
Не слышно звона кандалов, не слышно стона
И непокорных слов...

О ночи царь!
Наш самый лютый враг! Недаром ты боишься
Цепей кандальных музыки железной!
Боишься ты, что грозные те звуки
Пронзят собой и каменное сердце.
А чем же заглушишь ты дикий голос
Сплошного хаоса, и голод, и беду,
И те отчаянные вопли: «Света! Света!»?
На них всегда, как будто эхо в далях,
Отважный, вольный голос отзовется:
«Да будет тьма!» Но этого ведь мало,
Чтоб хаос заглушить, чтоб умер Прометей.
И если ты силен безмерной силой,
Последний дай приказ: «Да будет смерть!»

25.XI.1896

ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ ЛИСТКА, СОЖЖЕННОГО ДРУЖЕСКОЙ РУКОЙ В ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ

Горяча ты была, моя песня,
В дни, когда я впервые запела.
Очи ярким пылали огнем,
Пламя в сердце горело моем.
Я укрыть тебя в сердце хотела —
Только в нем тебе было бы тесно.
Горяча ты была, моя песня!

Так была ты тогда горяча,
Что подруга услышала зов.
Руку мне протянув, запылала,
И рука у нее задрожала

От встревоженных песенных слов,
Загорелась душа, как свеча...
Так была моя песнь горяча!

Горяча моя песня простая
С давних пор... А в минуту тревоги
Слово вспыхнуло, как уголек,
И спалило заветный листок...
Вместо песни — лишь дым на пороге.
Ой, гляди, искра вспыхнет, блистая!
Горяча моя песня простая!

26.XI.1896

* * *

Слово мое, почему ты не стало
Твердым, как сталь боевого кинжала?
О, почему ты не яростный меч,
Головы вражьи срубающий с плеч?

Верный клинок, закаленное слово,
Я из ножон тебя вырвать готова.
В грудь ты вонзишься, да только в мою —
Вражьих сердец не пробьешь ты в бою.

Выточу, высветлю сталь о точило,
Только бы воли и силы хватило.
Будет сверкать мой клинок на стене
Всем напоказ, укоризною — мне.

Слово, оружье мое и отрада,
Вместе со мной тебе гибнуть не надо.
Пусть неизвестный собрат мой сплеча
Метким клинком поразит палача.

Лязгнет клинок, кандалы разбивая.
Гулом ответит тюрьма вековая.
Встретится эхо с бряцаньем мечей,
С громом живых, не тюремных речей.

Пусть же в наследье разящее слово
Мстители примут для битвы суровой.
Верный клинок, послужи смельчакам
Лучше, чем служишь ты слабым рукам!

25.XI.1896

ОТЗВУКИ

Пролетал буйный ветер над морем,
Над безбрежным, широким простором:
Волны белые встали высоко
И от ветра взлетали все выше,
Зашумели, как полчища вражьи,
Заглушили они буйный ветер.
Пролетал буйный ветер в пустыне,
По бескрайному, мертвому полю:
Закружились песчаные вихри,
Поднялись они к самому небу,
Словно страшные, злые титаны,
И, упав с высоты, разлетелись;
Смерть покрыла след буйного ветра.
Пролетал буйный ветер над башней,
Что стоит одиноко на круче.
Там нашел он эолову арфу,
Разбудил ее длинные струны,
И ответили струны напевом,
Что нежнее звенящего ветра.
Буйный ветер замолк, улетая,
Только арфа протяжно звенела.

13.I.1896

AVE REGINA![1]

Жестокая муза! Куда ты меня завела?
Зачем ты мне очи мои ослепила губительным светом
своим?
Зачем ты слова у меня отняла, что со мною должны
умереть?
Зачем ты мне сердце мое обманула, прельстила
видением счастья?
Цветами его ты дорогу себе устелила,
Одежды свои ты окрасила кровью его,
А лучшие думы мои венком золотым тебе стали.
Ты с гордостью царской меня повела за собою,
Как будто рабыню дорогой своей триумфальной.
Иду я, окована крепко, под звоны моих кандалов.
Ты, властная, все у меня отнимаешь.
Я все свои тайные клады тебе отдаю без остатка.
Ковер мой, что выткан мечтами, к ногам я твоим
постилаю.
Безумство ж мое ты взяла себе, муза, в актеры, —
Любимые роли тебе чтоб играть на потеху.
Ужели ты с завистью смотришь на бедное счастье
мое?
То счастье ведь было — как сон. Ты голосом громким
Меня от него пробудила, воскликнув:
«Рабыня, проснись, ты служанкою будешь моей!
Тронь в арфе своей ту струну, что еще никогда
не звучала, —

---

[1] Слова католической молитвы, означающие: «Радуйся, царица!» *(лат.)*

Все струны тогда отзовутся и мне похвалу воздадут.
Я дам тебе много подарков, свою ты забудешь
недолю».
Напрасно хотела повесить я арфу свою
На ветви печальные вербы плакучей,
Присягу великую дать, что в мире никто не услышит
Невольничьих песен моих.

Но властно тогда на меня посмотрела ты, муза,
И сердце мое задрожало, и песня моя зазвучала.
А ты, госпожа моя гордая, слушала песню рабыни,
И очи твои озарились победным огнем.
Манил меня этот огонь, обо всем забывать заставляя.
Пела тебе обо всем я, даже о том, чего раньше
Я и самой себе громко сказать не решалась.
Все от меня ты взяла. Где ж подарки твои, о царица?
Вот все подарки твои: слез жемчуга дорогие,
Вот и людское признанье — холодный хрусталь.
Горе меня одевает бархатом черным, тяжелым,
Только и красит мой траур скорби кровавый рубин.
Плох ли наряд для рабыни, идущей путем
триумфальным?
Радуйся, свет мой царица, пленница славит тебя!

[*С. Колодяжное*] *21.VIII.1896*

TO BE OR NOT TO BE?[1]

Стой, сердце, стой! Не бейся так мятежно!
Умолкни, дума, не летай так буйно!
Не бейся крыльями в пустом просторе.
Ты, муза ясноокая, меня
Не ослепляй огнем очей бессмертных!
Дай руку, дай ты мне к груди твоей прижаться.
Тебе я отдала все, что имела,
Так дай же мне и ты совет достойный.
Смотри: вокруг лежит невспаханное поле,
И чащи дикие, и круч высоты,
Глухие воды темные. Смотри:
Дорог не видно, только кое-где
Тропинки, путаясь, бегут в безвестность.
Вон люди пашут поле — их немного, —
Стук топора из чащи еле слышен,
С высоких круч плывет орлиный клекот,
Лишь воды тихие стоят безмолвно,
И только камень с круч порой сорвется
И вмиг исчезнет в темных тихих водах —
Бесследно разойдется круг дрожащий.
Наставница высокая, скажи мне,
Куда мне устремиться на просторе?
Иль серебро и золото должна я
Снять с лиры и сковать себе орало,
А струнами связать вот эти крылья.

---

[1] Быть или не быть? *(англ.)* Известные слова из монолога Гамлета в трагедии Шекспира «Гамлет», акт III, сцена I.

Чтоб не ложилась тень на узкой борозде,
И полосу занять с другими рядом,
Вспахать, засеять целину, а дальше —
А дальше жатвы ждать другим на пользу?
Иль, может, ринуться должна в трущобу
И пробивать дорогу в диких дебрях
С тяжелым топором и с тонкою пилою,
Покуда ствол какой-нибудь гигантский
Меня в лесу дремучем не задавит? . .
Иль воспарить орлицею высоко
Над крутизной, в простор необозримый,
Достать из тучи молнию живую,
Снять со звезды сияющий венец
И свет зажечь во тьме глубокой ночи?
А если этот свет погаснет мигом,
Как метеор, и темнота чернее,
Страшнее станет, чем была когда-то?
А если вдруг не станет больше силы,
Огонь сожжет мне крылья, упаду
Я, словно камень, что сорвался с кручи,
Туда, в глухие воды, в глубину,
В холодный омут, и недолго будут
Дрожать круги на плоскости воды?
Молчишь ты, муза гордая! И только
Пылают очи, радужные крылья
Широким взмахом к высям устремились
И ринулись... О чародейка, стой!
Возьми меня с собой, помчимся вместе!

10.IX.1896

* * *

Когда умру, на свете запылают
Слова, согретые моим огнем,
И пламень, в них сокрытый, засияет,
Зажженный в ночь, гореть он будет днем.

И тот придет, о ком я так мечтала,
Чей образ дорог сердцу моему.
«Она тебе огонь свой завещала», —
Его узнав, так скажут все ему.

Он гордо скажет: «Нет!» — и гордо взгляд
подымет,
И гордо прочь пойдет, не посмотрев назад.
Как и всегда, он и теперь не примет
Притворных слов, что люди говорят.

Летите, песни вольные, далеко,
Летите вслед за ним в ночи и днем,
Побудьте с ним в жилище одиноком
И все, как есть, поведайте о нем.

Когда любимый с гордостью былою
И в одиночестве откажется от нас,
Тогда, о песни, пусть в гробу со мною
У сердца моего схоронят вас.

Когда ж с печалью он и с горькими словами
Припомнит прежнюю, забытую любовь,
Тогда, о песни, мы навек простимся с вами,
Расстанемся, а вы к нему летите вновь.

28.XII.1896

ТОВАРИЩУ

Вы меня вспоминаете ль в нашей тюрьме,
Как я вас вспоминаю, больная?
Мы, подобно растеньям в тумане и тьме,
Оба вянем, простора не зная.

Ох, судьбы моей тягостен мне произвол,
А приятель меня утешает,
Говорит, что мой случай «не так уж тяжел,
Что с другими похуже бывает».

Хоть советчики искренни — скучны они, —
Их унылые речи напрасны.
Им ли знать, как без солнца убийственны дни,
Как безлунные ночи ужасны!

И вернее болезни, неволи верней
Эта страшная мысль убивает,
Хоть и тешит она, убеждая людей,
«Что с другими похуже бывает».

Если б слезы мы пили из чаш круговых,
Если б чашами меряли горе,
Хоть бы выпили тысячи кубков таких,
Слез осталось бы целое море.

Если б тысячи тысяч сплели мы венков
Для работников слова и дела
И для них не жалели терновых шипов, —
Все же роща б шипов уцелела.

19.I.1897

* * *

Упадешь, бывало, в детстве,
Руки, лоб, коленки ранишь, —
Хоть до сердца боль доходит,
А поморщишься и встанешь.

«Что, болит?» — большие спросят.
Только я не признавалась.
Я была девчонкой гордой —
Чтоб не плакать, я смеялась.

А теперь, когда сменилась
Фарсом жизненная драма
И от горечи готова
С уст сорваться эпиграмма, —

Беспощадной силе смеха
Я стараюсь не поддаться,
И, забыв былую гордость,
Плачу я, чтоб не смеяться.

2.11.1897

* * *

Я трудное решенье приняла:
Не укорять и все сносить покорно,
Ты отвечал мне веточкою терна,
Бесстрашно я в венок ее вплела.
Нарядней стал колючий мой венок...
Пусть так, все знала я! Когда я принимала
Оружие, что серебром сверкало,
Я в сердце приняла безжалостный клинок.
Теперь мне больше нечего бояться, —
Ни раны, ни шипы мне не страшны,
Все вынесу я за святые сны,
За чистые мечты любви и братства.

2.II.1897

РОМАНС

Не любуйся на месяц весною,
Ясный месяц подглядывать может,
И подслушивать любит он тоже,
Видел часто тебя он со мною,
Мог бы речи твои повторить,
А ты рад бы все это забыть?
Не любуйся на месяц весною.

Не любуйся березой плакучей,
Сердце грустью она переполнит
И о прошлом тяжелом напомнит,
О печали напомнит горючей,
Что тогда помогла нам дружить.
А ты рад бы все это забыть?
Не любуйся березой плакучей.

2.II.1897

* * *

...Так прожила зимой я долгой, долгой,
Зима прошла, и вот весна настала, —
А для меня в том перемены нет,
И дни мои плывут так тихо-тихо,
Как по пруду плывет листок сухой.
Жизнь странная... Когда б порою сердце
Не трогали живые боль и горе,
Не знала б я, иль вправду я живу,
Иль только видится мне жизнь моя сквозь сон.
Меня тут стены тесно окружили,
В них, в четырех, весь свет мой заключен.
Там, за окном, мир слышится другой мне,
Шумит-гудит, ведет свою беседу.
Там стук повозок, голоса людские,
Звонки трамваев, грохот паровозов
Сливаются в одной дрожащей ноте,
Как тремоло огромного оркестра.
И днем и ночью он не умолкает.
Какой же шумный мир там за окном!
А я его не вижу. Только виден
Кусок резьбы на воротах соседних
И в городском саду зеленый тополь,
И неба ровно столько, что в окне.
Теперь я знаю, что весна настала,
Коль соловьи запели издалека,
И шелест новых листьев раздается,
И не видать звезды за тополями.
Я раньше знала, что была зима:

Тогда сверкали за окном снежинки
И на стекле серебряный узор.
Вот так я узнавала время года...
И жалко мне, и думаю я с болью:
Не так ли раньше, как теперь весну,
Я видела любовь свою, и юность,
И все, чем красен век людской короткий?
Так было все, но только за окном.

25.IV.1897

* * *

Разбита жизнь твоя... Ты, девушка, играй
На этих вот людьми разбитых струнах, —
Быть может, так гармонии достигнешь,
Ее так мало видела ты в жизни...
Не сетуй же, что криком, а не песней
Аккорды первые звучат. Играй!
И жизнь твоя вот так же начиналась.
Где нежные тона потом взяла ты,
Что даже злых людей к себе расположили?
Ты их нашла в своем разбитом сердце,
Ужель их не найдешь в разбитых струнах?
Играй. Одна струна уже оборвалась,
Не тронь ее — она так ослабела,
Как тетива в ребячьем самострелe,
Коснись ее легонько, еле-еле, —
Как эхо отзовется вдруг она
Себе самой. А коль рука затронет
Струну, что затвердела от молчанья,
Рвани ее безжалостно и сильно,
Ударь в нее, как в колокол набатный.

[1897(?)]

КРЫМСКИЕ ОТЗВУКИ

I. ИМПРОВИЗАЦИЯ

В роще далекой, меж зарослей пышных,
Ярко граната цветы расцветают,
Как поцелуи на жарких устах
Жарким другим поцелуям навстречу,
Как поцелуи рубиновых уст...
Спи, мое сердце! Пусть в роще далекой
Ярко граната цветы расцветают..

Северный ветер дрожит, затихающий
Между густыми душистыми лаврами,
Словно томительный вздох,
Будто бы лавры свидание тайное
Прячут любовно от света лукавого
В нежной прохладной листве...
Спи, мое сердце! Пускай между лаврами
Северный ветер дрожит затихающий...

Вот к кипарису цветущими гроздьями
Нежно склонилась магнолия пышная,
Как к своему жениху нареченному.
В темных кудрях ее — цветики белые,
Только они не покрыты фатой.
Нежит любовь их, фатой не покрытая...
Спи, мое сердце! Магнолия пышная
Пусть к кипарису склоняется стройному.

Темного моря волна белопенная
К камню прибрежному тихо ласкается,
Нежность, любовь и сиянье лучистое
Словно в подарок приносит ему;

Камня прибрежного облик темнеющий
Вдруг засветился навстречу возлюбленной.
Нежность, любовь и сиянье лучистое...
Спи, мое сердце! Пускай белопенная
К камню волна, набегая, ласкается...

Ялта, 1897

II. ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЬМА

Не сетуйте, друг, что стихом отвечаю ленивым
Рифмы, дочери трудных ночей, покидают меня,
Смутной волною размер набегает,
О преграду ничтожную вдруг разбиваясь внезапно, —
Не ищите вы в нем понапрасну девятого вала,
Могучей волны, что качается в такт с океанским
теченьем.
Раздумье теперь навевает мне Черное море —
Дико, неверно оно, ни закону, ни ладу не знает.
Все играло-шумело вчера
При ясной спокойной погоде,
Сегодня же тихо и ласково шлет к берегам свои волны,
Хоть ветер и гонит неистово тучи седые.
Так вот всегда и лежала б я рядом с живою водою.
Смотрела б, как щедро бросает она жемчуга-самоцветы
На прибрежные камни;
Как тени цветные от туч золотистых
Идут, серебрясь, голубою равниной
И вдруг исчезают;
Как белая пена слегка розовеет,
Как будто красавицы облик стыдливый;
Как горы темнеют, покрытые белою дымкой;
Они так спокойно стоят, —
Ведь их стережет колоннада немых кипарисов,
Высоких и важных.

. . . . . .

Я только что вновь прочитала
Ваш сильный, как будто бы сталью окованный,
Вооруженный ваш стих.

Чем заплатить я могу вам теперь за него?
Сказку хотя б расскажу, а «мораль» выводите уж сами.

Торной дорогой крутой
Мы поднимались на взгорья Ай-Петри.
Вот уж проехали мимо садов виноградных кудрявых,
Что, как прекрасный ковер, все подножье горы
покрывают,
Вот уже лавров, любимых поэтами,
Пышных магнолий не видно,
И ни прямых кипарисов, густо обвитых плющом,
И ни шатрами нависших платанов.
Только встречали мы ветви знакомые белой березы,
Яворов, темных дубов, к непогоде и к бурям
привычных.
Но и они уж остались далеко за нами.
Чертополох, да полынь, да терновник росли у дороги.
Скоро их тоже не стало.
Мел да песок, красноватые, серые камни
Висли над нашей дорогой, бесплодны и голы,
Будто льдины на северном море.
Сухо, нигде ни былинки, всё камни кругом задушили,
Словно глухая тюрьма.
Солнце горячие стрелы на мел осыпает.
Пылью швыряется ветер.
Душно... Ни капли воды... Словно это дорога
в Нирвану,
Страну побеждающей смерти...
Но вот в высоте
На остром, на каменном шпиле блеснуло вдруг что-то,
как пламя, —
Свежий, прекрасный, большой цветок лепестками
раскрылся,
И капли росы самоцветом блестели на дне.
Камень пробил он собой, тот камень, что все победил,
Что задушил и дубы
И терновник упрямый.
Этот цветок по-ученому люди зовут Saxifraga,
Нам, поэтам, назвать бы его «ломикамень»
И уваженье воздать ему больше, чем пышному лавру.

Ялта, 1897

III. ВОСТОЧНАЯ МЕЛОДИЯ

Горы и кровью и пламенем вспыхнули —
С солнцем, в лучах уходящим, прощаются,
Так вот и сердце мое закручинилось —
С милым, любимым моим разлучается.

Видишь, над морем, над волнами синими
Чайки мелькают и кружатся, белые...
Милый мой, где тебя сыщут, пропавшего,
Думы мои быстрокрылые, смелые?

Ночью на башне огонь засветила я,
Милый, любимый, тебя дожидаючись,
Пусть озарит он на море дороженьку,
Чтоб ты не сбился, домой возвращаючись.

Светик мой! Буду я жить в ожидании,
Сумрачною паранджою закрытая,
Я посажу кипарисную веточку —
Пусть вырастает, слезами политая.

А как воротишься, я покажу тебе
Тот кипарис, его ветви широкие, —
Всех минаретов он выше подымется,
А ведь у нас минареты высокие.

Ялта, 5.XI.1897

IV. МЕЧТЫ

В раннем детстве нас прельщают
Чудеса и необычность.
Я любила в раннем детстве
Были рыцарского века.

Только странно, что не принцы,
Окруженные загадкой,
Не прекрасные принцессы
Разум мой очаровали.

Был мне дорог на картинках
Не надменный победитель,
Что, соперника повергнув,
Грозно требует: «Сдавайся!»

Нет, мой взгляд спускался ниже,
На того, кто, распростертый,
Рыцарским копьем пронзенный,
Говорил: «Убей — не сдамся!»

Не казался мне прекрасным
И отважный пышный рыцарь,
Добывающий оружьем
Неприступную красотку.

Очаровывали сердце
Пленниц смелые ответы:
«Можешь ты меня прикончить —
Жить меня ты не заставишь!»

Дорогие годы детства
Пронеслись водой вёсенней,
Только шум воды весенней
Не забудется вовеки.

Он бессонными ночами
Надо мною раздается,
Так причудливо сплетаясь
С жарким бредом лихорадки.

Потолок над головою —
Как готические своды,
А на окнах — как решетки,
Веток призрачные тени.

Сквозь отверстия решетки
Красноватый свет пробился;
Что там — уличное пламя
Или отблески пожара?

Что шумит, не затихая,
Беспорядочно и глухо?
То в крови шумит горячка
Иль то битва за стенами?

Я сама ли застонала
От внезапной лютой боли,
Или стонет пленник рыцарь,
Изнывающий от раны:

«Эй, откликнись! Кто тут в замке?
Чье живое сердце бьется?
Другом будь, взойди на башню,
Погляди на поле битвы.

Погляди на поле битвы
И скажи: за кем победа?
Все ли вьются над полками
Наши честные знамена?

Если нет — сорву повязки!
Пусть ручьями кровь польется,
Шлю проклятье жалкой крови,
Не за родину пролитой!

Нет, я слышу наши клики!
Вот они звучат все громче...
Завяжите туже раны!
Жалко кровь терять напрасно!..»

Так ребяческая греза
Бушевала в лихорадке.
А теперь? — Прошла горячка,
Но мечты не исчезают.

Мне не раз еще приснится,
Будто я в плену постылом
И невидимой рукою
Я окована цепями.

Будто верный меч не сломан,
Будто он в руках остался,
Только тяжкие оковы
Не дают рукою двинуть.

А вокруг темно и тихо,
Не шумит горячка в жилах,
И не слышен издалека
Дикий гомон с поля битвы.

Так и хочется мне крикнуть,
Точно рыцарь детской грезы:
«Жив ли кто? Взойди на башню,
Посмотри вокруг, далеко!

Посмотри: видны ли в поле
Наши честные знамена?
Если нет, то жить не стоит —
Пусть же мне откроют вены!

Пусть ручьями кровь польется,
Пусть умру я тут, на камнях.
Шлю проклятье жалкой крови,
Не за честный стяг пролитой!»

Ялта, 18.XI.1897

V. ЗИМНЯЯ НОЧЬ НА ЧУЖБИНЕ

— Утешь меня, Муза, моя ты отрада!
Грустит мое сердце в ночной тишине.
Куда ты пропала? А помнишь, как рада
Была ты на зов мой являться ко мне?

Муза

Напрасны упреки! Нет, я не пропала,
Я, об руку стоя с тобою, ждала,
Что зов твой услышу, но ты тосковала
И слезы свои одиноко лила.

— О Муза, зачем вспоминать нам былое,
Не надо печали будить, ведь она,
Как хищная птица, не знает покоя,
Заснет на минуту — и вновь не до сна.

Настрой свою лиру — струна со струною
Негромкий пускай разговор поведет,
Пусть голос мой следом летит за тобою,
А песня по свету свободно идет.

Муза

Спой вместе со мною
Про то, как весною
Вся жизнь возрождается вновь,
Про первые встречи
И нежные речи,
Про первую в сердце любовь.

— Нет, Муза, не сладить мне с песней такою, —
Каким ее голосом я поведу?
Мой голос звучит непонятной тоскою,
А струны твои на веселом ладу.
Оставь эту песню...

Муза

Запой мне другую,
Пока не расстроился лад!
«Подковки сверкают,
Подружки мелькают,
Эй, пары, вставайте все в ряд!..»

— Нет, Муза, неискренне песню мы пели,
Всегда мне чужой эта песня была, —
Когда все вокруг веселиться хотели,
Я тайные слезы тихонько лила.

Муза

Не знать нам с тобою
Веселого строя,
Я вместе с тобою спою
Печально, протяжно
О том, как отважно
Герой умирает в бою.
Готов среди боя
Он лечь головою,
Он знамя в бою сбережет.
Сраженный, он ляжет,
Товарищам скажет:
«Пусть вас это знамя ведет!»

— Нет, Муза, как меч эта песня, что к бою
Зовет и отвагу сердцам придает:
Ты в ней вспоминаешь о смерти героя,
А я вспоминаю бессилье свое.
Пока я больна, я бороться не в силах,
В заржавленных ножнах не трогай меча.
Я жажду покоя, я долго грустила,
И свежая рана моя горяча.

Муза

Вы слабые люди, с сердцами больными,
Что тяжкой тоскою томятся всегда.
Припомни, как звездами мы золотыми
Под небом родным любовались тогда.
Иль в этом краю от тебя закрывают
Небес красоту кипарисы вокруг,
Что вольная песня твоя не взлетает
До самого неба, как раньше, мой друг?
Ужель этих гор золотые вершины
Теперь для тебя — как темницы стена?

Я знаю, что в песне моей лебединой
Последняя скоро порвется струна.

— Стой, гордая Муза, напрасно, богиня,
Напевы твои безнадежно звучат;
Скорей мое бедное сердце погибнет,
Чем струны у песни твоей замолчат! . .
Припомни, как ясные звезды светили
Нам сквозь кипарисы ночною порой
И светлыми в грусти мечты наши были,
На женщин похожие с грустной душой.
Пускай же сегодня туман без просвета
Окутает небо и сердце мое,
Но звезды горят в нашей песне пропетой,
Навек в ней оставив сиянье свое.
Припомни, как песней встречали рассветы,
Край неба зарей, как рубином, пылал,
И море от солнца пылало, а где-то,
Совсем в отдалении, звон пролетал.
Пускай наше счастье зашло, как и солнце,
И ночь дождевая над нами плывет,
А завтра вновь солнце заглянет в оконце
И сердце проснется и вновь запоет.
Припомни, как днем мы стояли с тобою
На жаркой скале, на вершине крутой,
Училась я петь у морского прибоя,
А ты все хотела понять его строй.
Пускай я отравлена злою тоскою,
Но в песне могла я всю душу излить.
Мы слушали песню морского прибоя,
Кто слышал ее, тот не может забыть.
Припомни, огнем на закате пылали
Вершины кремнистых утесов и скал
И в чаще граната цветы расцветали,
А в сердце огонь моих песен пылал.
Пускай мои песни и сад мой чудесный
Заснули, холодным окутаны сном, —
Весною цветы на гранате и песни
Опять запылают огнем.

Ялта, 29.XII.1897

VI. ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ

(Драматическая сцена)

Действие происходит в Тавриде, в городе Партените, перед храмом Артемиды Тавридской. Местность у моря. Море образует залив у скалистого берега. Побережье оголено и покрыто дикими серо-красными скалами; выше, по склонам гор, буйная растительность· лавры, магнолии, оливы, кипарисы, образующие целую рощу. Высоко над обрывом небольшой полукруглый портик Всюду по склонам гор между деревьями белеют лестницы, которые спускаются к храму. Слева, на самой сцене, большой портал храма Артемиды с дорической колоннадой и широкими ступенями Недалеко от храма, между двумя кипарисами, — статуя Артемиды на высоком двойном пьедестале; нижняя часть пьедестала представляет собой большой выступ в виде алтаря, на выступе горит огонь. От храма к морю идет дорожка, выложенная мрамором, она спускается к морю лестницей. Из храма выходит хор девушек тавридских в белых одеждах и зеленых венках. Девушки несут цветы, венки, круглые плоскодонные корзины с ячменем и солью, амфоры с вином и маслом, чаши и фиалы. Девушки украшают пьедестал статуи цветами, венками и поют.

Хор девушек

(Строфа)

Богиня таинства, благая Артемида,
Хвала тебе!
Хвала тебе, недостижимо-ясной,
Как свет луны!

(Антистрофа)

Горе тому, кто увидеть отважится
Гордой богини нагую красу,
Горе тому, кто руками нечистыми
Тронуть одежды богини дерзнет, —
Тени, сплетенные лунным сиянием,
Будут прекрасней, чем образ его,
Скорбная мать, на него поглядевшая,
Сына родного не сможет узнать.

(Строфа)

Могучая защитница Тавриды,
Хвала тебе!
Хвала тебе, неумолимо-сильной
Богине стрел!

(Антистрофа)

Горе тому, кто словами бесчестными
Грозной богине обиду нанес,
Горе тому, кто не склонит в покорности
Гордую голову, падая ниц.
Лунному свету добраться немыслимо
До глубины океанского дна,
Но Артемиды стрела неизбежная
Сердце безумца сразит наповал.

Из храма выходит Ифигения в длинной белой одежде, с серебряной диадемой на голове.

(Строфа)

Идет любимая богини жрица —
Поем ей честь!
Поем ей честь! ее сама богиня
Нам привела.

(Антистрофа)

Из неизвестного края, далекого
Нам Артемида ее привела,
Все в этой девушке тайной окутано,
Род ее, племя и имя само.
В роще священной мы в ночь Артемидину
Жертвенный там совершали обряд,
И показала нам в лунном сиянии
Девушку эту богиня сама.

Тем временем Ифигения берет большую чашу у одной девушки и фиал у другой, третья девушка наливает в чашу вино, четвертая — масло в фиал. Ифигения выливает вино и масло в огонь, потом посыпает алтарь священным ячменем и солью, беря их из корзин, которые подают девушки.

Ифигения

(принося жертву)

Чутко внемли мне, богиня,
Слух свой ко мне обрати!
Жертву вечернюю я приношу, благосклонно прими.
Ты, что выводишь на путь мореходов по волнам
бушующим.
Наши сердца освети!
Пусть же, тебя прославляя, предстанем мы,
Сердцем, и телом, и мыслями чистые,
Перед твоим алтарем!

Хор

Слава тебе!
Сребропрестольная
И осиянная,
Дивно-могучая,
Слава тебе!

Ифигения

Ты, победившая, стрелами ясными
Ночи враждебную тьму разогнавшая, —
Нам свою милость пошли!
Темные чары, Эребом рожденные,
Нам помоги побороть!

Хор

Слава тебе!
Сребропрестольная
И осиянная,
Дивно-могучая,
Слава тебе!

Ифигения отдает девушкам чашу и фиал, делает знак рукой, и девушки уходят в храм. Ифигения ворошит костер на алтаре, чтобы он горел ярче, поправляет на себе украшения

Ифигения
(одна)

Ты, Артемида, богиня-охотница,
Чести девичьей защитница верная,
Помощь свою нам пошли!..

(Падает на колени перед алтарем и в отчаянии простирает руки к статуе.)

Прости меня, великая богиня!
Устами я произношу слова,
А в сердце нет их...

(Встает, отходит от алтаря и смотрит на море.)

В сердце только ты,
Единственный, родной мой, край любимый!
Все, все, чем красен век людской короткий,
Осталось далеко, в моей Элладе.
Любовь и молодость, семья и слава
Покинуты за дальними морями,
А я одна чужая на чужбине,
Как тень, давно забытая родными,
Блуждающая по полям Гадеса,
Печальная и призрачная тень...

(Поднимается по ступеням портала и прислоняется к колонне.)

Одно пристанище — холодный мрамор!
Я, помню, часто голову склоняла
На лоно матери моей любимой
И слушала, как ровно билось сердце...
Я так любила обвивать руками
Высокий юношеский стан Ореста,
Золотокудрого родного брата...
Латоны дочь, сестра родная Феба!
Прости воспоминания рабыне...
О, если б ветры принесли мне вести,
Как там живет мой царственный отец,
Как мать родная... А сестра, Электра,
Повенчана, наверно. А Орест?
Должно быть, он на играх олимпийских
Венки стяжает. Как блестит красиво
Оливы серебристая листва
На златокудрой голове Ореста!

Наверно, ты не в беге победитель —
В метанье диска... Ахиллес всегда
Награду брал за состязанье в беге.
Он жив, мой Ахиллес!..Теперь не мой, —
Там эллинка иль пленная троянка
Зовет его своим... О Артемида,
Спаси меня ты от меня самой!

(Спускается по лестнице и садится на последней ступени, под кипарисом.)

Как грустно зашумели кипарисы!
Осенний ветер... Скоро будет зимний
По этой роще зверем завывать,
Закружится метелица над морем,
И небо с морем в хаосе сольются!
Я у огня скупого стану греться,
Недужная душой, больная телом,
А там, у нас, в далекой Арголиде,
Где расцветает вечная весна,
Там девушки аргосские пойдут
Фиалки собирать и анемоны,
И может... может, песни пропоют
О славной Ифигении, что рано
Погибла за родимый край... О Мойра!
Зачем тебе, суровой, грозной, надо
Глумиться так над бедными людьми?!
Стой, сердце, ты безумно! Стихни, гордость!
Не нам же, смертным, на богов идти?
Не нам бороться против грозной силы
Карателей земли и громовержцев?
Из глины мы сотворены... Но кто же
Вложил в нас душу и святой огонь?
Ты, Прометей, оставил нам наследство,
Большое, незабвенное! Ту искру,
Что ты для нас похитил на Олимпе!
Огонь ее горит в моей душе, —
Он дышит буйным пламенем пожара,
Он осушил мои девичьи слезы
В тот час, когда я смело шла на жертву
За честь и славу родины — Эллады.
Вы, эллинки, что слезы проливали,
Когда пришлось меня на смерть вести,

Теперь не плачете, что ваша героиня
Напрасно и бесславно угасает?
(Становится перед алтарем.)
Зачем же ты спасла меня, богиня,
В далекую чужбину завела?
Кровь эллинки была тебе потребна,
Чтоб загасить твой гнев против Эллады, —
Но кровь мою пролить ты не дала,
Возьми ее — она твоя, богиня!
Пускай не обжигает жил моих!
(Достает из-за алтаря жертвенный нож, отбрасывает плащ и заносит нож над сердцем, но быстро опускает его.)
Так поступить потомку Прометея?
О нет! Кто мог идти на смерть отважно,
Тот должен все с отвагою принять.
Когда для славы родины, Эллады,
Нужна такая жертва Артемиде,
Чтоб Ифигения жила в изгнанье
Без имени, без славы, без семьи, —
Пусть будет так.
(Печально опустив голову, идет к морю, останавливается на верхней ступени лестницы, ведущей к морю, и некоторое время смотрит вдаль.)
Аргос! В родных стенах
Я б умерла охотней во сто крат,
Чем здесь томиться! Водам Стикса, Леты
Не угасить мечты о родине моей!
Да, тяжело наследство Прометея!

(Спокойной и медленной поступью удаляется в храм.)

Villa Iphigenia 15.I.1898

VII. ЗИМНЯЯ ВЕСНА

Тихо, тепло. Неужели и вправду весна?
Небо порой загорается отблеском ясного лунного света,
Золотом и серебром озаряются тучки;
Только прозрачная тучка окутает месяц —
Сразу он в ней засияет, как радуги отблеск далекий.

Звезды меж тучками водят свои хороводы,
Снег на вершине горы ослепительно блещет,
Так что мне кажется, будто огни маяка засветились;
Залиты крыши домов серебристым сияньем,
Резкою тенью очерчен балкон с балюстрадой,
А кипарисы стоят у балконов, как башни высокие
замка;

Словно литые, тяжелые листья магнолий
Скованы сном, недвижимы;
Тени латаний на мраморный пол прихотливо упали.
Лавры стоят зачарованно, как неживые молчат,
Тихо в саду, затихает и город, уж поздно.
Редкие окна домов городских еще светят
Золотом красным. Вокруг все затихло;
Горный поток в темноте, словно мельничный жернов,
шумит;

Еле доносится песня далекая и замирает...
Редко по улице люди проходят беззвучно, как тени;
Море далекое ластится нежной мечтою.
Легкий туман кисеей укрывает уснувшие долы.
Тихо... тепло... Не могу я ни спать, ни работать.
Все по балкону хожу своему. Он высокий и длинный,
Как пароходная палуба. Вижу я горы,
Неба широкий простор и далекое море.
Мыслям отсюда легко разлетаться по свету...
Так и ходила я взад и вперед; мои мысли сновали,
Словно на ткацком станке, когда нить оборвется и
снова сплетется.

Часто летели мечты мои в край дорогой и родимый —
Снегом покрытый, закованный льдами, лежит он вдали,
за горами.

Горы иные привиделись мне. Там дома, переулки,
Та же луна освещает сейчас этот город сиянием ясным.
Кто там спит? Кто не спит? И чьи светятся окна?..
Вспомнилось вдруг почему-то мне старое мрачное
зданье,

Тяжкий замок на воротах, и стража у крепкой ограды,
А за оградою — вы, мой товарищ, в каморке тюремной.
Может быть, спать не удастся вам в эту минуту?
Может быть, та же луна освещает холодные стены

Светом тоскливым и бледным? Вы, может, в окно
посмотрели
И при луне увидали дома, переулки и горы...
Нет, не могу я ни спать, ни работать. Как ночь и ясна
и длинна!
Быстро ушла я с балкона и крепко захлопнула двери.
Тяжко мне стало в саду, зачарованном ночью.
Дрогнули звезды внезапно, и небо померкло, —
Может, туман их закрыл или взор у меня помутился...

Ялта, 1898

* * *

(Памяти С[ергея] М[ержинского])

...На полуслове разговор прервался,
И в сердце — словно лопнула струна,
Но все еще трепещет. Звук отдался.
Могильным холодом душа полна.

Тоска, тяжелыми отгрезив снами,
Встает огромная, как туча пред грозой,
Зажглась печаль, и яростное пламя
Взвилось пожаром, бурей огневой.

Пожар тот мог бы силу дать народу,
Казнить тиранов, сжечь Бастилию и трон
И вырвать из оков прекрасную свободу, —
Во мне слова, слова рождает он!

Товарищ! Не могу хранить молчанье,
Отмечена таким проклятьем я:
Встречаю словом каждое страданье,
Звонка тоскующая мысль моя,

Не заглушат часы глухонемые
Звучащих дум, они звенят, звенят...
Так руки узников недвижны, чуть живые,
Когда на них оковы загремят.

Там, где на всех устах лежит печать молчанья,
Где скованы проклятья и хулы,
Там, где удушены и песни и рыданья,
Глухих и спящих будят кандалы.

Пускай гремят они слышней, жесточе,
Не буду заглушать. О, если бы могли
Они в сердца людей ударить что есть мочи,
В сердца людей, что мохом поросли.

Чтоб услыхали все о тех, кто носит цепи,
Кто терпит лютые побои палачей,
Кто, замурованный в острожном склепе,
Проклял безлюдье каменных ночей;

О, если б звон оков мог поразить, могучий,
Те заспанные, вялые сердца,
Покрыть стыдом чело, не ведавшее тучи,
Напомнить всем, что ждет оружие борца.

О, если б поднялось оружие для боя
И загремело так, чтоб дрогнула земля, —
Умолк бы звон кандальный сам собою
И слов таких бы не сказала я...

14.VII.1898

В ПУСТЫНЕ

Сказал господь: «Мне надлежит отмщенье!
Тот, кто не верит в чудеса господни,
Не может видеть их. Пока не сгинет
Последний из отравленных безверьем,
Народ мой не придет к земле обетованной!»
Так говорил господь через пророка,
И слово божье горько прозвучало
Среди пустыни. После наш пророк
Взошел на гору, чтоб взглянуть оттуда
На землю, что сам бог назвал обетованной,
И больше не вернулся. Мы одни
Остались в этой горестной пустыне.
Теперь куда нам? На восток? На запад?
На север ли? На юг ли? Все равно!
Вот тут лежать бы на песке горячем
И ждать, пока вихрь страшный налетит
И нас в могиле золотой схоронит.
Но жаль детей, младенцев слабых жаль.
Ужель на этот свет они родились,
Чтоб с колыбели голод знать и жажду
И смерть напрасную принять в пустыне?
Мы все пойдем песками наугад,
Задушим в сердце гадину безверья,
Отважно глядя лютой смерти в очи.
Чего бояться нам? Жгла безнадежность душу,
Она прошла по людям, как зараза,
И рассекала сердце, словно меч.
Пророк наш мертв — в нас будто гром ударил!

Кто наш вожатый? Да, мечта такая
Нам недоступна, как мираж в пустыне.
Уже мы так наказаны, что злее
Сам грозный бог Адонаи не может.
Идем! уверясь, что таким страданьем
Потомкам нашим длинную дорогу
К надежной, светлой цели сократим!

9.IX.1898

* * *

Когда б я знал, что им уж нет спасенья,
что смерть близка и гибель неизбежна,
то умолял бы я мираж в пустыне:
те, кто *должны* погибнуть на безводье,
пусть хоть надежду смутную увидят,
пусть блещут им, пока погаснут взоры,
издалека серебряные волны,
пусть пальмы им приветливо кивают
и обещают отдых и прохладу.
Пусть обреченный шепчет про себя
о рае... о земле обетованной...
Сказал бы я: «Да, брат мой, это — рай!»
И не было б неправды в этом слове,
но знаю я, что хоть и нет спасенья,
последний час придет еще не скоро,
и этого миража я боюсь,
я говорю им: «То обман, не верьте»,
достойней без надежды им погибнуть,
смотря в глаза судьбе своей суровой,
как подобает людям закаленным,
чем в призрачное марево поверив,
опять увидеть мертвую пустыню
и плакать от бессилья, как ребенок
доверчивый, обманутый. О, стыд!
Когда б я знал, что есть еще надежда,
что хватит сил пустыню перейти,
то я не испугался б ни безводья,
ни марева, лишь бы оно вело
вперед, а не назад, и пусть бы даже
они обман тяжелый пережили,

на полдороге, все ж они стояли б
к желанной цели ближе, и мираж
им скрасил бы дорожную усталость.
Я им сказал бы: «Как мираж прекрасный —
оазис будет тот, что вы найдете,
вам надо только с силами собраться».
Когда б я знал, что эти силы есть...
А что я знаю? То, что мы в пустыне,
что на безводье, что подстерегают
нас хищники — шакалы, барсы, тигры,
и знаю я, что все, на что народ мой
с надеждой смотрит, — лишь мираж неверный.
X. — Откуда это знаешь ты?
L. — Я знаю,
что лев с ягненком мирно жить *не может,*
вот разве так характер свой изменит,
что станет по-иному называться.
Как те, *иные,* будут жить, не знаю,
и, может быть, поверил бы я в них, —
покуда же ягненок есть ягненок,
а лев есть лев, один возможен рай:
где львов совсем не будет. Тот, кто хочет
пасти и охранять свою отару,
пусть бережет ее, пусть к ней приставит
собак и пастухов, сам взяв оружье,
но пусть ягнят покорности не учит,
они и так всегда покорны были
и век покорны будут, хоть бы всех
хотел их лев сожрать. Вовеки лев
ягнят покорных жрать не перестанет, —
каких не съел вчера, он съест сегодня,
помилует сегодня, завтра съест,
лишь только бы его пустили к стаду.
А ваша вера: не противься злу!
Ведь этот лев сегодня сразу всех
сожрать вас может, если, как ягнята,
вы будете покорны! Что за радость
так жить, как вы живете? Для чего?
Затем, чтоб шерсть отдать синедриону?
Чтоб лии умножать царю-экзарху?

А там опять сюда придет лев-цезарь,
возьмет с собою лучших на обед,
а может всех!
Х. — То будет божья воля.
(Легенда про Як[ова] Израиля.)
L. — Как омерзительны твои слова!
Душа моя от них перевернулась.
Из уст твоих овечий голос слышу.
Так говорит Израиля потомок!
Не странно, что с потомками такими
не может быть в союзе Иегова,
как был с их славным прадедом когда-то.
Х. — Пути господни неисповедимы.
Есть новые избранники у бога,
теперь избранник тот, кто духом нищ,
а верою богат, кто больше всех
боится господа.
L. — Нет, властен тот,
кто не боится!
Х. *(как громом пораженный)*. — Что ты говоришь?
Как ты осмелился сказать такое?
L. — То говорю, что вычитал в законе.
Там сказано, как предок наш Израиль
осмелился подняться против бога
и с ним всю ночь боролся до рассвета,
и стал тогда, его увидев смелость,
союзником Израилю сам бог.
Избранник тот, кто бога не боится,
лишь равный с равным может быть в союзе.

[1898]

НА СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Во всякой стране, у любого народа
Хранится преданье: в далекие годы
Был век, что звался «золотым»,
Когда, почитая и слово и лиру,
Венки подносили «великие мира»
Не мертвым поэтам — живым!

За пышные оды, за звуки баллады
Певцам короли раздавали награды,
Совсем как родные отцы;
За звучный сонет, мадригал изощренный
Бывали красавицы к ним благосклонны, —
Не знали презренья певцы.

И знатные дамы из свиты придворных
Играли на сцене субреток проворных,
Чтоб легкую славу добыть,
Сама королева снимала корону,
На землю сходила с высокого трона
Творенью поэта служить.

Богам были равны там лауреаты
И гордо носили наряд свой богатый
Меж рыцарей, в блеске пиров.
Средь лавров цветок красовался душистый,
И даже шипы были в нем золотисты,
Из золота — звенья оков!..

* * *

Да, в каждой стране есть преданье о рае,
И нет его только в родном моем крае...
А были ж певцы и у нас,
Чьи песни бессмертной исполнены силы,
А как имена их? И где их могилы —
Чтоб славу воздать хоть сейчас?!

Кудрявых они мадригалов чуждались,
Иными мечтами они упивались,
Пути не вели их к дворцам;
Не оды, а думы народа слагали,
Не в стансах любимой красу воспевали,
А в песнях, что сладки сердцам.

Те вечные песни, — печальны, негромки, —
В наследие взяли поэты-потомки,
Идя по дороге отцов;
Их брать под защиту никто не старался,
С высокого трона никто не спускался
Прославить достойно певцов.

Лавровыми их не венчали венками,
Шипов не старались укрыть за цветами,
Страдал одиноко поэт;
Кафтан его не был богатым и новым,
А коль на руках и звенели оковы, —
Уже не из золота, нет!..

1898

ЗВЕЗДА ПОЭЗИИ

(Импровизация)

Светишь ты мне сквозь туман, светишь сквозь горькое горе,
Звезда моя, с тучами споря!
Это лишь ты мне сияла огнем среди ночи,
Ясный открыла мне путь через темное бурное море
И обольщала мне новой надеждой усталые очи, —
Ты лишь, в унылом просторе!
Кто ты, сон иль мечта, я не знаю,
Только я верю в тебя и веры вовек не сломаю,
А коль сломаю, наверно сломлюсь и сама,
Ляжет гнетом постылая тьма.
Ты для жизни меня пробудила,
Ты и глаза мне открыла,
Подняла меня крыльев могучая сила,
Понесла меня ввысь по дороге лучистой,
Выше, все выше,
В край, что всех краше и тише,
Где моя звездочка светит и ровно и чисто,
В край, где и счастье и горе душе одинаково милы,
В край, где улыбки и слезы младенчески ясны,
В край, где голов ни пред кем не склоняют уныло,
Где не слезами, а песней рыдает несчастный.
Я не печалюсь, что рано иль поздно я сгину,
Я не печалюсь, что милую землю покину,
Я не печалюсь — пускай моя жизнь и погаснет,
Свет твой, звезда моя, будет все ярче, прекрасней.

Вновь певцы без меня будут петь,
Будут песни другие звенеть
Громко, ясно, отважно и гордо,
Воедино сольются аккорды,
Полетят они в те небеса,
Где бессмертно сияет краса,
И польется ответной волною
Песня та, что не сгинет со мною.

12.X.1898

ЗАБЫТАЯ ТЕНЬ

Суровый Дант, изгнанник флорентийский,
Встает из сумрака времен средневековых,
И песни у него — как те века.
В мистическом лесу он отыскал их
Средь хаоса причудливых видений.
Чей дух осмелился б за ним идти, скитаться
В таком лесу, какие б там, меж терний,
Цветы, красуясь, вечно ни цвели?
Собрал певец искусною рукою
Все те цветы и сплел из них венок,
Росой его небесною обрызгал,
Омыл водой таинственного Стикса
И положил на раннюю могилу
Прекрасной Беатриче Портинари,
Что раз ему когда-то улыбнулась,
А во второй прошла и даже не взглянула,
А в третий раз он видел Беатриче,
Когда она в гробу лежала неподвижно.
И для него она была — как солнце,
Что свет, и радости, и жизнь дает,
Не ведая, кого дарами дарит.
И хоть зашло то ласковое солнце,
Он не забыл его ни в сумраке угрюмом,
Ни у домашнего огня в приветном свете,
Ни на земле, ни в небе, ни в аду
Он не забыл прекрасной Беатриче.
Она одна живет в его созвучьях:
Ведь в том краю, где Данте жил душою,
Другой жены себе он не нашел.
Такими он ее венчал цветами славы,
Какими ни одна из женщин не гордилась.

Вовек бессмертны Данте с Беатриче,
Владыка смерть не разлучила их.
Зачем же ты, мое воображенье,
Мне женщины другой рисуешь бедный образ,
Что между ними, словно тень, встает,
Как будто сон томительный, неясный?
Нет ни венца на ней, ни ореола,
Ее лицо закрыто покрывалом,
Как бы густым туманом. Кто она?
Ведь ни один певец ее не славил,
Художник ни один не рисовал.
Лежит на дне истории глубоко
О ней воспоминанье. Кто она?
Жена поэта. Имени другого
Не сохранило время нам, как будто
Ей собственного имени не дали.
И не была она звездою путеводной,
Лишь тенью верной шла она за тем,
Кто был поводырем «Италии несчастной».
Она делила с ним изгнанья черствый хлеб,
Она огонь веселый разжигала
Ему в чужом жилище. И не раз
Его рука, ища себе опоры,
Ей на плечо с надеждой опускалась.
Ей дорога была поэта слава,
Но рук она не протянула к ней,
Чтоб взять себе хотя бы луч единый.
Когда погас огонь в очах поэта,
Она их набожной рукой своей закрыла.
Тень верная! А где ж ее судьба,
Где собственное счастье, радость, горе?
История молчит. И вижу в грусти я
Всю горечь дней далеких, одиноких,
В тревожном проведенных ожиданье,
Ночей бессонных, темных, как забота,
И долгих, как нужда, я вижу слезы...
По тем слезам, как по росе жемчужной,
Прошла в отчизну славы Беатриче.

25.X.1898

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мечта далекая, надежда золотая —
Моя страна, к тебе стремлюсь душой,
Страшусь и радуюсь, высоко залетая...
Так птицы возвращаются домой.

Не кажется ли им, что в край родной с собою
Они иные песни принесут,
Что песни новые над темной их землею
Светлее молний в небе расцветут?

Уже бывало так... уже не раз бывало:
Искала я надежд в стране чужой —
На родине моей их слишком не хватало,
И силы не хватало молодой.

И все же вновь и вновь о миге возвращенья
Я грезила в далекой стороне,
Но долгожданные, желанные мгновенья
Одни лишь тернии дарили мне:

Я стражу видела, оружие блестело,
Была граница хмурой каждый раз...
И сердце вновь и вновь задать вопрос хотело:
«К родным мы едем иль ссылают нас?»

Вокруг опять была знакомая сплошная
Родной неволи старая стена.
И мысль свободная, как будто крепостная,
Бледнела вдруг, на скорбь обречена.

И мести ангел злой, суровый дух темницы,
Глазами жгучими пронзал меня,
Высокие мои мечтания орлицы
Своим неправедным мечом гоня.

Обезображены мои напевы были,
Те песни, что манили новизной,
И мысли в ужасе метались и скользили,
Как бабочки ночные над свечой.

Как в голой роще в дождь, не раз мне было скверно,
Мне было горестно и тяжело,
Я содрогалась вся, как в темноте безмерной.
И сердце слезы вновь и вновь лило.

И на чужбину я мечтала возвратиться.
Там — вечная весна, казалось мне.
Так перелетная в неволе грезит птица
В дни осени о юге и весне.

5.VI.1899

IMPROMPTU[1]

Когда цветет никотиана
И точно светит из тумана,
Как будто падшая звезда,
Вся бледная от тайной страсти,
Все вкруг становится тогда
Покорно непонятной власти.
И если вы тогда вдвоем
И возле вас сияют очи,
Горя таинственным огнем,
Как отраженье звездной ночи,
И голос милый вам звучит,
Как будто в тишине журчит
Струя волшебного фонтана, —
Бегите прочь от этих чар,
Они зажгут в душе пожар,
Когда цветет никотиана.

Когда цветет никотиана,
Все, все тогда полно обмана,
Опасна ночи тишина,
Как то затишье роковое,
Когда коварная волна
Хранит молчанье гробовое.
Вот-вот нахлынет звуков рой,
И встрепенется мысль, как птица,
И вспыхнет в темноте порой

[1] Импровизация *(франц.)*.

Воспоминания зарница,
Как будто неизвестный друг
Страницы развернет вам вдруг
Давно забытого романа, —
О, если дорог вам покой,
Не прикасайтесь к ним рукой,
Когда цветет никотиана.

[*VI—VII.1899(?)*]

* * *

Как я люблю часы моей работы,
Когда кругом все затихает вдруг,
Все сковано очарованьем ночи,
И только я одна, непобедима,
Торжественную службу начинаю
Перед моим незримым алтарем.
Летят минуты — я им не внимаю,
Вот полночь бьет — работы лучший час, —
Так звонко бьет, что тишь затрепетала,
Быстрей в моих руках забегало перо.
Идут часы. Куда они несутся?
И ночь осенняя мне кажется короткой;
Ночное бденье не страшит меня,
Оно мне не грозит, как некогда грозило
Неверною и черною рукою,
А манит ласково, как юное виденье.
И сладко так, и сердце счастьем бьется,
И мысли расцветают, как цветы,
Как будто кто-то надо мной склонился
И говорит волшебные слова,
И сразу будто вспыхнет пламя,
И молниями мысли озаряет.
Перед рассветом ночь еще чернее,
Пора и свет гасить, чтобы его
Рассвет не пристыдил своим сияньем.
Погаснет лампа, но глаза пылают.
Когда же сумерки в окно тихонько
Заглядывают, серые, и вещи
Вдруг начинают выступать из мрака,
Меня внезапно побеждает сон.

А утром в зеркале своем я вижу
Глаза усталые и бледное лицо,
И в памяти тревожно промелькнет
Знакомая мне с детских лет легенда
Про «перелесника». Бывало, говорила
Нам, малым детям, старая бабуся:
«Жила-была беспечная девица...»
Про девушку беспечную, что долго
За прялкой перед праздником сидела
И не молилась, просьбам не внимая,
И не ложилась спать. И вот за то
К ней по ночам являлся «перелесник»,
Не призраком являлся и не бесом, —
Влетал в окно падучею звездою
И превращался в стройного красавца,
Пленявшего речами и глазами.
Он дорогие приносил подарки,
Дарил ей ленты, убирал цветами,
Невестой звал и косы расплетал ей,
Речами нежными он отравлял ей сердце,
И поцелуями он душу вынимал.
Чуть раздавался возглас петушиный,
Вдруг исчезал коварный «перелесник»,
И девушка, в цветах вся, засыпала
Сном каменным. А после целый день
Ходила бледная, как привиденье,
И все ждала, чтоб вновь настала ночь,
Чтоб с «перелесником» опять вести беседу,
А те беседы кончились бедой...
— Да кто ж, бабуся, был тот «перелесник»? —
Старуху спрашивала я. Она
Всегда крестилась только, повторяя:
«Да не в дому и не при малых детях,
Не при святом бы хлебе называть.
Не думай на ночь ты о нем, — приснится!»
И я тебя послушалась, бабуся,
И никогда не думаю я на ночь
Про «перелесника», лишь зеркало мое
Мне про него напоминает утром.

19.X.1899

Из цикла

«НЕВОЛЬНИЧЬИ ПЕСНИ»

ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ

I

В дни, когда был Израиль врагами пленен,
Сыновей его в рабство угнал Вавилон
И, поникнув главою, былые борцы
Шли в цепях — победителям строить дворцы.
Эти руки, что храм охраняли святой,
Напряглись исполински в работе чужой.
Эта мощь, что в сражениях тщетной была,
Несказанные стены твердынь возвела.
Все, кто знали какое-нибудь ремесло
И могли хоть лопату держать иль тесло,
Многобашенных стен воздвигали венец...
Только арфу на иве повесил певец.

2.XII.1899

II

Иеремия, зловещий провидец в железном ярме!
Видно — бог твое сердце из твердого создал кристалла:
Ты провидел, что гнить будет брат твой во вражьей тюрьме, —
Как же сердце твое жалость лютая не растерзала?

Как дождаться ты мог, что исполнится слово твое?
Стрел кощунственных облако вдруг над святыней
взлетело, —
Верно — чарами ты защитил тогда сердце свое,
Так что вражьи на нем изломались каленые стрелы!

И когда на развалинах храма сидел ты один,
Капли слез твоих камень холодный насквозь
прожигали...
Эхо стоном своим отвечало средь скорбных руин,
Так что дальние внуки их отзвук живой услыхали.

Иеремия, печаль твоя в тысячелетьях поет...
Как же сердце твое жалость лютая не растерзала?
Ведь горячий источник утесы гранитные рвет,
Значит, — сердце твое из алмазного было кристалла!

2.XII.1899

ЭПИЛОГ

Печально вас иль радостно читать,
великой драмы скорбные рассказы?
То хочется над вами зарыдать,
то, вне себя, и петь и плакать разом.

Как будто шел блестящий карнавал,
свободы пиршество границ не знало,
казалось, налетел девятый вал
и море бурею загрохотало.

Девятый грозный вал! А в глубине —
вздыхало море всею бездной черной,
но гребни ввысь вздымались на волне,
дыша огнем и силой необорной.

Сплошным пожаром вал на гору наступал,
упрямой глыбою гора стояла,
холодной и немой. Разбился вал,
утихла буря, и валов не стало.

Осталась только пена здесь и там,
да камешки бессильно тарахтели.
Несчастные... Прибрежный этот хлам
ни море, ни гора принять не захотели.

Девятый вал...То не вода была,
стекающая каплями по глыбе, —
то соль земли, то молодость ушла
на смерть свою, на верную погибель.

Живою в гроб ложилась молодежь,
бесстрашия улыбку обнаружив.
Не так ли в Индии и ты, вдова, идешь
в огонь костра вслед за умершим мужем?

Поднявши чару, молода, хмельна,
идешь в огонь ты к мужу на свиданье.
Ведет тебя огонь иль просто чад вина
на огненное бракосочетанье?

О, как искристо было то вино,
что молодых героев опьяняло!
По жилам разливалося оно
и с непривычки кровь воспламеняло!

Оно пьянило буйною мечтой,
святою верой, молодости пылом.
Кто б не пошел, его отведав, в бой,
кого б кипенье волн не захватило?

Что — слезы иль венки должны нести мы вам,
в расцвете сил погибшие герои?
О, если б было суждено и нам
сжечь молодость свою и лечь на поле боя!

Удел наш был иным. Былые дни
своей весны встречали мы уныло;
тогда как раз погасли все огни
и море пена белая покрыла.

А камешков однообразный зов
лишь навевал усталость и досаду;
час оргий минул, не было венков,
и для вина не стало винограда.

Мечи давно заржавели, других
не выковали молодые руки;
все мертвые — в земле, а у живых
не боевой учились мы науке.

Смолк карнавал; от тех, кто пил вино,
для нас осталось тяжкое похмелье.
Нам, рыцарям незнатным, суждено
свой пир справлять без шума и веселья...

О вы, что жизнь свою сложили тут
в предутренние ранние морозы, —
потомки вам на гроб венков не принесут,
вам не цветы к лицу, а только слезы!

18.VIII.1900

ЗАБЫТЫЕ СЛОВА

Я помню, что тогда семь лет мне миновало,
А ей, наверно, было двадцать лет.
Сидели мы в саду. Цвело все, расцветало,
С каштанов осыпался белый цвет.

Ничем она меня тогда не забавляла,
Мне все забавы были далеки,
Мне б только с нею быть, — она же знала
Одну забаву лишь — плести венки.

Я подавала листья ей, цветы и травы,
От рук ее не отводя очей.
Казалось, что плела она не для забавы,
А чтоб оправу сделать для речей.

В ее речах слова, как волны, набегали,
Как слезы о ее замученных друзьях, —
Казалось, что цветы, бледнея, увядали,
И скорбные слова немели на устах.

И вновь срывались с губ, как гневные угрозы,
Как приговор всем тем, кто пролил кровь,
И дикие в венке, как кровь, пылали розы,
И, как цветы, слова пылали вновь.

Шумел зеленый сад, а голос пел любимый
О воле золотой весенним днем,
И ряст в венке цвел красотою дивной,
И песни золотым лились дождем...

Давно уже прошло все, что когда-то было,
Тех слов призыв горячий отзвучал.
Наверно, и она о них забыла:
Кто помнит о венках, что в юности сплетал?

И я забыла их, не вспомню даже слова
Из тех бесед в далекие года,
Лишь цвет, звучанье их нежданное, мне снова
Волнует кровь теперь, как и тогда.

Те звуки не умрут, не онемеют, —
Всегда, как только лист от ветра зашумит
Или цветы на солнце запестреют,
Мелодия внезапно зазвучит.

Как будто звуки те на страже встали,
Чтоб душу каждый миг будить от сна,
Чтоб только розы в сердце не увяли,
Покуда вновь не зацветет весна.

9.VII.1900

ВЕЧЕ

И старость не пришла еще, а часто
Минувшее встает перед глазами;
И всматриваюсь я в него, как будто
Боюсь, что я уж больше не увижу
Моих воспоминаний светлый сад,

Что красовался пестрыми цветами,
В лучах мечты, как при закатном солнце.
И вновь встает воспоминанье детства,
Зовет меня: «Взгляни еще хоть раз!»

Мы во дворе разрушенного замка
Сошлись на вече важно и степенно,
Все гладкие, кудрявые головки.
И возрастом не маленькие: если б
Сложить все годы — вышло бы столетье.
Мы собрались все вместе, все двенадцать.
Мы были осмотрительны и знали,
Что мы живем в небезопасный век:
И у ворот поставили мы стражу,
Чтоб, если кто придет, предупреждала.
Совет держали мы. Союз наш тайный
Закладывали мы, куда совсем
Не получили доступа большие.
Торжественно мы дали обещанье,
Что до конца хранить мы будем тайну.

Какую ж цель себе союз поставил?
Какую цель? «Большим» не обойтись бы,
Наверно, без нее; у нас, однако,
Той цели не было, была отвага,
Решительность, а может героизм, —
И с нас довольно было. Вместе с нами
Была и маленькая Жанна д'Арк:
Вся тоненькая, беленькая, голос
Звенел звоночком, а ее глазенки
Зарницы голубые рассыпали,
И золотые кудри развевались,
Как орифламма. Мы ее считали
Оратором необычайной силы.
Она сидела в замковой бойнице,
Как будто в нише, и вокруг нее
Весеннего так много было неба
В той раме каменной; венцом лучей
Ее головку золотило солнце.
Она держала речь, и в ней так много
Больших по смыслу, важных слов звучало:

Свобода, братство, равенство, наш край...
Вот так все это было. Дальше речь
Сменил напев, и сразу все собранье
Его единодушно подхватило.
А песни были «красные» такие,
Каких еще не слышал старый замок
И в дни, когда кровь красная ему
Не раз окрасила седые стены.
«Каленые ножи» в тех песнях были,
А в сердце у певцов была любовь
Ко всем «большим», что малыми считались
На жизненном пиру. Напев летел
За стены за зубчатые, катился
Зелеными лугами, прямо к речке,
Как будто плыть хотел он по теченью
К тем бедным селам, что вдали виднелись...

От стен высоких замка тень с зубцами,
Все удлиняясь, двор собой накрыла,
В бойнице небо стало темносиним,
Не стало и веночка золотого
На голове малютки Жанны д'Арк.
А мы всё пели... Вдруг нам наша стража
Знак подала: «Домой спешите, гуси.
Волк за горой!» И все затихло мигом:
«Большие» шли!.. А мы, к стене прижавшись,
Смотрели, как нескладные фигуры,
Шатаючись и пишучи «мыслете»,
Блуждали долго во дворе у замка, —
«Большие» расходились из гостей.
Ой, видно, долог был и труден путь,
Что во дворе они заночевали...

И тайный сход наш разошелся тайно;
Шагали ножки маленькие тихо
В вечерней тьме; никто не отзывался,
Сжимали руки на прощанье молча
И за стеной все порознь разошлись...

Где вы, мои товарищи былые?
Мы разошлись, как по лесу тропинки.
И разве не припомнится вам замок,
Все наши речи, песни, наша тайна?
Иль, может, вам, «большим» и мудрым людям,
Теперь уже не до ребячьих грез?

[*Буркут*], *10.VIII.1901*

* * *

Вечно терновый венец
будет царской короны прекрасней;
Вечно путь на Голгофу
торжественней гордых триумфов;
Было так искони,
и навеки останется это,
Люди покуда живут
и покуда терновник взрастает.

Но тогда лишь терновый венок
в венец превратится,
Если вольный душой человек
сам украсится терном,
Гордо, решительно скинув
с себя украшенья цветные,
Высшей пленен красотою —
не той, что кричит на базарах:
«Здесь я, добрые люди;
ко мне; я доступна любому!»

Путь на Голгофу тогда величав,
если знает идущий,
Что́ он избрал и зачем
и не жаждет иного триумфа,
Высшим величьем плененный, —
не тем, что с престола взывает:
«Милостью божьей я царь,
ибо — гляньте — сижу на престоле!»

Кто ж без отваги охотно
тернам дает себя ранить,
Сил не имея вдосталь,
чтоб защититься от тернов, —
Господи, кровь пожалей,
что колючие терны напоит:
Лучше б она на лице
заиграла мягким румянцем,
Радуя чьи-нибудь взоры
в праздничный день беспечальный!

Зов Прометея сотни веков
отзывается в мире;
Он заглушает раскаты
мощных громов олимпийских.
Тысячи тронов поникли
в прах, человечьих и божьих,
Но титанов утес возносится
вечной твердыней
Духа того, что, летя
ураганом немолчным,
Искорку, взятую с неба,
в могучий огонь раздувает.

Слаще звучат под тем
ураганом старые струны,
Чем в умелых руках,
сребростру́нные, в золоте, арфы,
Льстивый свой дифирамб
возносящие стройно и ладно.
Было так искони,
и навеки останется это,
Люди покуда живут
и покуда струны рокочут.

Но на струнах повторить
этот зов Прометея умеют
Руки того лишь, кто в сердце
таит небесную искру,
От Прометея свой род ведет
и наследие предков

Чтит, красоту понимая другую —
не ту, что на рынках
Руки к бубнам влечет,
а ноги в нелепую пляску.

Внук Прометея, кому наилучшие
струны доступны,
До крови руки сотрет
о грубые струны воловьи,
Стоном сердца дополнит
тех струн недопетые скорби;
Цену музыке зная,
и музыкантам, и струнам,
Чистого золота песнь
не продаст он за арфу златую.

30.XI.1900

РИТМЫ

1

Вы, слова мои громкие, где вы теперь,
Что без вас мне немая печаль?
Разбежались вы звонкой весенней водой
По оврагам, по рощам, по балкам.
Что не встанете вы, как морские валы,
И отважно не крикнете в небо,
Не заглушите грусти прибоем своим,
Не развеете горькой печали моей
Сильным, яростным натиском бури?
Я не затем, слова, растила вас
И кровью сердца своего поила,
Чтоб вы лились, как вялая отрава,
И разъедали души, словно ржа.
Лучом прозрачным, буйными волнами,
Звездой летучей, искрой быстролетной,
Сияньем молний, острыми мечами
Хотела б я вас вырастить, слова!
Чтоб эхо вы в горах будили, а не стоны,
Чтоб резали — не отравляли сердца,
Чтоб песней были вы, а не стенаньем.
Сражайте, режьте, даже убивайте,
Не будьте только дождиком осенним.
Сжигать, гореть должны вы, а не тлеть!

26.VIII.1900

2

Иль молниями только им носиться,
Словам моим, что родились в печали?
А почему бы не взлететь им к небу
Серебряною жаворонка песней?
И не рассыпаться, дрожа, над черной пашней,
Как звонкий дождь, просвеченный лучами?
Зачем не закружиться хороводом,
Как будто листья, что срывает буря,
Как будто вьюжные алмазные снежинки?
Иль только тем ясней звезда сияет,
Чем ночи тьма вокруг нее чернее?
Иль только в сказке из людей убитых
Калина вырастает и чарует
Сердца живых чудесною свирелью?
Иль только в сказке лебедь умирает
Не с криком смертным, а с прекрасной песней? . .

26.VIII.1900

3

Когда бы солнца ясные лучи
Могли бы чудом в струны превратиться,
Я сделала бы золотую арфу;
И все в ней было б светлым — струны, звуки;
Любая песня, что на прочих струнах
Звенит, как голос непогожей ночи,
Звенела бы на золотистой арфе
Той песней, что звучит лишь только в снах
Детей счастливых. Грусть бы улетела
От звуков тех и уплыла бы вдаль,
Как солнцем озаренные туманы,
Что издали, как золото, сияют
И кажутся не тучей, а мечтою,
И, слитые в гармонию печали,
Запели бы, как хоры в эмпиреях. . .

14.IX.1900

4

Adagio pensieroso[1]

Уплыть бы мне хотелось по теченью
Офелией, украшенной цветами.
Мои бы песни плыли вслед за мной,
Как и вода спокойная, качаясь,
Все дальше, дальше...
Легкими волнами
Меня б вода укрыла понемногу
И как ребенка бы запеленала,
Качала бы, как нежное мечтанье,
Так тихо, тихо...
Я ж, совсем покорна,
Дала б нести себя и убаюкать,
Плыла бы с тихой, еле слышной песней
И опускалась в голубую воду
Все глубже, глубже...
А потом остался б
Лишь только отзвук на волнах чуть слышный
Моих напевов, как воспоминанье
Баллады старой и давно забытой,
Как смутный сон, печальный и кровавый.
Да как припомнить? Песня та звучала
Давно, давно...
Потом и звук исчез бы,
И на воде бы колыхались только
Мои цветы, что не пошли со мною
На дно реки. Они бы плыли дальше,
Пока в залив спокойный не прибились,
У лилий белых водяных не встали б.
Склонились бы над сонною водою
Плакучие березовые ветви,
И там в затишье ветер бы не веял;
На лилии спускался б только с неба
И на цветы, что я рвала в безумье,
Покой, покой...

3.XII.1900

---

[1] Медленно, задумчиво *(итал.,* музыкальный термин).

5

Presto appassionato[1]

...Нет! Я покорить ее, видно, не в силах,
Безумную песню, что встала из грусти,
Ни маски надеть на нее не умею,
Ни светлой одеждой ее приукрасить, —
Бьет черным крылом, словно хищная птица,
И ранит, как только хочу я насильно
Ее укротить. Эй, безумная песня!
В кого удалась ты такой непокорной?
Смотри, я смеюсь, когда сердце рыдает,
И взгляд мой и голос мне стали покорны,
И я так спокойна. А ты? — словно ветер,
Безудержна ты. И тебе все равно,
Что, встретив, раздуешь огонь до пожара,
Что волны, столкнувши, разгонишь до бури,
Что темные тучи запутаешь в хаос,
Что домик убогий, приют мой последний,
Тяжелой лавиною в бездну ты свергнешь.
Тебе все равно! Тот пускай и поплачет,
Кто искру опасную бросил в дороге,
Кто челн ненадежной доверил воде,
Кто темною полночью вышел в дорогу,
Кто домик убогий, приют свой последний,
Поставил высоко, у края обрыва.
Ты стала крылатой — должна ты лететь!

Да, песня, песня вольная! Не знаю,
На счастье иль на горе эта воля,
Но я еще оков ей не сковала;
Не знаю я, где взять для них железа
И на каком огне они куются.
Да, верно, уж ковать иль не ковать их
Придет пора — и сами распадутся.

---

[1] Быстро, страстно *(итал.,* музыкальный термин).

И встрепенется песня на свободе,
И вырвется из плена, как рыданье,
Что долго, приглушенное, таилось
В темнице сердца.
Не просите смеха
Вы все, кому от этой песни грустно,
Вы утешенья не найдете в ней,
Рожденной от отчаянья и скорби.
За горе скрытое она отмщенья хочет
Огнем, отравою, тоски мечом разящим.
Коль страшно вам — идите прочь с дороги!
Пускай промчится песня одиноко,
Как через море ледяное вихрь.
Не надо ей ни слез и ни сочувствий,
Ей надо лишь свободы и простора.
Безумный так свободу добывает,
Чтоб до конца стремиться в неизвестность...
Летит в безумье песня — берегитесь!
Скорбь жалости не знает, как и смерть!

1.II.1901

6

Когда б вся кровь моя вот так же уплыла,
Как и слова! Когда бы жизнь моя
Исчезла так же вдруг, как исчезает
Вечерний свет!.. И кто меня поставил
На страже посреди руин и грусти?
Кто обязал меня, чтоб на земле я
Будила мертвых, тешила живых
Калейдоскопом радостей и горя?
Кто гордость мне вложил вот в это сердце?
Кто даровал отваги меч двуострый?
Кто взять велел святую орифламму
Мечтаний, песен, непокорных дум?
Кто приказал мне: не бросай оружья,
Не отступай, не падай, не томись?
Зачем должна я слушаться приказа?
Зачем уйти не смею с поля чести
Иль, наконец, упасть на меч свой грудью?

И что мне не дает промолвить просто:
«Да, ты, судьба, сильней, — я покоряюсь».
Зачем при мысли о таких словах
Сжимаю я незримое оружье,
А в сердце зреют кличи боевые? . .

Кимполунг, 6.VI. 1901

7

Как тяжело идти мне той дорогой
Широкой, битой, пылью сплошь покрытой,
Где люди мне напоминают стадо,
Где нет цветов, где не растет бурьян!
Зовет и манит издали вершина,
Что так пылает золотым пожаром!
Там, на высотах, непреодолимо
Я жажду знамя красное поставить,
Где сам орел гнезда не смеет свить!

Меня влечет горячее желанье
Пойти туда песками и кустами
И там послушать горной чащи гомон,
И заглянуть в таинственную бездну,
И с быстрыми потоками поспорить,
И между льдов пробиться самоцветных,
И эхо песней разбудить в горах!
Проводником пускай мне служит знамя,
Пускай поддержит на дороге скользкой,
Пока меня не выведет к вершине,
Преодолев свирепый горный ветер.

Когда ж меня на полдороге встретит
Лавина тяжкая, судьбой обрушась
На голову мою, — я упаду,
Как на постель, на белый снег нагорный.
Пусть обо мне колокола не плачут,
Пускай поет лишь вольный, звонкий ветер,

Пускай метель веселая кружится
И звезды снежные вокруг роятся
И поцелуями холодными закроют
Мне пылкие доверчивые очи...

[*Буркут*], *16.VIII.1901*

8

Зачем я не могу взлететь к высотам,
Туда, к вершинам ясным, золотым,
Туда, где тучка под луной сияет?
Я видела, как тучка та рождалась,
Как из потока звонкого возникла
Туманом белым, чуть заметным паром,
Как поплыла неслышно над водою,
Глубокими оврагами, все выше,
И тихо поднялась, с трудом как будто,
И устремилась вверх. Она цеплялась
За зеленеющие гребни сосен
И за уступы оголенной кручи,
За шалаши пастушьи, там, на склонах,
Как человек, что, силы напрягая,
Взойти стремится на гору. И вышла,
И улыбнулась месяцу с вершины,
И так стояла девушкою светлой —
И засияла легкой и прозрачной,
Как ясная мечта. Кто в ней узнает
Ту влажную безрадостную тучу,
Что двигалась так тяжко по долине?..
Ой, горы, горы, золотые кручи!
И отчего я к вам так порываюсь?
И отчего люблю вас так печально?
Ужели мне не суждено подняться
На ваши заповедные высоты?
Когда мне мощных крыльев не дано,
Чтоб я могла туда взлететь орлицей,
Туда, на высочайшие вершины, —
То жажду я пролить потоки слез,
Горячих слез, безудержных, внезапных,

Что рвутся из глубин сокрытых сердца
Источником живительной воды.
Пускай из них душа моя восстанет
И с мукою тяжелой устремится
На ту вершину, что сияет вечно
И кажется глазам издалека
Такой же неприступной, как и горы,
К которым я взлетаю лишь мечтою.
Тогда, быть может, дух мой, словно тучка,
На высоте внезапно изменился б,
Нагорным, чистым светом озаренный.

Буркут. 4.VIII.1901

EIN LIED OHNE KLANG[1]

Когда б мои мысли немые,
Могли бы стать песней без слова,
Была бы безмолвная песня
Сильней разговора немого.

Когда б мои мысли немые
На звонкие струны упали,
То плачем зашлись бы те струны
Иль детским весельем взыграли.

Волною бурливого моря,
Сверкающей, темной, суровой,
Палящему солнцу родною
Была б моя песня без слова.

Большие прибрежные скалы
Срывает победное море;
Ужели победная песня
Не смоет тяжелого горя?

Зачем не волна моя песня?
Увы, все мечтанья напрасны...
И тяжкие мысли безгласны,
И руки сжимают друг друга.

5 II.1900

[1] Песня без слов *(нем.)*.

СВЯТАЯ НОЧЬ

Темной ночью собрались мы выйти гурьбой,
Так степенно, а вправду — без цели.
Нас не праздник манил в этот час за собой, —
Нет, мы просто на звезды глядели.

Тихо-тихо лежали просторы земли,
Лес и поле, уснувшие поздно.
И казалось, мы даже услышать могли,
Как летели падучие звезды.

Все беседы, что были добры или злы,
Там кончались — за звездными снами.
Перед вечностью неба мы были малы,
Все же небо склонялось над нами.

Ночь без тени, сиянье негаснущих звезд —
Было все и далеко и близко,
И сияли нам звезды за тысячи верст
И как будто спускались к нам низко.

И, над нами горя, за звездою звезда
Собирались короной лучистой...
Да и вправду мы были святыми тогда,
Этой ночью и звездной и чистой.

18.VII.1900

* * *

Как вы счастливы, чистые звезды,
Ваши речи — немое мерцанье;
Мне бы ваши лучи вместо слова —
Я бы век проводила в молчанье.

Как вы счастливы, зоркие звезды,
Все вам видно — живете высоко!
Если б я так высоко стояла —
Пусть была бы весь век одинока!

Как вы счастливы, гордые звезды!
Чистотою своею хрустальной:
Если б я была звездочкой в небе,
Я не знала бы доли печальной.

18.VII.1900

* * *

Талого снега платочки раскиданы...
Реденький дождик да неба свинец,
В робкой траве первоцветы чуть видные,
Это весна, это счастья венец!

Небо глубокое, солнце лучистое,
Пурпур и золото вялых ветвей,
Поздние розы, все в росах, душистые —
Осени вестники... Может, моей?

Что ж, не страшусь я прихода осеннего,
Радует душного лета конец;
Лишь не напомнили б часа весеннего
Реденький дождик да неба свинец.

11.VIII.1900

* * *

Бывало, обойду поля и горы
И моря гулкого неверные просторы, —
На сердце сумрак, не видать ни зги
В краю чужом; на горных склонах тени,
Туман в долине, море в смутной пене,
И кажется — вокруг и впрямь враги.

А сердце, закаленное в скитаньях,
В томленье на чужбине и в страданьях,
Бывало, горько плачет и грустит,
И, как дитя, что темноты боится,
Как бедный узник, запертый в темнице,
Все ждет, пока звезда не заблестит, —

Тогда стихает плач... И не пойму я,
Что тешит сердце? То, что золотую
Оно на небе крапинку нашло?
Что пользы сердцу в том далеком мире?
Быть может, он и сам угас в эфире,
Пока сюда сияние дошло...

Угас, как наши чаянья былые,
Как угасали мысли молодые,
Надежду разбудившие во мне...
Так что ж! Пускай прошедшее минуло,
Но сердце любит, если не уснуло,
Свет, без звезды горящий в вышине.

Кимполунг, 20.VI.1901

* * *

Гей, пойду в зеленые я горы,
Где шумит, как море, бор дремучий,
Понесу туда я свое горе,
Кину их в просторы с горной кручи.
Я свою кручину
На сосну закину,
В бор пущу свою тоску я —
Пусть найдет другую.

Кимполунг, 19.VI.1901

* * *

Хочешь знать ты, чем было оно,
То, чему было цвесть суждено,
Что таило незримые чары,
Золотилось, как отсвет пожара,
Что сияло, как чистый хрусталь,
Но безжалостным было, как сталь.
Хочешь ты в это близко всмотреться,
Разобраться во всем, наглядеться,

Из холста хочешь выдернуть нить
И основу его обнажить —
Вспомни: ткань, вся в цветах, как картина,
А под нею всего лишь холстина!..
Полно!.. Эта работа грустна,
До добра не доводит она.
Видишь, сосен зеленые косы
Нарядились в прозрачные росы,
Ты не спрашивай — может, роса
Многоцветная эта краса,
Может, солнышко вдруг подшутило:
На росинки дождинки сменило? !
Или, может, холодный туман
Разукрасил росою бурьян,
Или, может, сосна в том виною,
Что сверкает росою цветною.

Буркут, 10.VIII.1901

* * *

Туча, дождь, а радуга дугою.
Что же это, девушка, с тобою?
Пашешь горе, сеешь грусть-кручину...
Перестань! что толку, сиротина?

Те поля не рутой
Порастут густой,
А отравой лютой,
Горем да бедой.

Пусть тебя печаль бы окружала,
Знай свою пшеницу бы ты жала,
А в пшенице той мак с васильками
Меж колосьев пестрели-мелькали.

Заняла полоску —
Жни, не отставай,
А нагрянет туча —
Дела не бросай.

Буркут, 12 VIII.1901

* * *

Ой, как будто не печалюсь, все же я не рада,
Что-то смутно-неприютно, на сердце досада.

Я откину ту досаду прочь на бездорожье,
А она взошла, красуясь, словно мак над рожью;

А я мак тот посрываю да сплету веночек,
Кину красный тот веночек в быстрый ручеечек:

Плыви, плыви, мой веночек, до самого моря,
Если буря не утопит, не избуду горя.

Ой, не утопила буря красный тот веночек,
От него ж волна морская покраснела очень.

Горька вода в синем море, горько ее пить;
Как бы мне свою досаду в море утопить?

Буркут, 20.VIII.1901

* * *

Ой, пойду я в бор дремучий в сумерки, под вечер,
Разожгу костер, чтоб видно было всем далече.

Загорелась, запылала елка смолевая,
И горит моя досада, как хвоя сухая.

И огонь разбушевался, и досада вторит,
Рассыпает, словно звезды, искры на просторе.

Упадет, сверкая, искра звездочкой падучей,
Да как раз вонзится прямо в сердце, неминуче! . .

Ну, лежи, досада, в сердце, если так уж вышло,
Буду я тебя баюкать, колыхать чуть слышно.

И прижмешься ты к сердечку, как дитя родное,
В колыбели теплой сердца будешь век со мною.

От толчка горячей крови колыбель качнется,
Спи, дитя, и днем и ночью, пока сердце бьется! . .

Буркут, 20.VIII.1901

* * *

Говорят частенько: «Звезды
На земле всего прекрасней».
Думает ли кто при этом,
Что есть где-то звезды краше?
Поздней ночью, в сонных грезах,
Прочь от мира мы несемся,
Кто летит в провал бездонный,
Кто в заоблачные выси,
Кто извечный хаос видит,
Кто среди созвездий кружит.
Но едва лишь солнце встанет,
Все исчезнет: хаос, звезды,
Станет ровно, ясно, бело,
Словно в чистенькой тетрадке
Школьника, что всех прилежней.
Но живут на белом свете
Хмурые, чудны́е люди,
Видящие и при солнце
Звезды — звезд небесных краше
И мрачнее ада хаос.
Люди те не знают света, —
Как там ровно, ясно, бело.
Жизнь тех чудаков похожа
На отдельные страницы,
Где написаны поэмы
Сумасшедшего поэта.

18.VII.1900

* * *

Тебя, как плющ, держать в своих объятьях,
Укрыв от света, хочется порою;
Не собираюсь жизнь твою отнять я,
Как плющ руину, я тебя укрою.

Обняв ее, он жизнь ей возвращает,
Хранит от непогоды камень голый,
Но и руина тоже охраняет
Товарища, чтоб не упал он долу.

Им хорошо вдвоем, как нам с тобою,
Но час придет рассыпаться руине,
И плющ она укроет под собою...
Зачем он нужен здесь один, в долине?

Ужель затем, чтобы, томясь в разлуке,
Упасть измятым, раненым, без силы,
Иль к тополю прижаться в тяжкой муке
И для него страшнее быть могилы?

[*16.XI(?).1900*]

* * *

Скажи, мой любимый, куда мои слезы девались?
Иль, может быть, дождиком летним они разбежались?
А может быть, стали осенней туманною мглою
И тучей тяжелой, недвижной висят надо мною?

16.XI.1900

* * *

Я видела, как ты к земле склонялся,
Придавленный своим крестом тяжелым,
Ты говорил: «Как я устал... да, правда...
Я так устал.., Бороться? Для чего?
Я одинок и... нет, нет больше силы...»
Ты говорил так просто и спокойно,
Но что-то в голосе дрожало, как слеза,
Да пламенем сухим глаза светились —
Как и всегда... А я стояла рядом,
Ни за руку я взять тебя не смела,
Ни над челом твоим на миг склониться
И ни поднять тебя... Я лишь смотрела,
Как ты склонялся под своим крестом...
...И долго так я на тебя смотрела...
Потом, когда с тобой мы разлучились,
Тогда, мой друг, как только образ твой
Являлся мне бессонными ночами,
Все голос твой звучал: «Как я устал... да, правда...»
И я брала тогда листок бумаги белой,
И так хотелось мне собрать те слезы,
Что в голосе невидимо звучали.
Когда-то так же, говорит легенда,
Своим платком святая Вероника
Собрать хотела пот Христа и слезы,
А на платке не слезы и не пот —
В венце терновом лик запечатлелся
Того, кто пал, усталый, под крестом.

О, каждый раз, как я сбирала слезы
Твои, мой друг, на белый лист бумаги,
Я видела то чудо Вероники.
(Должна, любимый, в чудо верить я.)

18.XI.1900

* * *

Вы помните, однажды я сказала
Слова такие: «Если б знала я,
Когда умру, то я бы завещала,
Чтоб с музыкой (в ней жизнь была моя!)
Меня зарыли». Молвить не успела —
Все дружно на смех подняли меня:
«Еще бы ты, пожалуй, захотела,
Чтоб танцевали, близких хороня».
И разговор зашел о смерти снова.
К чему б, казалось, вспоминать о нем,
Но я его запомнила до слова,
Он что-то в сердце пробудил моем.
Моя душа не будет «со святыми»,
Мне «вечной памяти» не пропоют.
Чужда мне песнь с напевами такими
И колокольный похоронный гуд.
Уж если отпевать необходимо,
Пусть музыка поплачет, но без слов,
Пусть в ней звенит, как в песне лебединой,
Любовь, и смех, и плач былых годов.
А та толпа, что утром погорюет,
В вечернем танце веселится пусть.
Вам странно — после похорон... танцуют!
Но так всегда кончалась в жизни грусть.
Так что ж! Ведь я покой ваш не нарушу,
Уйду в бездонный мрак небытия.
Пусть смерть моя ничью не ранит душу,
Как сердце ранила мне жизнь моя.

[*30.XI.1900*]

* * *

Уста твердят: ушел он без возврата.
Нет, не покинул, — верит сердце свято.
Ты слышишь, как струна звенит и плачет?
Она звенит, дрожит слезой горячей
Здесь, в глубине, трепещет в лад со мною:
«Я здесь, я здесь всегда, всегда с тобою!»

И в песнях ли хочу избыть я муку,
Иль кто-нибудь сожмет мне нежно руку,
Иль задушевный разговор ведется,
Иль губ моих губами кто коснется —
Струна звенит, как эхо, надо мною:
«Я здесь, я здесь всегда, всегда с тобою!»

Спущусь ли я в таинственные бездны,
В мир образов знакомых иль безвестных,
Видений темных, призраков, кошмаров,
Томящих душу, наводящих чары,
Вновь голос твой, овеянный тоскою,
Звенит: «Я здесь всегда, всегда с тобою!»

Минутный сон смежит мне тихо вежды,
Уставшие от мыслей безнадежных, —
И сквозь тяжелый полог сновиденья
Я слышу голос милого виденья.
Звенит, овеян тайною тоскою:
«Я здесь, я здесь всегда, всегда с тобою!»

И каждый раз, как слышу голос вещий,
В глубинах сердца те цветы трепещут,
Что для тебя с любовью я растила,
Что взять с собой ты не хотел в могилу —
Они дрожат и вторят в лад со мною:
«Пусть нет тебя, но я всегда с тобою!»

Kimpolung, 7.VI.1901

* * *

«Цветов, цветов, как можно больше, больше,
И на лицо мое вуали белой
Той, что зовут иллюзией. . .» О боже!
Как часто эти слышу я слова
В ночной тиши: «Цветов, цветов побольше!
Я так любил их красоту!» О друг мой,
Я принесла цветы те, что дала
В твоем скупом краю весна скупая,
Все собрала и положила в гроб,
Всю бедную весну я схоронила.
Ты спишь в земле меж мертвыми цветами,
И страшно думать мне сейчас о них,
О сне твоем, я лучше вновь укрою
Вуалями иллюзии твой сон,
Чтоб не будить мистерий страшных смерти,
Ведь я наслушалась ее прелюдий,
Они всю кровь оледенили мне
И в мертвый камень тело превратили;
Я до сих пор сказать того не в силах,
О чем мне говорила песня смерти.
Нет, нет, мой друг, ты спи спокойно, спи,
И тайных слов пускай никто не знает.
Цветов просил ты? Дам тебе их больше,
Чем та весна суровая дала,
Что у меня отнять тебя посмела.
Я дам живых цветов и орошу их кровью,
Они заблещут ярко, как рубины,
Совсем не так, как бледные цветы
Той злой весны, они не будут вянуть
И в землю не пойдут, и не умрут.

Ты снова оживешь в венке живом
Живых цветов; иллюзии вуалью,
Моей мечтою я тебя украшу,
Но не закрою, и сиять ты будешь,
Как солнца ясный луч в мираже легком,
Что стелется по золотому полю.
И пусть тогда проходит год за годом,
Пусть век мой уплывает по теченью, —
Ты будешь красотою жить в цветах,
А я слезою в песнях жить останусь.

[*Кимполунг, 7.VI.1901*]

КАЛИНА

Казак умирает, а девушка плачет:
«Ты возьми меня в могилу, она горе спрячет!» —
«Ой, коли ты вправду верная подруга,
Будешь славною калиной на могиле друга
Упадут ли росы рано на покосы,
Не на гроб мой станут падать, а на твои косы...
Станет жгучим солнце, дунет знойный ветер —
Пусть костей моих не сушит, сушит твои ветви».—
«Разве тебе будет, милый, веселее,
Если я в моей печали ярко заалею?
Разве тебе будет, милый мой, отрадней,
Если в горьком моем горе буду я нарядней?
Станут ли милее гроб с могильной тьмою,
Если я зазеленею калиной немою?» —
«Ой, и мать не станет так тужить о сыне,
Как ты, моя калиночка, в девичьей кручине... »
Ой, еще над милым трава не взрастала,
А уж бедная подруга калиною стала.
И дивятся люди и малые дети,
Что вовек еще такого не было на свете.
«Чья это могила? — спрашивают люди, —
Что над нею цвет калины и мороз не студит,
Что на той калине и листья кудрявы,
А меж белыми цветами ягоды кровавы?»
Шумела калина над холмом родимым:
«Ой, что ж я стою немою над моим любимым?
Дерева не тронешь — слова не проронит.
А ножом его порежешь — запоет, застонет.
А кто ветвь срезает, на дудке играет —
Тот калиновой стрелою грудь себе пронзает».

20.VI [1901, Кимполунг]

* * *

Где же те струны, где голос могучий,
Где же крылатое слово,
Чтобы запеть про ненастное время,
Время заботы суровой?

Чтоб на просторную вырвались площадь
В камне схороненных стоны,
Чтоб передать человеческой речью
Песню кандального звона?

Ерусалим, ты обрел Еремию —
Злую оплакивать долю.
Так почему ж Еремии не знает
Наша убитая воля?

Дантова ада, на страх всем потомкам,
Вечное пламя пылает —
Муки мы терпим страшней, чем у Данта,
Данта же край наш не знает.

Молния, молния! Грома сестрица,
Где же удар твой могучий?
Если б хоть раз нам ударить громами,
Словно весенние тучи!

24.V.1902

Из цикла
«ОСЕННИЕ ПЕСНИ»

LADY L.W.[1]

Ты в слезах над цветами, как осень, умрешь,
Вся в огне, в багреце, в позолоте,
И предсмертную песню ты людям споешь —
Ветер стонет вот так на болоте,
Где лежит тусклым зеркалом грузно вода
В скользкой тине и ряске зеленой;
Только мертвый камыш прошуршит иногда,
Откликаясь на горькие стоны,
И замолкнет... и ветер потом замолчит, —
Грустный, с острой осокой столкнется...
Так пускай хоть теперь бодро песня звучит!
Может, кто на нее отзовется...
Может, счастье, что бродит вдали за рекой
По долине, лучами омытой,
Бросит красный цветок тебе доброй рукой,
Чтоб тебе послужил он защитой,
И тогда от него, пусть хотя бы на миг,
Вспыхнут золото, розы, багрянец,
И красой небывалой, чудесной твой лик
Осияет последний румянец.
И, как крик боевой, отзовется в словах
Безутешность напрасных стремлений,
И триумфом последним заблещет в глазах
Грусть любви, безнадежной, осенней.

---

[1] Леди Л. В. *(англ.)*

О, тогда не терзайся, что смело берешь,
Не смутясь, огневыми руками
Дар опасный такой. Ты, как осень, умрешь,
Разольешься над счастьем слезами...

27.VI.1902, Зеленый Гай

* * *

Ты не умрешь, ты только счастье спрячешь
Под белым саваном несбывшихся надежд,
Ты слезным хрусталем его оплачешь,
Рассыплешь искры из-под скорбных вежд;

И станет спать в гробу то счастье, словно
Царевна на горе из хрусталя,
А жизнь твоя, как нитка, долго, ровно
Потянется, тебя не веселя.

И будешь ты бессонными ночами
К могиле дорогой искать путей-дорог,
И слезы будешь лить усталыми очами,
Заблещет серебром от них снежок.

Когда ж, утомлена блужданьем одиноким,
На снеговую ляжешь ты постель,
Чтоб не подняться, — перед сном глубоким
Увидишь сон, невиданный досель:
Собрался рыцарь молодой в дорогу,
На гору ту, где крепко счастье спит,
В душе несет он веру и тревогу,
Пред ним пустыня, словно жар, горит.
Холодной искры блеск он мнит росою,
А белый снег ему, что лилий цвет,
Мороз трескучий — солнца жар весною,
Неясный горизонт — глаза манящий свет.

Идет он без дороги, целиною,
Твоих следов не хочет замечать,
И видишь ты, что он уж под горою,
Где привелось твоей царевне спать.

Он на горе единым поцелуем
И гроб разбил и счастье оживил,
И, радостью и нежностью волнуем,
Тем даром он царевну покорил.

Взял на руки и поднял, как ребенка,
И в замок свой любимую понес,
За ними шла весна и пела звонко,
И целый лес цветов за ними рос.

Цветут цветы, и золотистым дымом
И пламенем долина занялась,
Запело счастье над своим любимым,
И ни одна слеза не пролилась.

А ты лежишь, и кинутое тело
Объято сном и смертною тоской,
И та мечта о счастье отлетела,
Ушла в туман загадкою немой...

27.VI [*1902, Зеленый Гай*]

ОСЕНЬ

Рвется осень руками кровавыми
К солнцу милому, к солнцу далекому,
Кровь на пышных одеждах, пурпурная,
Бархат ей и парчу залила.

Осень так нарядилась для солнышка,
Как царица на праздник торжественный,
Все, что в мире есть самого лучшего,
Все себе для наряда взяла.

Только дни все короче, все сумрачней,
Глянет солнце — и в тучи укроется,
Горько сетует осень на солнышко,
Нет весенних надежд у нее.

Рвется осень. Незримые тернии
Ей изранили тело, измучили,
А она и сквозь боль улыбается:
«Солнце, солнце, взгляни, я смеюсь!»

Закатилося за горы солнышко,
С гор повеяло холодом, сыростью;
Тучи серые небо окутали,
«Я иду», — отозвалась зима.

Осень, сбросив одежды кровавые,
Наземь их уронила, рассыпала,
И стояла, ничем не прикрытая,
И стонала: «Я жду, приходи!»

[28.VI.]1902, Зеленый Гай

ПОСЛЕДНИЕ ЦВЕТЫ

Раскрываются красные розы,
Словно раны, в осенние дни,
И так жадно дрожат и пылают —
Жаждут счастья иль смерти они?

Не успеют осыпаться розы,
Утро жизни для них не придет,
Нет, ударит мороз до рассвета —
И живые порывы убьет.

Станут черными красные розы,
Будто в ранах запекшихся кровь,
Пусть же солнце, пока они живы,
На прощанье согреет их вновь.

[30 VI.]1902, Зеленый Гай

• • •

Осенний плач, глухой напев
В средине золотого лета
Родился в сердце, зазвенев...
Откуда это?

Откуда? Раз, когда легла
На землю осень спозаранку,
Не во-время я завела
Свою веснянку.

30.VI.1902 [*Зеленый Гай*]

НИОБЕЯ

Дети, дети мои, разве я вас навек потеряла?
За что же наказана я? За то, что так верила гордо
В детей моих милых, в волшебную их красоту
И в славный мой род? За то, что я дочь Прометея?
Что же, злая богиня, тобою убитые дети
Разве не были лучшими между потомков людей
и богов?
Ты убить их могла, красоты же их не запятнала,
И хоть горем измучила, все же я дочь Прометея,
И для себя милосердья просить у тебя я не буду!
Если бы ты и хотела теперь проявить милосердье,
Ты не могла бы, нет власти твоей надо мною.
Вот я стою, вся из мрамора в каменных тяжких
оковах,
Только очи мои льют потоки палящие слез.
Слез моих удержать ты не можешь. о злая богиня,
Ведь Прометеева гордость бессильна была против них.
. . .Дети, дети мои! Как живыми я вижу всех вас,
Ваши лица в слезах предо мною дрожат, как лучи. . .
Где ты, старшая, — в белой одежде, пышна, величава,
Ты казалась богиней, была на меня ты похожа.
Но никто б твоей матери нынче во мне не узнал.
В мраморе этом я стала совсем не такою,
Как была я тогда, когда рядом с тобою стояла.
Ныне сестричке твоей, голубке моей сердобольной,
Бедную мать увидав, горько заплакать пришлось бы,
К доченьке третьей моей она бы в объятья упала, —

Та ведь была рассудительной, смелой, настойчивой,
доброй,
Всех от беды защитить готова была своим сердцем,
И потому к ней ласкались мои все малютки,
Слезы свои ей несли, она ж им дарила улыбку.
Дети мои! Вы и в горе и в радостях все были вместе,
Словно пунцовые розы на кустике пышном,
А братья вокруг, словно ветки колючие розы,
Каждый из братьев готов был изранить того,
Кто бы обидел сестричек. Мой старший, мой первый,
Был словно кедр на вершине горы, он не гнулся
под ветром.
О, зачем же, за что ж так напрасно погибла та сила,
Что давала всем братьям отвагу в бою и решимость?
Тихо упал его брат кипарисом покорным и грустным,
Третий же, младший, как плющ, крепко обнял
руками его,
Самый же младший, как ясный огонь, огонек мой
любимый,
О, как он вспыхнул, сгорая! Отцовская кровь
отозвалась!
Он победителем был и в последнее жизни
мгновенье!..
Все полегли, как один, лишь оружье да диски
остались,
Вон они меж украшений дочерних, меж кукол
малюток,
Ныне уже бесполезные, может на то лишь потребны,
Чтоб вызывать из очей моих снова внезапные ливни.
Если б могли эти слезы в очах моих остановиться!..
Не остановятся, нет! Будут литься вот так бесконечно.
Если же землетрясенье иль бури порыв меня сбросит,
Камень о камень ударит, в мелкий песок разотрет,
Горные русла меня понесут тогда в море, рыдая,
И все волны морские века надо мной будут плакать.
Не умрет моя грусть, моя боль не исчезнет на свете...
...Ох, когда б хоть один, самый младший остался
со мною,
Мое милое дитятко, сердцу родная малютка!
Может быть, он так крепко прижался б своими
устами

К моей каменной груди, что в сердце бы жизнь
пробудилась,
И горячая кровь победила бы мрамор холодный,
И застывшие руки, что тянутся в тщетном призыве,
Обняли б снова его золотистое нежное тельце,
И уста мои бледные, оцепеневшие в горе,
Вновь бы могли целовать его глазки, как светлые
искры.
Лучше бы сердце разбилось и, как человек, умерла я,
Но не стояла бы страшным созданием, камнем
в печали:
Мертвая я и теперь, и одни только слезы живые...

30.VI.1902 [*Зеленый Гай*]

* * *

Острым блеском вдруг волны заискрились
После бури в прозрачную ночь,
Будто войско мечами булатными
Хочет снять вражьи головы прочь.

Блеск оружия, рокот раскатистый...
Будто встал возмущенный народ,
Будто сила народа могучая
Непреклонно на приступ идет.

Каждый меч — луч светила небесного, —
Вниз упав, снова блещет во мгле,
Каждый звук — отзвук силы бунтующей,
Изменяющей жизнь на земле.

Море, море, людское, народное,
Из чего ж ты оружье скуешь?
Что же будет, что встанет на пустоши,
Вместо мира, что ты разобьешь?..

8.XI.1902, San Remo

НА ЗЕММЕРИНГЕ

Темная тучка раскрасила кудри,
Стала гранатом огнистым,
Мчится туда, где вершина, белея,
Светит челом своим чистым.

Мчится она и кругом разливает
В небе багряное пламя,
Словно согреть ледяную вершину
Яркими хочет цветами.

Вот уж цветами снега запылали,
Вспыхнули сразу багрово,
В новые краски оделась вершина,
Как по волшебному слову.

Птицею тучка несется все выше...
Вот уж достигла вершины!
Так они в общем великом пожаре
Крепко слились воедино!

[16.XI.]1902, San Remo

ДЫМ

Дорогой в дальний итальянский край
В душе я повторяла непрестанно
Слова поэта вечные: «...И дым
Отечества нам сладок и приятен...»
Мне виделись далекие селенья:
Там с песней девушки идут с полей,
Хозяйки неусыпные хлопочут,
Встречая стадо или гурт овечий,
Хозяева, с работы возвращаясь,
Идут, не прибавляя шагу, чинно,
А все ж посматривают на дымок,
Что стелется над низенькой трубою,
И думают: «Ну, вот и ужин скоро...»
Мне виделись просторы луговые
Волынские: вдали чернеет лес
Зубчатою стеной, и на вершины
Туман беззвучным морем наплывает.
Эй! кто в лесу, кто в поле — берегитесь!
То катится к вам злая лихорадка!
Но парни, беззаботно распевая,
Ведут коней в ночное на дымок,
К тому костру, что разведен друзьями.
Тепло там, сухо, вьются роем искры.
Как пчелы золотые, пламя пляшет...
Там весело: смех, песни, разговоры.
«Пойдемте на дымок!»
И я смотрела
На села итальянские без дыма
(Огня не много для «поленты» нужно),

Смотрела на туманные «ризацца»,
Где малярия невидимкою летает,
Ни дыма не пугаясь, ни огня,
И в мыслях слово грустное «чужбина»
В такт перестукам поезда звенело.
...Туннель! И горьким облачком ко мне
В окно дымок ворвался, едкий дым —
Таков уж, видно, уголь итальянский, —
Так даже и в курной полесской хате
Дым не душил — невестины подружки
Как запоют — звенит, бывало, хата,
И не хрипели: даром, что в дыму
Их головы едва-едва виднелись.
Тот дым нам ел глаза, да все ж не так,
Должно быть потому, что был родной, древесный...
...«Sampierdarena!» [1] — Вот и слава богу!
Уж близко Генуя, а там и отдых,
Там будет море под веселым небом
И старый город — гордость и краса
Отважного и гордого народа...
«...Вот наша Генуя», — старик рукою
Показывает мне куда-то вдаль.
Смотрю я и не вижу — мгла покрыла.
Ужели мы под итальянским небом?
Так где ж оно, прославленное солнце?
«Скажите, господин, здесь часто с моря
Таким туманом тянет?» — я спросила.
«Туман? То не туман, а только дым.
Здесь так всегда. Да это и понятно.
Взгляните!» Я взглянула: точно мачты
У пристани огромной, там виднелись
Сквозь мглу седую заводские трубы.
Да сколько! Целый лес... «Богатство наше
Растет здесь», — важно господин ответил.
Но стены фабрик были непрозрачны,
А из окон богатство не светилось,
За ними что-то темное мелькало

---

[1] *Сампирдарена* — последняя станция перед Генуей. *(Прим. Леси Украинки.)*

Мне вспомнился иной приморский город —
Не итальянский, — и другой, и третий,
Они стоят над разными морями, —
И наконец еще один, над быстрой
Большой рекой, гремящей на порогах.
И рейнская скала, где днем и ночью
Глушат колеса рокот водопада...
Затем село, простор полей, курчавых
От свекловицы... А над этим всем
Лес тонких труб, высоких непомерно, —
Как сосны горные, без хвои только...
Мы въехали в предместье. Там стояли
Задымленные, черные домишки,
Суровые, глухие. Окна были
Золой покрыты, цепкою, как горе,
Которое не выгонишь из дома.
За окнами мелькали очертанья
Каких-то лиц невольничьих, бескровных,
А надо всем тот дым, тот легкий дым,
Что глаз не ест, как будто и не душит,
А только небо ясное скрывает
И у людей крадет сиянье солнца,
Пьет кровь усталых лиц и гасит взоры,
Белит все лица и чернит одежду,
И все цвета окрашивает серым.
Никто его не слышит, но всегда —
И день, и ночь, и каждую минуту —
Бесшумно и таинственно, но внятно
Он говорит: «Я здесь, я вечно здесь».
Тот итальянский дым проник мне в сердце,
И сердце больно сжалось, онемело
И уж не говорило мне: «чужбина».

21.I.1903, San Remo

* * *

В высоте так ярко блещут звезды,
Ни одна не прячется за тучи,
Будто хочет напоить сияньем
Небо, море, землю, мир надземный.
Но темнеет небо, словно бездна,
В хаосе невыразимом море,
А земля печалью вся одета,
Тайна покрывает мир надземный.
И звучат невидимые крылья
Вихря-великана, бьются, плещут,
Море плачет, и трепещет тьма...
Море плачет голосом могучим,
Волны-горы бьются и рыдают,
И вздымаются все выше, выше,
Будто им далеких звезд сиянья
Головами хочется коснуться.
Только белизна едва заблещет
На могучих головах, и сразу,
Будто злая сила их подкосит,
И полягут головы, и злобно
Море бросит волны в непроглядный,
В черный мрак... Не видно, только слышно,
Как они о землю разобьются...
А за ними новая фаланга
Гонится, чтоб устремиться к звездам...
Море плачет, и трепещет тьма...
Для чего тот грозный спор ведется?
Завтра снова встанет в небе солнце,
Озарит лучами горы-волны,

И не только волны — даже струи,
Даже самый маленький, белесый
Пены клок, оставшийся от бури.
Будет ли опять в волненье море,
Иль расстелется бескрайным плесом,
Полным беспредельного покоя?
Солнце все лучи ему подарит,
Отразит в нем небо щедрым светом,
Ночь пройдет, как прежде проходила,
Ведь недаром так трепещет тьма...
Что же море грозно так рыдает?
Разве мало в море волн могучих?
Разве те, что полегли, исчезли,
Были наилучшими волнами?
Столько им уже сияли звезды,
Столько их лучом ласкало солнце,
Столько разогнал их буйный ветер.
Почему не плакало так море
В час, когда те ласковые волны
Попусту растрачивали силы.
Омываючи песок бесплодный, —
Море только улыбалось солнцу,
И сиянье в нем не трепетало.
Почему ж теперь так среди ночи
Море плачет и трепещет тьма?
Почему так жалуется море?
Оттого ль, что волны не вернутся,
Хоть и лучшие придут на смену?
Оттого ль, что белизне чистейшей
Нужно мраку ночи покориться?
Что и завтра день опять погаснет,
Что и завтра ночь настанет снова, —
Оттого борьба вдвойне напрасна
И вдвойне печаль неотвратима?
Не затем ли ввысь так рвутся волны,
Чтобы хоть луча звезды коснуться,
Что не ждут они победы солнца?
Не о том ли так они рыдают,
Что лишь брызги водяные могут
Оставлять другим волнам в наследство?
Или жаль им красоты своей?

Тьма трепещет без конца, без края.
Кто же разгадает этот трепет?
То ли страх ее пронзает лоно
За ее недолгое господство?
Или это только злая зависть
Силе моря, жизни и движенью?
То ли это ненависть бушует
К этой белизне, к сиянью, к звездам?
То ли злая радость в ней играет
За свои все темные победы?
Так исканья тщетные проходят,
Словно эти сумрачные волны:
Блеск неверный дальнего сиянья
Упадет, мелькнет, и разобьются
Думы-волны на просторе темном...
Ночь темнеет, и яснеют звезды,
Море плачет, и трепещет тьма...

24.IV.1903, San Remo

ПЛЕННИК

(Средневековый мотив)

В итальянские владенья
Войско сильное вступило —
За французскими полками
Вслед ворвались кондотьеры.

Словно вороны, слетелись
На привычную добычу,
Чтобы труп осиротелый
Растерзать, напившись крови.

Где оружие бессильно,
Там ползет тайком измена,
Словно уж, повсюду вьется,
Меч собою заменяя.

Где не справится измена,
Там разврат венчает дело,
Что от недруга осталось —
То свои же доконают.

Горе тем, кто в бой неравный
Здесь кидается на гибель,
Горше тем, кто здесь от яда
Погибает, обесславлен.

Но всего на свете хуже
Тем, кто здесь в плену томится,
Как несчастный этот рыцарь
Габриель ди Кастельнеро.

Сам Баяр, отважный рыцарь,
Взял его на поле битвы
В плен, и вот сидит несчастный
В шумном лагере французском.

Не закован он в оковы,
Он не заперт в крепкой башне,
Не следит за пленным стража,
Окружив шатер Баяра.

Сдался он на слово чести,
Побежден в бою неравном,
А Баяр чистосердечный
Верит рыцарскому слову:

Шпагу пленному вернул он,
Дал коня, оруженосца,
И считать велел он гостем
Молодого итальянца.

И «гостит» тут против воли
Габриель ди Кастельнеро,
Ждет, томясь, покуда пленных
Обменяют друг на друга.

Из шатра глядит тоскливо
На далекую окрестность —
Край веселый итальянский
И в беде красой блистает.

В темных листьях померанцы
Светят золотом червонным,
А кудрявые оливы
Серебрятся по долинам.

Горы вырезались в небе
Чистым солнечным узором.
Что, однако, там белеет
На пригорке темносинем?

Или снег там залегает,
Или тучи притаились,
Иль цветут каштаны в роще,
Иль поток играет горный?

Нет, не снег там и не тучи,
Не каштаны, не потоки, —
То пожарища дымятся,
Села жгут враги-французы...

Габриель ди Кастельнеро
Стиснул шпагу золотую.
«Эй, коня!» — слуге он крикнул.
«Конь оседлан, ваша милость!»

Речь французскую услышав,
Бедный рыцарь итальянский
Опустил клинок и тихо
«Прочь!» — сказал оруженосцу.

И закрыл глаза рукою,
И пред ним померкло небо,
И закрылось солнце тьмою,
Как в темницах венецейских.

Вот когда почуял зависть
Габриель ди Кастельнеро
К тем несчастным, что томились
В венецейских подземельях.

Ибо им не полагалось
Ни коня, ни слуг, ни шпаги,
Никаких «уставов» чести,
Только стены да оковы!

San Remo, 1903

* * *

Случилось это в дни священной Германдады:
Монахи грешника схватили раз
И привели пред очи Торквемады
На инквизицию. И так гласит рассказ:
Сначала мученик молчал, и только слезы
Текли из отуманенных очей.
Бессильны были все и пытки и угрозы.
Вдруг грешник простонал — и пытки стали злей.
Раз вскрикнул он. «Покается, быть может, —
Сказал палач — великий сердцевед, —
Железо и огонь вмиг беса уничтожат
И брат душой обрящет вечный свет.
Усильте пытки!» — Взмыл огонь к лицу мгновенно.
Для нестерпимых мук не знает слов язык.
От ужаса, казалось, рухнут стены.
Молились палачи, чтоб умер еретик.
Но он не умер. И свершилось диво:
Вдруг улыбнулись бледные уста,
В глазах угасших свет блеснул счастливый,
И молвил мученик: «Молю, ради Христа,
Прибавьте мне огня! Огонь — моя отрада...
Огня мне, палачи! Он мне один лишь мил!» —
«Сжечь грешника! — изрек сурово Торквемада. —
Надежды больше нет. Диавол победил!»

[1903]

* * *

Я знала: будут слезы, и мученья,
И труд, порою даже незаметный,
И утомительный, и часто, очень часто
Напрасный труд. Я никакой награды
За все это не жду, а еле-еле
От собственных упреков защищаюсь
И еле сдерживаю укоризны сердца
За то, что виновата без вины.
И если счастье, как цветок, порою
Вдруг в сумраке нежданно расцветает,
Его не как награду принимаю,
Как дар, как чудо, как нежданный рай,
Открытый на минуту лаской неба,
Как дивный папоротника цветок.
А после снова наплывает сумрак,
Я думаю: я знала это, знала,
Молчи, душа, уймитесь, стоны сердца,
Так быть *должно*...
Придет, быть может, скоро
Тот горький час, когда в слезах увижу,
Что я навек увяла понапрасну
И счастья цвет раз навсегда увянул,
Как будто папоротника цветок.
Заплачу я кровавыми слезами, —
Так плакали изгнанники из рая, —
Но и тогда скажу: я знала это, знала,
Молчи, душа, уймитесь, стоны сердца,
Так быть *должно*...
И если бы не сумрак,
А тьма суровая была кругом,

Не сдамся я, прислушиваться буду —
Звучит ли давний гром в душе моей,
И гляну в сердце с думою тревожной, —
В нем полыхают ли еще порою
Былые молнии, а если нет,
Тогда зима остудит мое сердце
И победит мою весну живую,
И обожжет мороз мои цветы,
Скажу: я этого не ожидала!
Умри, душа! Как лед, разбейся, сердце!
Так жить нельзя!
И мне себя не жаль,
Лишь только для меня ты не увял бы,
Цветок небесный мой, звезда в лазури,
Ты, что в ночах светила непроглядных
Печальной, горькой юности моей,
Что сквозь туманы, бури, море злое
Вела меня путем, залитым светом.
Переживи меня! В холодном тихом море
Небытия и тьмы не испугаюсь
По волнам золотым, залитым светом,
Вдаль уплывать. Краса моя! С тобою
Ничто не страшно, без тебя же всё:
Жизнь, и работа, и любви волненье —
Страшны мне без тебя, звезда моя,
Когда погаснешь...

Тифлис, 3 II 1904

ДОЧЬ ИЕФАЯ

Ты отпусти меня, отец мой, в горы,
Где ряст весенний золотом пылает,
Где осыпает ветер цвет миндальный, —
Пусть розовым дождем меня обрызжет,
Оплачет цветом молодость мою.

Ведь говорят, что с гор весь край наш виден, —
Пусть я в последний раз увижу больше,
Чем видела за весь свой век короткий.
Пусть к солнцу ясному я стану ближе,
Скажу ему: «Веселое, прощай!»

Всех соберу подруг я, всех любимых,
Вовек еще я так их не любила,
Как вот теперь, в последний час предсмертный.
Мы не слезами — песнями своими
Веселое девичество помянем.

Я все мечты отдам цветам весенним,
А ветру — всю девическую волю:
Пущу по свету с песнями все думы,
Как лепестки осыплются желанья.
Ты отпусти меня, отец мой, в горы.

Пускай земля сырая мной владеет, —
Отдай меня тому, кому обрек, —
А песни те, что запою в горах,
Оставлю ветру, солнцу и весне:
Кровь канет в землю, песня ж вдаль умчится...

Не бойся ты, что не приду обратно,
Что уж не в силах буду я покинуть
Весеннюю и радостную жизнь.

Нет! С гор приду я тихой и покорной,
На камень жертвенный цветком поникну,
Ведь знаю я, хотя б сто лет жила,
Такой бы я уж песни не запела,
Такой бы жизни больше я не знала,
Как в час прощанья на горе высокой.

Так подари мне этот час, отец,
Коль хочешь, чтобы дочь твоя отважно
Пошла на преждевременную муку,
Очей в слезах к горам не обращала
И с солнцем не прощалась бы, рыдая,
Тебя, людей и бога не кляла!

Ты отпусти меня, отец мой, в горы!

Тифлис, 4.II. 1904

• • •

Люди боятся ночного кладбища,
Страшных легенд, привидений немых,
Даже и днем катафалки, рыданья,
Ризы и ладан ужасны для них.
Этого я не боюсь, лишь печально
Брошу порой на процессию взгляд;
Милые тени меня провожают,
Если иду я с кладбища назад...

Я не боюсь их, я с горечью руки
Не устаю к ним всегда простирать.
О, если б милых из мира разлуки
Было возможно к нам вызвать опять!
Память живая к нам речь обращает,
Тяжко молчанье могилы немой, —
И погребенные в ней не откроют
Тайны ужасной своей гробовой.

Я не боюсь — молчалива могила,
Ненарушим ее сон и угрюм.
Вас лишь боюсь я, живые могилы
Общей любви нашей, замыслов, дум!

Вас лишь боюсь я — друзей изменивших!
И не враждебных речей или фраз, —
Я не боюсь ни угроз, ни упреков,
Нет, я боюсь ваших ласковых глаз,

Страшен мне голос ваш вкрадчиво-нежный,
Жест благородный и дружеский лик, —
Все, что в душе вашей тайно сокрыто,
Тут же по ним прочитаю я вмиг.
Сразу увижу померкшие мысли,
Тени надежд и былую любовь,
Мертвой души вашей призрак увижу,
В жилах моих заморозит он кровь.

Мертвой душе не нарушить молчанья,
Голос раздастся могилы живой...
Нет, не боюсь я ночного кладбища —
Слов их боюсь и дневною порой!

15.VIII.1904

* * *

Всюду, куда я ни гляну, сухие туманы,
Как кисеею закрыты леса и поляны,
Белое марево виснет внизу над рекой,
Всюду горячая дымка, и ветер, и зной.

Не веселит — ослепляет лучей этих пламень,
Ветер гудит, и удушье гнетет, словно камень.
Так и в разлуке с тобою любовь неизбывна моя,
Буйствует, светит, печалит и не дает мне житья.

15.VIII [*1904*], *Зеленый Гай*

НАДПИСЬ В РУИНЕ

«Я, царь царей, я, солнца сын могучий,
Гробницу эту выстроил себе,
Чтоб прославляли многие народы,
Чтоб помнили во всех веках грядущих,
Чтоб знали имя. . .» Дальше сбита надпись,
И даже самый мудрый из потомков
То имя царское прочесть не может.
Кто сбил ее — завистливый властитель
Иль просто время мощною рукою.
Никто не знает. Росписью узорной
Под нею слов начертано немало
Про славу безыменного владыки,
И царские показаны деянья:
Вот царь сидит высоко на престоле,
Народы с драгоценными дарами
Идут покорно, головы склоняя.
А он сидит, как истукан из камня,
Над ним цветные перья опахал.
Лицо его похоже на Тутмеса,
И на Рамзеса, и на всех тиранов.
Вот ухватил он за волосы сразу,
Одной рукою, несколько повстанцев,
И меч кривой над ними он занес.
Лицо его похоже на Тарака,
На Менефта, как и на всех тиранов.
С лицом все тем же львов он убивает,
Левиафанов ловит, птиц он бьет,
Полями едет по телам убитых,
И веселится по своим гаремам,

И подданных на битву посылает,
И мучит он работой свой народ,
Той страшною египетской работой,
Что имя царское должна прославить.

Народ идет, как волны в океане,
Без краю, без числа, на поле битвы,
Коням тирана стелется под ноги,
А кто в живых из тех людей остался,
Тот гибнет на египетской работе.
Царь хочет для себя на их могилах
Построить памятник — да сгинет раб!
И раб копает землю, тешет камень,
Кирпич для стройки делает из глины,
Возводит стены, статуи большие,
Сам на себе, запрягшись, возит, строит
И создает великое навеки,
Прекрасное творит неповторимо —
Резьбу, картины, статуи, узоры.
И каждая колонна и рисунок,
Резьба и статуя, и даже камень
Незримыми устами произносят:
«Меня творил египетский народ».
Давно в могиле царь с лицом тирана,
И от него осталась только надпись.
Певцы, ученые, мечтая, не старайтесь
Найти царя исчезнувшее имя:
Судьбою создан из его могилы
Народу памятник — да сгинет царь!

28.VIII. [1904, Зеленый Гай]

* * *

I

Когда мне очи милого сверкают,
В душе цветы, сияя, расцветают,
В душе цветы и звезды золотые,
Но на устах слова не те, другие,
Совсем, совсем не те, что снятся мне,
Когда в ночи лежу я в полусне.
Наверно, нет и языка такого,
В котором было бы такое слово.
Я плачу и смеюсь, дрожу и млею,
Но вслух тех слов промолвить не умею.

II

Как жаль, что не дано мне струн живых,
О, если бы уметь играть на них,
Могучую бы песню я играла,
Она бы собрала богатств немало,
Сокровища, что спят в душе на дне,
Сокровища, что не видны и мне,
Но сердцу дороги, неоценимы,
Как те слова, что непроизносимы.

III

Когда б я всеми красками владела,
Я их перемешала бы умело
И рисовала б ярким самоцветом,
Как солнца луч рисует жарким летом.
Договорили б опытные руки,
Чего договорить не могут звуки,
Ты видел бы горящий в сердце свет...
Ох, красок, струн и слов у сердца нет...
И то, что тайно в нем цветет весною,
Умрет, наверно, заодно со мною.

2.XI.1904, Тифлис

* * *

Не погибли золотые терны,
Только почернели.
Не засохли в чистом поле маки,
Только побледнели.

Приди, солнце, под мое оконце,
Свети, свети ясно,
Чтобы черные сверкали терны
Позолотой красной.

Загорись и ты, мое сердечко,
Запылай пожаром,
Коль ношу в тебе цветок кровавый,
То пускай недаром!

2.XI.1904

ПЕСНИ ПРО ВОЛЮ

I

Люди идут и знамена вздымают,
Словно огни. Словно дым, наплывают
Толпы густые. Колышется строй,
«Песни про волю» звенят над толпой.

«Смело, друзья!» Что ж так песня рыдает?
«Смело, друзья!» Как на смерть провожает.
Страшно, какой безнадежный напев,
Кто с ним на битву пойдет, осмелев?

Нет, не про волю та песнь! Про неволю
Плачет с какой-то неслыханной болью
Голос печальный, значение слов
Плач погребальный скрывает, суров.

«Смело, друзья!» Провожая на плаху,
Брату ль поют, чтоб не ведал он страху?
Плачут бессильно, рыдая над ним,
Будто его зарывают живым.

В страшное время мы жить начинали,
Шли мы на бой в предрассветные дали,
Нам эта песня твердила, звеня:
«Нет, не дождаться вам светлого дня!»

Что вам до этого? Вы молодые,
Ныне к лицу вам и песни иные.
С вашею волей живется вольней,
Рано вам петь панихиду по ней.

Пусть расцветает она величава!
Что вам далась эта песня-отрава?
С этою песней мириться нельзя,
Новую песню слагайте, друзья.

Так, чтоб она засияла лучами,
Так, чтобы ясное красное знамя,
Следом за нею взлетев в небеса,
Реяло гордо, творя чудеса.

1.VII.1905, Колодяжное

II

Откуда льется гимн Марселя?
Неужто славы день настал?
Неужто цепи отзвенели?
Ужель насильник с трона пал?

Где наше оружье?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Ведь это песня батальона,
Который в смертный шел поход,
Который под свои знамена
Скликал бестрепетный народ.

А наши где ружья?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Ужель разбиты казематы
В твердыне царской вековой?
Коль слышны звуки канонады —
Ужель последний грянул бой?

А где наши ружья?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Быть может, вражьи челядинцы
Спешат свободу обуздать?
Иль то решили украинцы
За волю дружно постоять?

Так где ж наши ружья?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Ужель средь вражеской оравы
Не реют больше бунчуки?
И пред царем свои булавы
Уже не клонят казаки?

Взгляните ж, где ружья?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

Нет, от Москвы и до Варшавы
Жупаны алые кругом, —
Казаки «добывают славы»
Нагайкой, саблей и штыком.

В кого ж из ружей
Прицелился строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

У нас же льется гимн Марселя,
Как будто славы день настал,
Как будто цепи отзвенели
И враг поверженный упал.

Где наше оружье?
Где воинский строй?
Чьей кровью обрызган
Наш путь боевой?

1.VII.1905, Колодяжное

III

«Нагаечка, нагаечка!» — поет иной подчас
И с присвистом и с топотом в лихой несется пляс.
А что же вас так радует, любезные друзья?
По чьй спине гуляла так «нагаечка твоя»?

Над нами ведь прошлась она, родимая земля,
Недаром мы запомнили «восьмое февраля».
Коль будем мы раздумывать о том веселом дне,
Нагайка прогуляется еще раз по спине.

Над собственным позорищем мы шутим иногда.
Неужто мы, друзья мои, без всякого стыда?
Знать, песня не родилася, чтоб волю воспевать,
Коль кое-кто, как бешеный, пустился танцевать.

Неужто, как невольники, мы, упершись в бока,
Под плетками плантатора ударим трепака?
Иль мы хотим, отдав себя на божью благодать,
Такою «карманьолою» тиранов испугать?

1 VII.1905, Колодяжное

* * *

Мечта, не предай! По тебе я так долго тужила,
Столько безрадостных дней, столько бессонных ночей...
А теперь на тебя всю надежду свою возложила.
О, не угасни ты, светоч бессонных очей!

Мечта, не предай! Ты лила свои чары так долго, —
Жадное сердце мое насыщено ими до дна.
Обольщенья пустые меня от тебя не отторгнут,
Мне ни горе, ни мука, ни смерть не страшна.

Ради тебя от других отреклась я мечтаний,
Уж не мечту, — ныне жизнь я свою отдаю.
Пробил час, и, пылая, душа поднимает восстанье,
Не сверну я с пути, на котором стою.

Жизнь за жизнь! Только так! Пусть мечта моя станет живою!
Слово оденется в плоть, если живое оно.
Кто моря переплыл и сжег корабли за собою, —
Обновленным вернуться тому суждено.

Раньше, мечта, ты парила орлом надо мною, —
Буду сама я летать, мне свои крылья отдай,
Я хочу пламенеть, я хочу жить твоею весною,
А придется погибнуть за это — пускай!

3.VIII 1905

* * *

На пиршествах кровавых опьянев,
Невольники-народы спали долго,
Томились в вековой своей темнице,
И были сны их дики и страшны.
Те сны носились стаей птиц зловещих,
Во тьме крылами громко ударяли,
Рождая страх в незрячих, сонных душах,
То вновь летали, как ночные совы,
Беззвучно, суживая круг за кругом,
К груди истомой тяжкой приникали,
К лицу бесформенным кошмаром липли
И кровь точили из незримых ран.
И вздрагивали узники-народы,
Стонали глухо, корчились от боли,
Метались, нанося себе увечья,
И ранили друг друга в забытьи,
От призрачных видений обезумев,
И, в черной мгле придя в себя на миг,
Тяжелые чуть раскрывали веки
И голосом, охрипшим от дремоты,
Во мраке спрашивали: «Скоро ль день?»
А темнота им отвечала смехом,
Раскрывши зев свой черный и беззубый,
И снова их давила тяжким сном.
Но и во сне их посещали грезы,
Как отблески далеких тех миров,
Что лишь сигналы света посылают
И учат нас поверить в свет без тени,
Без пятен... О предутренние грезы,

Как вы прекрасны! Разве есть весна,
Ковер цветов которой был бы равен
Волшебной вашей красоте? Скажите,
Какая радуга не побледнеет
В сравненье с вами? Разве молний всполох
Затмит сиянье ваших светлых крыл?
Возможно ли, чтоб зарева багрянец
Своею кровью затопил и залил
Пурпурное сиянье ваших мантий
И поглотил пожаром ваш огонь?
И чудилось невольникам-народам,
Что пробужденье к ним пришло весною,
И радостно они встречали утро,
И руки простирали вверх, и к небу
Свой взгляд полуослепший обращали.
Но тут подул холодный ветерок,
Разгоряченные овеял лица,
Омыл глаза холодною росою,
Глаза раскрылись, узники проснулись
И видят — свет в темнице их забрезжил,
Им ясно видны стены подземелья,
Его простор и теснота его,
Вся плесень, грязь и мерзость запустенья,
Вся страшная трагедия на лицах
Невольничьих... А где ж багрянец грез?
Как долго длился сон? Весна ли это?
Но где ж ее предутренние зори?
Откуда ждать нам здесь восхода солнца?
Дневной то свет иль сумрак белой ночи,
Той тьмы больной, той бледной темноты,
Что кажется на севере весною?..

7.VIII.1905

СКАЗКА
ПРО ОХА-ЧАРОДЕЯ

В тридевятом славном царстве
Жил когда-то царь Горох,
Ныне в этом государстве
Правит мудрый знатный Ох.

Он с вершок величиною,
В три аршина борода,
Он знаком со всей страною,
Знает, где и в чем беда.

Будь ты правый иль неправый,
Будь хорош ты или плох, —
Всех встречает он со славой,
Только стоит молвить: «Ох!»

На зеленом бугорочке
Раньше он встречал людей
И, усевшись в холодочке,
Рассуждал как чародей.

Но как начал спозаранку
Разный люд надоедать,
Вырыл Ох себе землянку,
Оха больше не видать.

Тот, кто это место знает,
Где трухлявый пень и мох, —
Встанет там и выкликает
Или тихо скажет: «Ох!»

Если даже ненароком
Это слово ты сказал —
Оговорка выйдет боком,
И навеки ты пропал!

Ибо сразу ты в болотце
Окунешься, чуть живой,
И оно опять сомкнется
Над твоею головой.

Под землей же там — палаты,
Где вельможный Ох сидит,
Пышны, светлы и богаты,
Всюду золото блестит.

Драгоценные каменья
Там, как звездочки, горят,
По углам цветут растенья,
Птицы в клетках там сидят.

Золотым привольно рыбам
Там в хрустальных поставцах,
Там медведи ходят дыбом
В рукавичках, в жупанах.

Там беднягу одурманит
Благовонье дивных трав,
Попугай его обманет,
По-людски залопотав.

Тут бессмысленные взоры
Рыбка в бедного вперит,
Там медведи-живодеры
Ходят, страшные на вид.

Эти под ноги суются,
Те хватают за плечо,
А попробуй шевельнуться —
Кровь польется горячо.

Потому что сквозь перчатки
Когти выставятся вдруг,
От крысиной этой хватки
Не уйти тебе, мой друг!

Если был ты простодушен
И попался, словно мышь, —
Так сиди же, будь послушен,
Горе, если закричишь!

Выйдет Ох: «Мое почтенье!
Хочешь ты у нас служить,
Или ты в одно мгновенье
Хочешь голову сложить?

Хочешь так иль хочешь этак», —
Скажет Ох, как старый друг,
Но смотри, чтоб напоследок
Не пришел тебе каюк.

Если скажешь: «Нет охоты
Мне за этот браться труд», —
То мгновенно от него ты
Оплеуху схватишь тут.

Встань, надень жупан парадный,
Рукавички натяни, —
Так, обласканный изрядно,
Ты свои окончишь дни.

Вечно будешь под землею
Жить, забыв про белый свет,
С милым солнцем и луною
Распростишься в цвете лет.

Шаг шагнул, глядишь — ворота
Крепко заперты ключом,
Вдалеке рыдает кто-то,
А неведомо о чем.

Пенье плачу отвечает,
Заглушает плач певца...
Может, пленница рыдает
Там и кличет молодца.

Перед ней сидит жар-птица
И поет, чтоб ей помочь,
Но грустна, грустна девица,
И тюрьма черна, как ночь.

Чтоб от смерти неминучей
Уберечь свою любовь,
Должен юноша могучий
Разрубить семьсот замков.

Если сказка надоела, —
Меч найдите кладенец,
По замкам ударьте смело —
Будет сказочке конец!

7.III.1906

ВЕСЕЛЫЙ ПАН

Скоро сил не хватит, право, —
Ошалели мужики!
Прут оравой, про расправу
Мелют нагло языки...
Ах, дадут ли хамы эти мне хоть час покоя?
Эй, пойдите, приведите музыку с собою!

Слышно, пухнут с голодухи —
Жаль, коль так, не утаю, —
Я б проверил мигом слухи,
Но сегодня бал даю...
Что? Пришла толпа голодных? — Хорошо, отстаньте!
Эй, цимбалы! Громче, звонче, музыканты, гряньте!

Что там? Бунт? Все страхи бросьте —
Уж казаки у двора...
Славьте, гости, в шумном тосте
Бал!.. Шампанского! Ур-ра!
О, уже дают им жару... Что за крики, стон чей?!
Эй, цимбалы! Жарьте, шпарьте, музыканты, звонче!

7.III.1906

ПРАКТИЧНЫЙ ПАН

С бунтовщиками я живу
В согласии отличном.
Казаков я не позову —
То было б непрактичным.

Когда припрется голытьба
Зерно хватать без счета,
Я встречу радостно их: — Ба!
Сам растворю ворота.

Везите вы хоть на возах,
И я помочь вам жажду, —
И лишь на собственных весах
Мешочек взвешу каждый.

Ну что ж, товар как раз по вас —
Мои вы «продуценты»!
И вы сполна мне — будет час —
Заплатите проценты.

Сам получать их не пойду, —
То лишь к лицу сквалыгам.
Уж я себе таких найду,
Что их сдерут с вас мигом!

[*7.III.1906*]

ПАН ПОЛИТИК

Что ж сделаешь?! Сменило краснобайство
Век рыцарства... И не копьем — пером
Уж борются с Иваном да Петром...
Пишу статью «О кризисе хозяйства».

Я знаю сам, что я не Цицерон,
Но все-таки, коль захочу я очень, —
Любой словами будет заморочен...
Речь закачу я в «партии ворон».

Всяк проявляет хам свою натуру,
А нам молчать? Да это был бы срам!
Я поддержать готов хоть семь программ
И выдвинуть свою кандидатуру!

[7.III.1906]

ПАН НАРОДНИК

Вот послушайте, Иваныч, —
Вам же в пользу это:
Я мужицкую надумал
Издавать газету...

Вам в политике мудреной
Надобность какая? —
Только споры с ней да ссоры,
Трата сил пустая.

Пусть паны стремятся в Думу,
Сушат мозг напрасно —
Я ж хозяйские вопросы
Освещу вам ясно.

Научу вас урожаи
Увеличить вдвое.
Нет земли, вы говорите?
Это чушь, пустое!

Расскажу, какие в мире
У людей покосы...
Нет у вас и сенокоса?
В том ли суть вопроса?!

Расскажу, какие сеять
Для скотины травы...
Пастбища вам не хватает?
Э, неважно, право!

Научу вас, как лесную
Увеличить дачу...
Нет у вас уже и леса?
Эка незадача!

Ну, тогда я обучу вас,
Как сушить болото.
Как? Болота нету тоже?
Чертова забота!

Но послушайте, любезный, —
Вам же в пользу это!
Хоть сожгите, а купите
Вы мою газету.

[*7.III.1906*]

СКАЗОЧКА
ПРО КРАЙ ЦАРЯ ГОРОХА

Вы сказку слышали про край царя Гороха?
Известно ль, почему пришлось там людям плохо?
Курильщик искру сдул, а погасить не смог,
Возник такой пожар, что даже снег зажег.
И в ратуше пан войт на башню влез — оттуда
Советовал гасить соломой пламя всюду.
И тут советники к стогам метнулись вдруг —
Швырнули хлеб в огонь, бушующий вокруг.
Горели города, в огне исчезли села, —
И вся страна была багровой и веселой...
Потом нависла скорбь, как тяжкий мрак ночной,
Где рыцарь, пахарь где? И где мастеровой?
А кто остался жив — тот чуть волочит ноги...
Тогда на род людской пошли стада безрогих!

7.III.1906

ЛЕГЕНДА

Случилось раз в стране далекой:
Певец больной и одинокий
Построил мысли на парад.
Они стояли, как пехота,
И тут певцу пришла охота
Привесить крылья всем подряд.

На мыслях крылышки повисли,
Летят, не слушаются мысли,
Ряды смешались... Что за вид!
Поднявшись в воздух, стая эта
Летит над домиком поэта —
На поле битвы, в мир летит.

Одна вздымается высоко,
Другая стелется глубоко,
А третья перышко несет;
Та славы ищет, как орлица,
Та чайкой на море стремится
Или кукушкою поет.

Спешит стремительная к солнцу,
Прижалась кроткая к оконцу,
Как ласточка на склоне дня;
Поет влюбленная влюбленной,
Как соловей неугомонный,
Слезами-песнями звеня.

Ловцы, заслышав песни эти,
Искусные соткали сети,
Силки, ловушки, западни.
В кустах расселись птицеловы,
Приманки хитрые готовы,
И птичкам нравятся они.

Случалось, что иной в ловушке
Раздавит голову пичужке,
Покуда вытащит из пут;
Зато, когда живой поймают,
В отдельной клеточке сажают,
Ярлык с названьем пристегнут.

Так, мыслей наловив немало,
Ловцы решили как попало
Для вида их принарядить:
Всех чернокрылых побелили,
Немного белых почернили,
Велели всех позолотить.

Чтоб ни одна не улетела,
Подстригли крылья им умело,
Теперь их вольностям конец!
Связали ножки им шнурками,
Сложили в ящики рядками,
Чтоб был подарку рад певец.

Певец в то время жил не в хате,
И не в гробу, и не в палате —
А в Вечной Славе обитал.
(Есть, говорят, страна такая —
Подобье сказочного рая.)
Там и гостей он принимал.

Случилось так, что в ту годину
Свою справлял он годовщину,
Покончив с жизненным трудом.
Приносят гости поздравленья
И молвят, вынув подношенья:
«Твоим добром — тебе ж челом!»

Пичужки тонко запищали
И позолотой забренчали...
Поэт собранию гостей
Промолвил, кланяясь учтиво:
«Где вы нашли такое диво?»
Он не узнал своих детей!

[*10.III.1906*]

* * *

Тихую дрему вечернюю
Дерзкая буря развеяла.
Космы седые взлохмативши,
Сивые брови насупивши,
Грозно из глаз исторгаючи
То пепелящие молнии,
То леденящие градины,
Бешено мчалась она.
И отшумела. Но все еще
Тяжкие слезы льет дерево,
Бережно их опускаючи
С ветви на влажную ветвь...
Грустно в осиновых зарослях
Тени блуждают унылые —
Тени от туч грозовых.
Лунным лучом перевитые,
Как кисеей погребальною,
Меж деревами шатаются,
Станы их белые, тонкие
В скорби немой обнимаючи;
Тихо осинки дрожат.
Страшно смотреть, как скитаются
Эти виденья бесплотные,
Слепо, шагами неверными,
Словно тела без души.
Движутся тени, объятые
Тою тоской беспредельною,
Что человека опутает,
Кровь заморозит навек.

Грустно в лесу успокоенном,
Душною ночью придавленном.
Не так перед бурею жутко,
Как после бури — тоска.

21.VI.1906, Зеленый Гай

* * *

Холодной ночью брошенный костер
Нашел однажды путник одинокий.
Вокруг чернел непроходимый бор,
При лунном свете полосой широкой
Зола белела. Хворост, щепки, сор
Торчали в ней, и кучкою убогой
Дрова лежали. Видно, кто-то здесь
Залил костер, но он сгорел не весь,

И путник осторожными руками
Потухший пепел начал шевелить.
Вот искорка мелькнула под ногами.
Он, раздувая, стал ее ловить,
Зола затлела звездами, но пламя
Не удалось дыханьем оживить,
И, потрудившись без толку, прохожий
Ушел ни с чем, унылый и продрогший.

Но искра не угасла под золой
И до рассвета, как живая рана,
Язвила мрак холодный и сырой,
И жар больной чуть тлел среди тумана.
Лишь на заре сквозь тонкий дым струей
Пробилось пламя, ярко и багряно.
Когда же солнце встало поутру —
Огонь, как зверь, свирепствовал в бору.

[*1906, приблизительно VI*]

* * *

За горой зарницы блещут,
А у нас темно и бедно.
Воды черные в затоне
Плещут неприметно.

В небе молния сверкает,
А у нас во мраке тонет,
В черный гроб вода глухая
Светлую хоронит.

Но сверкающему свету
Покорится мрак глубокий
В час, когда все небо вспыхнет
Бурей светлоокой.

В час, когда пронижет волны
Серебристыми мечами,
В час, когда на дно заглянет
Быстрыми очами.

И в ответ на это пламя
Свет в затоне разольется,
Если блеск высоких молний
В глубину прорвется.

28.VIII.1907, Балаклава

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

(Фантазия)

В ту ночь сидели мы у очага
Всем обществом, а было нас немало, —
Смотрели мы, как голубое пламя
Дрожало, умирая, и как быстро
Вились над углем золотые змейки
И исчезали вдруг, а черный уголь,
Старея, сединою покрывался.
И комната теснее становилась, —
То из углов давно уж вышла тьма,
Как будто мы в осаде очутились.
Последняя уж свечка догорела,
Уже не видно стало нам стола,
Не видно стало красных винных пятен,
И ни бокалов, ни пустых, ни битых,
И никаких остатков пира... Словно
Тот пир последним был на этом свете,
Так все о нем теперь мы загрустили.
Один из нас сказал: «Когда погаснет
Последний уголь, станет, как в могиле». —
«Пойди за топливом», — промолвил кто-то.
«Пойти? Куда же? Разве ты не слышишь,
Как вьюга разыгралась? Если хочешь
Лишиться жизни, то попробуй, выйди», —
Сказал тут мрачно первый и замолк.
«Ну что ж, мы посидим во тьме покуда, —
Тут самый молодой ответил бодро, —
Запасы пищи есть, питаться будем
На ощупь, а потом настанет день...» —
«День, говоришь? День? Ты откуда знаешь?» —
Все на него сердито закричали.

Но все ж не растерялся он нисколько:
«Известно всем, что ночь за днем бывает,
А день за ночью», — да и рассмеялся.
«Вот так сказал! — сердито молвил дед. —
Рад глупости своей, да и смеется.
«Известно всем!» Еще и то известно,
Что смерть, бывает, и в ночи приходит,
И до рассвета...» — «Ба! Коль умирать,
То днем ли, ночью ли — не все ль равно, —
Для мертвого черно и солнце в небе, —
Заспорил юноша неугомонный. —
Вы, дедушка, подумали бы лучше,
Как ночь длинна, такой же будет длинный
Полярный, вечный день!» — «Ничто не вечно!» —
Дед проворчал. Никто его не слушал, —
Ведь юноша в нас пробудил надежду,
Его расспрашивали, как пророка:
«Когда ж тот день? И долго ль будет ночь?» —
«Недолго, нет!» — «А ты откуда знаешь?» —
«Темней всего бывает на рассвете,
А тьмы такой еще ведь не бывало!»
И в голосе у юноши звучала
Победа. Кто-то молвил: «Правда, правда!»
А кто-то вслух припоминать тут начал,
Что эта ночь давно нас окружила.
Один сказал: «Неделю», кто-то: «Месяц!»
А кто-то: «Где там! Больше!» — «Нет, недавно!» —
Заспорил кто-то с ним. «Одно известно, —
Вновь проворчал на это дед угрюмо, —
Что дни и месяцы мы потеряли
В проклятой тьме, напрасно нам искать их.
Никто не знает о темнейшей ночи —
Последняя ли... Первая, быть может,
Из тех, что без просвета». — «Что вы, что вы,
Хотя б молчали. Правда, вы, как филин,
Вещаете беду...» И женский голос
Дрожал слезами, говоря об этом.
А детский голос золотистой стрелкой
Вдруг вырвался из уст — и тьма качнулась.
«А я уж вижу день». — «Когда?» — «Не знаю». -
«Какой же он?» — «Хороший! Очень славный!

Весь красный, золотой — ты знаешь, мама,
Какой еще, ведь ты мне говорила». —
«Нет, — равнодушно мать тогда сказала. —
То был не день, то всполох был, и только», —
«А ты ведь говорила!» — «Я ошиблась».
Ребенок уж заплакать собирался,
Как стали вдруг видны скамьи и стены,
И юноша воскликнул: «Солнце всходит!
Я говорил!» И бросились мы к окнам —
И за пустыней снежной в отдаленье
Сиянье встало полукругом... «Где там! —
Сказала женщина. — Вновь только всполох». —
«Нет, ночью снежной всполох не сияет, —
Промолвил дед, — то просто месяц всходит».

[*II.1908*]

КАПРИЗЫ МУЗЫ

(Юмореска)

Поэт

(сидит за столом, вертит в руках перо над чистым листом бумаги; вертит долго, но лист все остается чистым. Вздыхает).

О чаровница-муза,
Ты, помня дружбы узы,
Сойди с небес, родная!

Муза

(прилетает невидимкой из неведомого края, но, кажется, не с неба. По голосу слышно, что она «не в духе»).

Зачем тебе нужна я?

Поэт

Ох, друг, не вопрошай...

Муза

Ну, если так, — прощай!

Поэт

(чувствует, что муза хочет исчезнуть, и стремится удержать ее).

В чем только нет потребы
У тех, кто служит Фебу!
Ведь мне работать надо,
Чтоб дать душе усладу,

Купить супруге платье,
Игрушку для дитяти,
Себе же хоть на хлеб...

Муза
(с унылым сарказмом).

А мне на что? На склеп?

Поэт

Не будь, дружок, упряма,
Должны ведь до утра мы
Все исписать листы.

Муза

Не землемер ли ты?
Указывать границы
Для «музы-чаровницы»!

Поэт
(радостно).

Тесны тебе границы?
Добавлю я страницы!
(Хочет достать еще бумаги.)

Муза
(останавлцвает его).

Не торопись! Сейчас
Жду от тебя ответа:
Какой «сюжет» у нас?

Поэт
(не замечает иронии в вопросе музы. Озабоченно).

Тебе знать лучше это...

Муза

Ах, так? Ну, скверно, право!
(Беззвучно смеется, но поэт все-таки слышит этот смех — сердцем.)

Поэт

Не будь такой лукавой!
Будь вежлива, послушна,

Нарядна, благодушна,
Не думай про сюжет,
В ярме нужды нам нет!
Нам нужно настроенье,
Пленим мы светотенью,
Словесною игрой.

Муза

Хотел бы так любой!

Поэт

Нам нужно злости малость,
И нежность и усталость,
И слез, и смеха с кровью,
С жестокостью, с любовью,
И святости с развратом...

Муза
(сердито).

Гороха и салата!
Еще чего? Скажи!

Поэт

О, помощь окажи!
(Умоляюще прижимает к груди руки, муза оборачивается к нему спиной и молча отсчитывает слоги по пальцам, не попадая в ритм. Поэт начинает сердиться.)
Молить еще мне долго?
Ты помогать по долгу
Повинна с давних пор!

Муза
(равнодушно).

На это рифма — «вздор».
Ничуть я не повинна —
И пальцем, знай, не двину.
Не я тебе служу,

А ты мой раб, мой верный,
Мне служащий примерно,
Едва я прикажу.
Велю воспеть я в оде...

Поэт
(раздраженно перебивает).

Сто лет они не в моде...
(Колко.)
Добавлю, что весьма —
Не в моде ты сама.
Узнали бы друзья,
Что здесь с тобою я,
Такой бы смех стоял,
В больницу б я попал, —
Мол, он душевно болен...

Муза
(обижена).

Прощай. Теперь ты волен
Жить, как и все, по моде!
(Исчезает.)

Поэт
(с отвагой отчаяния).

Давно б так!.. На свободе
Сам к цели я дойду,
С тоски не пропаду.
(Хватает перо и пишет все, что только приходит в голову, но приходит не так-то много; поэтому, окончив грызть перо, поэт начинает грызть карандаш. В тяжелом огорчении, заполняет половину нужного числа листов, вздыхает еще тяжелее, чем перед началом работы.)
Устал... совсем невмоготу...
Осталось много ли? — Сочту...
(Считает листы.)
Мне что-то страшно... Прочитать?..
А вдруг «не удалось» опять?
Да нет, не надо переделок, —
Читать не нужно, почерк мелок,

А тут и лампа гаснет...
В порядке все...
(Задумывается.)
Прекрасный
Наряд я ей куплю — муар, —
Дадут немалый гонорар.
Вот будет радость ей сверх меры...
А муза — басня, миф, химера!
Фантазии старинной плод...
(Задумывается сильнее.)
Что ж на душе как будто гнет?
Как бы оскомина... мученье...
Да просто переутомленье!
К тому ж я сам себе мешал,
Раздумывал и вспоминал
Про вещи, что забыты ныне,
Которых нет давно в помине,
И так душа хотела
Им дать и дух и тело.
Напрасно жаждала душа —
Никто ж не даст мне и гроша
За сотню строк немодных,
(с болью)
Порывов благородных,
Таких прекрасных и простых,
Ведь сердцем выстрадал я их!

(Не заметил, как взял в руки перо и стал писать на первых попавшихся под руку клочках бумаги, быстро, решительно, с радостным блеском в глазах.)

Муза

(появляется незванная и нежно обнимает поэта),
Прости! Хоть не модна я!..

Поэт

(пылко сжимает ее в объятиях).
Ты мне навек родная!

10.VII.1909

ВЕСНА В ЕГИПТЕ

I

ХАМСИН[1]

Хамсин в пустыне рыжей разгулялся.
Томимый страстью, в воздухе он мчится,
Песка своим сухим крылом касаясь,
И обжигает пламенным дыханьем.
Какая-то неистовая свадьба!
Песок поет, как будто в дудку дует,
Тяжелую нарушив неподвижность,
И, вторя, камешки как в бубны бьют.
Так кто же там в слепящей желтой мгле
Затеял править пляску в честь хамсина?
Кто веет покрывалами сквозными,
Кружась так быстро, быстро в легком танце? . .
Таинственные нежные плясуньи —
Пустыни скорбной ветреные дети!
«Прикрой глаза! Засыплю, иностранка!»
И тут хамсин плащом своим ревниво
От взора моего закрыл танцорок.
Никто не смеет видеть их. Араб
К земле склонился посреди пустыни,
Как в час молитвы. «Так! Молись! Молись!
Я старый бог, я твой могучий Сет,
Я разорвал на части Озириса
И тело разметал по всей пустыне.
Ох, как тогда Изида зарыдала. . .» [2]
Былое вспомнив, весел стал хамсин,
И сдвинулась тогда пустыня с места
И в небо ринулась. И в желтом небе
Померкло солнце — око Озириса,
И показалось мне — весь мир ослеп. . .

5.IV.1910, Гелуан

II

ДЫХАНИЕ ПУСТЫНИ

Пустыня дышит. Ровное дыханье.
Песок лежит — спокойный, золотой.
Но каждая гряда и холм любой —
Все о хамсине здесь воспоминанье.

Феллах трудолюбивый строит зданье, —
Здесь мимолетных иностранцев рой
Найдет гостиницу и сад густой.
Феллах могуч: все — рук его созданье.

Одна беда — оазисы в пустыне
Не для него... Вот он узоры пишет
Под самой крышей... Ткань на нем колышет,

Скользит горячий ветер по холстине,
Пот осушает... дальше по равнине
Летит... опять, опять... Пустыня дышит.

5.IV.1910

III

АФРА [3]

Тишь и безмолвие. Кажется воздух водою стоячей.
Оцепенели бананы, не вздрогнет их треснувший лист.
Даже мимозы — и те изнывают в истоме горячей.
Грезят без грезы...
Откуда же грохот и свист?
Слышится дробь барабана, трубы раздается звучанье!
Эй, замолчите!
Кому эта песня нужна?
Им все равно! Маршируют, гремят англичане,
Грозно вдоль Нила идут, чтобы вся трепетала страна.
Только прошли, тишина опустилась за ними,
Будто завесой упала огромной, тяжелой, глухой.

Пальмы послушно, печально поникли ветвями
сухими —
Можно подумать, сам бог придавил эти ветви рукой.
Небо от жара белеет и вот уже в пепле седеет, —
День без остатка сгорел в напоенной огнем тишине.
Бледная ночь; темнота растерялась, не смеет
В жгучую тишь снизойти. Ни единой звезды
в вышине.
Мир будто мертв. Перед сном не откликнется
птица.
Всюду летучие мыши бесшумно шныряют одни,
Будто восток призывают признать тишину
и смириться.
Бархатным, тихим крылом тишину умножают они.

6.IV 1910

IV

СОН

Солнышко греет... Это Египет?
Это Египет... Синий шатер
Неба высокого полон сиянья.
Высь-то какая! — Вольно и радостно.
Это Египет...

Тихая ласка... Ты, Украина?
Да, Украина это моя...
Хата и садик, лужайки зеленые,
Пруд за ольхою, затянутый ряскою...
Вот — Украина...

Хватит скитаться... довольно блужданий...
Жизнь станет светлой... Край мой родной,
Вместе со мною от мук ты избавился.
Небо не плачет, и люди не хмурятся.
Спать бы и видеть всегда этот сон...
Жизнь станет светлой...

7.IV.1910

V

ВЕТРЕНАЯ НОЧЬ

Ночь черным-черна и глубока
(Знаю женские глаза такие),
Ветер крылья разбросал шальные.
Мчится он, бежит издалека.

Северный мой ветер разыгрался,
Стал горячим, как Сахары сын —
Пылкий и стремительный хамсин, —
С бедным севером давно ль расстался?

Там он, где кончается зима,
Мел снега одеждою сырою,
По глухим лесам стонал совою,
Забирался холодом в дома.

К золотой пустыне, как к подруге,
Может, страстью загорелся он
И несется, жаром опален,
Будто родился на знойном юге?

Будто пепел бросил мне в окно,
В темной комнате моей гуляет,
Зазвенел песком и улетает.
Что же, улетай, мне все равно.

Ты чужой уже — не прежний ныне,
Не принес ты никаких вестей
Из далекой стороны моей,
Только песнь своей любви пустыне.

9.IV.[1910]

VI

ВЕСТИ С СЕВЕРА

Недаром ветер прилетал
Страны моей... Передо мною
Все — за туманной пеленою,
Накрапывать и дождик стал.

И ветерок в мое жилище
Влетел холодный. Что ж, дружище,
Утратил ты недавний пыл?
Что ж, добрый молодец, остыл? . .
Иль не понравился пустыне,
Иль вспомнил милую свою —
Подружку в северном краю —
Да и заплакал на чужбине?
И ветер шелестит листами:
«Из бедной стороны твоей
Спешил я с этими слезами, —
Просила ж ты сама вестей!»

10.IV.[1910]

VII

ТАЙНЫЙ ДАР

Плачет Египет недолго. Умыл свои ясные пальмы,
Зелень полей плодородных над Нилом слезой окропил,
Возобновил позолоту блистающей светом пустыни
И улыбается снова: таинственны радости Сфинкса.
Вижу, глаза египтянок смеются под черной вуалью,—
Женщин рабынями сделал ислам, но глаза их
свободны! . .
Песней товары свои славят женщины здесь и мужчины,
Гордые головы их не склонились от ноши тяжелой,
Будто на них почивают Египта двойные венцы.
В красной одежде идет водонос, и как будто он
шутит —
Чистой водою звенит и желающим пить предлагает,
Сладкую свежую влагу он льет из большого сосуда,
Шуткой приправив ее, улыбается, плату беря.
Нищие дети феллахов шалят, веселятся на солнце;
Глазки горят любопытством. Повсюду головки
детей . . .
Только завидят туриста — бегут за ним, просят
подачки.
Дал или не дал — хохочут, как будто им все нипочем.

Лишь бы тростинка нашлась, а ребята сосут и
довольны,
Рады, как будто они государством-богатством
владеют.
«Радость откуда такая?» — к себе обращаюсь
с вопросом.
Мысль промелькнула в ответ — словно голос забытой
легенды:
«В давние те времена, когда Нил родился здесь
в пустыне,
Мать положила его в колыбель и в роскошной —
качала,
Нежный отец над ребенком склонился, с небес
наблюдая,
Как не по дням — по часам вырастает любимое чадо,
Как набирается сил и несет их уверенно в море...
Нил родился, и к нему поспешили с дарами Гаторы [4].
Семеро было богинь, и даров принесли они семь.
Первая молвила так: «Я дарю тебе тучную землю».
Проговорила вторая: «Три жатвы отбудешь в году».
Третья промолвила: «Ра [5] никогда о тебе не забудет».
Ветку простерла четвертая: «Это — защита от Сета»[6].
Пятая молча папирус и лотос пред ним положила.
«Тайны свои сбережешь», — прошептала шестая ему.
И, улыбнувшись сквозь слезы, за нею седьмая
сказала:
«Боги, завидуя детям твоим, обрекли их на рабство,
Дам я народу оружие — полное радости сердце, —
Ни фараон, ни пришельцы не смогут убить в сердце
радость».
Так вот в начале веков обещали Гаторы!.. И верю:
Слово премудрых богинь нерушимо во веки веков.

14.IV.1910, Египет, Гелуан

Примечания Леси Украинки

[1] *Хамсин* — южный ветер огромной силы, известный европейцам под именем самума. Зимой его не бывает, он начинает дуть весной.

[2] Древняя египетская легенда говорит о том, как злой бог Сет убил доброго брата Озириса и как потом Изида, жена Озириса, искала своего супруга, чтоб оживить его.

[3] *Афра* — тяжелая, горячая тишина.

[4] *Гаторы* — древнеегипетские богини судьбы.

[5] *Ра* — бог солнца.

[6] *Сет* — злой бог.

ИЗ ПУТЕВОЙ КНИЖКИ

I

PONTOS AXEINOS[1]

По берегу в трауре горы
И тучи с каймой снеговою,
Как будто все скрыто от взора
Тяжелой парчой гробовою...

Такая земля! А на море...
Лишь хищные чайки рыдают,
И злобная радость в их взоре —
Как будто нам смерть предвещают.

Корабль, содрогаясь сурово,
Дрожит, будто он умирает,
То в гору вздымается снова,
То в грозную бездну ныряет.

Страшна всем такая минута,
Молчат пассажиры угрюмо,
И только в пустынных каютах
Полно все невнятного шума.

То ветер за окнами бьется
И снежною хлещет крупою,
И в двери открытые рвется,
Злой холод неся за собою.

---

[1] «Неприветливое (негостеприимное) море» — древнее название Черного моря. *(Прим. Леси Украинки.)*

День, вечер, ночь, утро? Приметить
Не можешь. Светает? Темнеет?
За тучами солнце чуть светит,
Как месяц, но только бледнее.

Корабль, разрезая туманы,
Навстречу метели стремится...
Так тесным летят караваном
На юг запоздалые птицы.

[*16.I Черное море,*
у Анатолийского берега]

II

В ТУМАНЕ

Боже, куда уплываю
Я в беловейном тумане?
Может, стремлюсь в неизвестность
Легких летучих снегов?

Может быть, только легенда —
Край, осиянный лучами,
Край тот, куда я хотела
Муки свои отнести?

Может, манящая сказка —
Этих лугов изумруды,
Всплески реки тепловодной
И золотистый песок?

Может быть, ведьма-горячка
Все собрала мои грезы
И на огне вдохновенья
Дивный сварила настой,

И напоила мне душу
Непобедимым безумством —
Тем, что ведет человека
По бездорожьям невзгод?

Может, и в снежных пустынях
Царствует Fata Morgana [1],
Марево зыбкой лазури
Сея по белым снегам?

Может, очнусь я внезапно
От привиденья-обмана
Где-то в безлюдном просторе
И без надежды на жизнь?..

[17.I. Море]

III

НА СТОЯНКЕ

Вот на палубном настиле
Запылал костер высокий, —
То согреть хотят матросы
Коченеющие руки.

И я вижу: в снежной вьюге
Пламя красное пылает,
Словно солнце, что закрыто
Непроглядной белой мглой;

А вокруг него мелькают,
Словно тени птиц огромных,
Итальянские матросы,
Зябко кутаясь в плащи.

Те плащи в родном Палермо
Их неплохо согревали —
Что ж теперь случилось с ними
В этом крае басурманском?

Пропускают зимний ветер,
Словно кружева сквозные,
И дрожит любая жилка...
О, негодные плащи!

---

[1] Мираж *(лат.)*.

В густо-белой сетке снега
Юнга-мальчик пробегает,
Словно рыбка, что попала
В роковой проклятый невод.

Мальчик пробует согреться, —
Верит он палермской крови,
Что в его струится жилах,
Больше, чем чужим огням.

Он не слышит, как большие
На него кричат сердито:
«Все ты вертишься, бездельник!..
Что за скверное созданье!..»

От озлобленного крика
Нежный говор итальянский
Стал противным, как прибрежных
Диких чаек хищный крик.

Что ж, пускай! Давно привык он
К этим чайкам и ворчаньям,
Он не думает об этом
И в мечтах его другое:

...Скоро он домой вернется,
И на площади под солнцем
Ловко он сыграет в бабки,
Каждый выигрыш возьмет!

И с товарищами вместе
В пыль горячую он ляжет
Среди улицы, так просто,
И начнет болтать, болтать...

Даже рты поразевают
Кекко, Джанни, Паолино:
Ведь они всему поверят,
Племя «раков сухопутных».

Сколько он чудес расскажет!
И про змей подводных страшных,
И про турок людоедов,
Про Великого Могола.

А они ему за это
Самых сладких апельсинов
Непременно наворуют
У епископа в саду...

Тут его матрос ударил
По плечу, ругнув сердито:
«Да уйдешь ли ты с дороги?!
Вот душа без покаянья!»

У костра с другими рядом
Опустился он покорно
И к огню, как на молитве,
Протянул худые руки.

Легкий стан тихонько сгорбил
И застыл с лицом печальным,
Лишь в глазах перебегают
Яркоогненные искры.

Ох, когда б скорее, мальчик,
Все мечты твои свершились,
Чтоб завидовать не стал им
Злой какой-нибудь божок...

[*Стоянка в море близ Самсуна, 17.I.1911*]

IV

ГРЕЗЫ В БУРЮ

Лежу я, с ног до головы укрыта,
От холода, чем можно, защищаюсь,
Чтоб не впивался он когтями в тело,
И ветер слушаю...

Как тонко свищет!
Канат от лота будто напевает.
Штурвал скрипит по-старчески уныло,
На бурю сетует, на трудный путь.
Машина бухает и тяжко стонет,
Как великана грудь в предсмертной муке...
Второй уж день мы по морю блуждаем,
Потерян путь, от берега отбились,
Никто не ведает, куда нас бросят
Шальные волны. И порою мнится,
Что без конца нам суждено скитаться,
Как мореходам проклятым в легенде.
. . . . . .

Глаза закрою, сплю — не сплю и грежу.
Мне кажется, что будто мчусь я в санках
Дорогой снежною так быстро-быстро
С сугроба на сугроб, с горы в долину,
Скрипит снежок, поет в нем полозок.
А санки мчатся под навесом белым
Ветвистых елей, мимо колоннады
Высоких стройных сосен, через реки,
Закованные в сталь. Бушует ветер,
А звезды снежные меня целуют
В горячий лоб. И я лечу, лечу
В метелицу шальную, на погибель...
Вдруг санки с кручи ринулись в долину...
Ох!.. Я очнулась. То крепчает буря.
Ревет гудок, тревогу подает.
Стук, грохот, падает все, что попало,
Никто и не жалеет — пусть погибнет! —
И каждый цепко держится, как краб...
Блеснуло солнце, но чернеют волны,
Как будто крылья хищных птиц... А дальше
Покрыло все слепою, белой вьюгой.

И вот я снова в грезы погружаюсь.
...Вот я лечу на диком скакуне
И, чуть не падая, держусь за гриву;
Конь мчится вскачь, едва хватает духу.

Как бьется сердце у него! Как будто
Готово разорваться... Конь, быстрее!..
За нами мчится лютая погоня.
Неисчислимая орда большая,
Она кричит, безумствует, хохочет
Злорадным смехом людоедским. Злая,
Поганая орда. Ой, конь мой, конь, быстрее!
То, может, пули тонко так запели?
Что там гремит? То гром или стреляют?
Что так шипит? Бичи из змей живых?
Боюсь я оглянуться, и боюсь я
Вдруг обомлеть, как только их увижу,
Таких противных, чтоб с коня не рухнуть,
Чтоб не достаться им на поруганье...
Скачи, мой конь!.. Перелетели пропасть.
Орда за нами. Вот она все ближе!
Вот бросится на нас и разорвет,
И выпьет кровь горячую до капли,
Накроет черным роем наши трупы...
Споткнулся конь!.. Упал...
О сновиденья!
Куда страшней вы настоящей бури.
Уж лучше буду я лежать без сна,
Смотреть на белый потолок и видеть,
Как тени бурных волн перебегают,
И ждать — не заблестит ли луч отрадный,
И слушать буду без видений страшных
Напев могучий моря, — будь что будет!

20.I.[1911]. В море на бездорожье

V

ЗЕМЛЯ! ЗЕМЛЯ!

О, мне чужая земля, какою родною ты стала!
Матерь-Земля, защити же дитя от напасти!
Предало море меня, за любовь заплатило глумленьем.
Слышишь? Со злою насмешкою чайки кричат до сих пор.
Что это? Вижу, и ты от измены страдаешь?

Стала земля Византийская грустною бедной вдовою
В тяжком покрове снегов: жарко любившее солнце
Нынче забыло ее и любит соперницу — тучу.
О, не печалься, Земля! Пускай столь коварного друга
Хочет другая пленить — дети с тобою остались,
Горе, измену, печали с тобою они разделяют,
Лишь переполнится чаша — вновь возвратятся они.
Счастье такое вовеки простым матерям недоступно.
Ты же счастливее всех. Радуйся жизни, цвети!

21 I.[1911]. Перед Босфором

VI

ЭПИЛОГ

Кто не жил средь буйства бури,
Тот не знал цены и силе,
Тот не знал, как вечно люди
И борьбу и труд любили.

Кто не жил средь буйства бури,
Тот не ведал и веселья,
Тот не знал и горькой муки
Обреченных на безделье.

Как я завистью горела
К людям, преданным боренью,
До поры, пока усталость
Их сражала на мгновенье.

День и ночь они на вахте,
Долог труд, а смена кратка,
День и ночь они в работе
Силы тратят без остатка.

Верно, им тогда казалось,
Что страшней не сыщешь муки...
Ох, борцы, когда б вы знали,
Как томят в бессилье руки!

Как лежать в постели тяжко
Скорбным пасынком недоли,
Положась на милость бури,
На чужой талант и волю.

Чем же тешиться такому?
Только думою своею...
Вы, борцы, ее примите.
Это все, что я имею.

15—21.I.1911, Черное море близ Анатолии

* * *

Кто вам сказал, что я хрупка,
Что с долей не боролась?
Дрожит ли у меня рука?
И разве слаб мой голос?
А если были в нем слышны
И жалобы и пени,
То это бурный плеск весны,
Не мелкий дождь осенний.
А если осень... Не беда,
Цветет ли кто, иль вянет.
Увянув, ива у пруда
Златобагряной станет.
Когда же саваном зима
Накроет лес раздетый,
Цветам на гроб она сама
Рассыплет самоцветы.
Что ж, буду жить я, как живет
Волна в часы покоя —
Как будто спит поверхность вод,
Но море ждет прибоя.

[*21 I 1911, перед Босфором*]

В ГОДОВЩИНУ

Не он один ее любил.
Во славу Украины
Писали звучные стихи
И яркие картины.

Ловили звонкий смех ее,
Улыбки, шутки, пляски,
Сплетали в пестрые венки
Ее живые сказки.

Тот в ней лелеял старину,
Тот грезу молодую, —
Он первый полюбил ее,
Как мать свою родную.

Пусть мать убога и стара,
Бедна, темна, гонима,
Но сыном преданным она
Попрежнему любима.

Пускай она в кромешной тьме
Бредет, полуживая, —
Как рана, в нем горит любовь,
Горит, не заживая.

Видала родина не раз,
Как ветреники эти
Под вечер забывали все,
Что пели на рассвете.

С ее дарами шли к другой,
Спеша склонить колено;
Такие люди не могли
Любить самозабвенно.

В нем первом жгучая любовь
Пылала, словно рана,
Он шел в неволю за нее,
Служил ей без обмана.

Все тяготы перенесла
Любви сыновней сила,
Того великого огня
И смерть не погасила.

[*8.III.1911*]

ПОЭМЫ

РОБЕРТ БРЮС, КОРОЛЬ ШОТЛАНДСКИЙ

(Шотландская легенда)

Посвящается дяде Михаилу

ЗАПЕВ

Мы припомним давние былины,
Мы рассказ припомним величавый
Про шотландский дальний край старинный,
Что овеян вольностью и славой.

Давний сказ! Легенды речь живая!
Подлинное слито в ней с мечтами;
Только правда, звездочкой мерцая,
Золотыми всюду бьет лучами.

Правда нам сквозь мглу блеснет густую,
Мы далеко мыслью понесемся,
Поглядим на бурю боевую,
Давней славы памятью коснемся!

I

То было лет пятьсот назад:
На край шотландский вольный
Английский шел король Эдвард,
Властитель своевольный.

Призвал он рыцарей своих,
Весь пышный цвет дворянский,
Чтоб в подданство себе забрать
Свободный люд шотландский.

Гремучим эхом клич летит
Шотландской стороною:
«К оружью все! На нас идет
Король Эдвард войною!

Эй, братья милые! Ужель
У нас оружья мало?
Ужели рыцарей у нас,
В Шотландии, не стало?»

Бойцы идут, земля гудит,
Сошлись два ополченья...
Немало будет в этот день
Кровавых приключений!

Сверканье копий, звон мечей
О панцыри стальные;
Клич раздается боевой,
Ржут кони вороные.

Дерутся день, дерутся два,
На третий день, в печали:
«Эдвард над нами верх берет!» —
Шотландцы закричали.

Рать англичан разит и бьет,
Английский меч сверкает,
Шотландский меч к земле поник,
Их рать изнемогает.

Остановился тут Эдвард,
Труба отбой запела,
И стяг над войском поднялся,
Но не цветной, а белый.

Всяк замер и свое копье
На землю опускает;
Кричит герольд: «Король Эдвард
Шотландцев призывает

Изгнать войну с полей родных
И вновь покой отдать им,
Прийти к согласью без борьбы,
Как подобает братьям.

Сказал король наш: «Кто из вас
Помирится со мною —
Поместьем будет и людьми
Тот обладать в покое.

Но рыцарь должен к королю
Являться в ополченье,
За что получит он от нас
Почет и награжденье.

Крестьянина обложим мы
Налогом десятинным,
А рыцарь в вотчине своей
Да будет господином».

И вмиг поникли знамена
Шотландии дворянской,
Кричат: «Да здравствует вовек
Эдвард, король шотландский!»

Все рыцари сдались ему...
Но нет, не все, — остался
С оружьем рыцарь молодой —
Робертом Брюсом звался.

Эдварду он в лицо взглянул,
Как бы метнул зарницу,
Сорвал и кинул во врагов
Стальную рукавицу.

И тотчас шпоры дал коню,
Конь вороной вздыбился,
Помчался в горы, как стрела,
В ущелье темном скрылся.

II

Поехал Роберт по шотландской земле
Народ поднимать на восстанье,
Повсюду своих разослал он гонцов,
Крестьян созывать на собранье.

Когда же в долине широкой меж гор
Народное вече столпилось,
Явился к народу Роберт и сказал:
«Шотландцы! Измена свершилась!

Ни рыцарей нету у нас, ни дворян —
Все в слуги Эдварду готовы;
Но есть еще в селах шотландский народ,
Носить не привыкший оковы!

Так встанем немедленно все, как один,
За общее братское дело!
Оружье скуем из плугов! Что пахать?
Чтоб нива в неволе хирела?»

Тут все зашумели, как волны в прибой:
«Идем же бороться за волю
Иль буйные головы наши сложить
По вольному нашему полю!»

И вот уж в долине широкой меж гор
Крестьяне все лагерем стали;
Костры полыхали всю ночь напролет, —
Всю ночь там оружье ковали.

Наутро повсюду сверкали мечи;
Кому же мечей не хватило,
Хватило тем кос, топоров и ножей
И в сердце отваги и пыла.

У воинов не было светлых знамен,
Серебряных броней бесценных:
С крестьянских, с простых не сверкали щитов
Реченья девизов надменных.

У всех ополченцев один был девиз:
«За волю, за край наш свободный!»
Хоть слов тех никто на щите не носил,
Но в сердце хранил благородно.

И ринулись все они против дворян;
Роберт был вождем их желанным;
Из рыцарей, кроме него, ни один
Не вышел на помощь крестьянам.

Шотландское рыцарство все перешло
На службу английскому трону —
Пошло охранять и мечом и щитом
Английскую власть и корону.

В несчастную пору шотландский народ
Оружье ковал боевое:
Их в первой же битве разбили враги,
Их много легло головою.

Второе сраженье — и снова беда!
Шотландское войско разбито.
Бой третий — и снова равнина кругом
Телами шотландцев покрыта.

Дворяне сильны; и отважных вождей
Немало у них отыскалось, —
Ни в горы загнать их, ни в лес заманить
Дружинникам не удавалось.

Широкие долы, просторы полей
Шесть раз были кровью политы.
Шесть раз прозвучал по Шотландии крик:
«Шотландцы, шотландцы разбиты!»

Хотя ни знамен, ни оружья они
Эдварду к ногам не сложили,
Но, волю пытаясь в боях защитить,
Все силы они истощили.

Погибли одни, а другие ушли,
Вернулись к родимому полю.
Без войска и славы остался Роберт...
Какую ж он выберет долю?

Идти ли, как сотни шотландских дворян,
Эдварду надменному сдаться,
Позор ли последний готовясь принять.
В стране побежденной остаться?

Нет, лучше не видеть, не слышать того,
Как родина гибнет безвинно!..
«О край мой родимый, прощай! Твоего
Прости бесталанного сына!

Свободным хотелось мне видеть тебя —
Судьба же сулила иное...
Далеко теперь, на чужих берегах,
Погибну за дело святое!»

Так молвил Роберт и отправился вдаль,
На нищенский берег ирландский;
Он думал — вовеки ему не видать
Бездольной отчизны шотландской.

В Ирландию должен зайти был корабль,
Что рыцарей вез в Палестину;
На том корабле и Роберт порешил
В далекую ехать чужбину.

Он с рыцарством храбрым в крестовый поход
Решился отправиться смело,
Чтоб жизни остаток и силы отдать
Во имя великого дела!

III

У безлюдного берега моря
Одиноко лачуга стоит,
В той убогой рыбачьей лачуге
Рыцарь-латник уныло сидит.

То Роберт. Он глядит сквозь окошко,
Не покажутся ль те корабли,
Что должны отвезти крестоносцев
К берегам палестинской земли.

Нет, ничто не виднеется в море,
Не белеют ряды парусов;
Резво плещет широкое море,
Звучен голос привольных валов.

Но Роберту невесело видеть
Ту веселую буйную даль:
Только вспомнит он землю родную —
И встает в его сердце печаль.

И Роберт, отойдя от окошка,
Лег на лавку и взором повел
По растресканной кровле; под кровлей
Паутину паук себе плел.

И Роберт загляделся нежданно
На работу того паука:
Видел он, как прялась понемногу
Паутинка, нежна и тонка,

Как по нити паук опускался
И раскачивался все сильней,
Чтоб до стенки достать и тенета
Закрепить и раскинуть по ней.

Но качнется лишь — нить оборвется,
И на землю паук упадет,
Но немедля вползает под кровлю
И опять паутинку прядет.

Так шесть раз тот паук обрывался,
И шесть раз он под кровлю спешил,
Но в седьмой, наконец, удержался
И к стене свою нить прикрепил.

Тут Роберт поднимается с лавки,
За оружье хватается вдруг
И кричит: «Неужели же рыцарь
Будет волей слабей, чем паук?!»

IV

Ой, то не сокол-островзор
Спустился в дол с вершины,
То прилетел смельчак Роберт
В шотландские долины.

На вороном коне своем
Он по стране летает,
В последний раз шотландский люд
На битву созывает.

«К оружью все! Жива ль еще
Былая доблесть ваша?
Мы за свободу пасть клялись —
И где ж присяга наша?

Кто не зарекся вольным стать,
Готов да будет к бою!
Кто честь и славу не забыл —
К оружью! Кто за мною?»

Нет, не угас шотландский дух,
Восстать шотландцы рады!
Крестьяне вновь, в седьмой уж раз,
Сбираются в отряды.

Не ожидал король Эдвард
В Шотландии волненья:
На отдых рыцари его
В свои ушли именья.

И для охраны только часть
Осталась небольшая,
Отвагу дерзкую свою
С беспечностью мешая.

Бойцы о выгодах войны
И о прибытках судят
И сколько подати король
Брать с покоренных будет.

Дворян шотландских тесный круг
Собрался с ними вместе:
Король права им возвратил
И не лишил поместий.

Поедут завтра же они
В родимые усадьбы,
Но все унылыми сидят;
С чего ж им тосковать бы?

Стыд и досада их сердца
Терзают сокровенно,
Им кажется, что целый мир
Кричит вокруг: «Измена! . .»

У англичан веселый пир
В разгульных песнях, в кликах,
И так надменно их значки
Колышутся на пиках.

Крестьяне к войску подошли
Неслышно за горою,
Явились, как из-под земли,
И хлынули волною.

Как буря-вьюга, все вокруг
Завыло, загудело;
Роберт летел на вороном,
Как молния б летела.

Свирепый бой, последний бой!
За кем победа? В дрожи
Кричат английские бойцы:
«Спаси нас, добрый боже!»

Шлет помощь им король Эдвард
Все новыми бойцами —
Встречает их шотландский клич:
«Ну, нет! Победа с нами!»

Хоть помощь сильная пришла —
Напрасно, — слишком поздно!
Шотландцы гонят прочь врагов
И вслед кричат им грозно:

«Не приведется больше вам
Гулять в чужой отчизне!
Бросайте ж на землю мечи,
Чтоб не лишиться жизни!»

И под горою англичан
Шотландцы окружают,
Тем нет спасения — и все
Оружие бросают.

Тут вышел из рядов Роберт
Со словом долгожданным:
«Вот что поведает народ
Шотландский англичанам:

Наш край свободным был всегда,
И быть нам — меж свободных!
Вы видели, как бьемся мы
В защиту прав народных?

Пусть Англию гнетет Эдвард
Налогом десятинным,
Шотландец же земли своей
Да будет господином.

Крестьянам нашим ни к чему
Почет и награжденье,
И уходить не надо им
К Эдварду в ополченье.

Мечи мы ваши отберем, —
У нас верней лежать им,
А вас отпустим по домам,
Как подобает братьям.

Перескажите королю
Вот это наше слово,
И если мир ему не люб,
То в бой мы выйдем снова!»

И без оружья, без знамен,
В безрадостном молчанье,
На родину свою пошли
Обратно англичане.

Сойдя в долину, всяк из них
На гору взор бросает,
И видят все: крестьянский сход
Роберта окружает.

Народ густой толпой покрыл
Весь склон горы зеленой,
А выше всех стоял Роберт.
У ног его — знамена.

Лежали грудами мечи,
Те, что в сраженье взяли;
Шотландских же знамен ряды
Вокруг него сияли.

Роберт, как видно, речь держал:
Он спорил, горячился,
Потом, блестящий скинув шлем,
Народу поклонился.

И было слышно, как вскричал
Всей грудью сход крестьянский:
«Хвала и честь! Вовек живи,
Роберт, король шотландский!»

V

Так Роберт за отвагу и твердость
Королем над шотландцами стал,
В Эдинбурге, преславной столице,
Всенародно венец восприял.

Торжество совершилось. На паперть
Выступает король. Как один,
Все кричат: «Слава, слава Роберту!
Здравствуй, наш навсегда господин!»

Но внезапно приветствия стихли,
Ждут шотландцы чего-то, — чего?
Кучка выборных малая вышла
Говорить от народа всего.

И приблизился старший к Роберту,
Поклонился, глазами повел
По столпившимся около людям
И такое посланье прочел:

«Божьей волей и волей народной
Наш король! Поздравляем тебя!
Под высокою властью твоею
Признаем мы охотно себя.

Если ты защищать будешь волю
И единство родимой страны,
Мы вовек уважать тебя будем,
Как отца дорогого сыны.

На войну позовешь ты — все вместе
Под знамена твои мы пойдем:
Мы готовы тебе и отчизне
И мечом послужить и щитом.

Если ты про народное дело
Позабудешь — про волю и честь —
И другие, богатые земли
Пожелаешь в покорность привесть,

Мы тогда не пойдем за тобою,
Чтоб чужое добро загрести:
Нам не тесно в родном нашем крае,
Нам не надо в чужие идти!

Если ж ты, ради роскоши, станешь
Продавать свой народ господам,
Защитить мы и сами сумеем
Те права, что присвоены нам.

Ну, а если английской короне
Ты предашь королевство свое,
Знай, что в ту же минуту, с позором,
И владычество сбросим твое.

Мы тебя королем увенчали,
И венец мы, коль надо, сорвем;
А пойдешь на народ ты войною —
На тебя мы войною пойдем.

Дай нам, боже, всегда веселиться,
Что избрали тебя в короли:
Да цветет при тебе, да блистает
Честь и воля шотландской земли!»

«Дай-то, боже, — Роберт им ответил, —
Буду знать я, на что я иду;
Дай нам, боже, в согласье сердечном
Жить вовеки и в добром ладу!»

VI

Добрый лад, сердечное согласье
Выросли. Роберт берег свободу.
Не погибло, не пошло по ветру
Обещанье, данное народу.

На шотландскую дивились волю
Пришлые, чужие, иностранцы;
Все твердили: «До скончанья света
Под ярмом не станут жить шотландцы!»

Не угас и не погиб вовеки
Вольный дух шотландского народа,
Даже и врагам его старинным
Помогла шотландская свобода.

После англичане и шотландцы
Создали единую державу,
И шотландцы англичан учили,
Как любить свободу, честь и славу.

И за то хвала Роберту Брюсу:
Он борцом за край родной явился.
Да! И он у паука отваге
И упорству в деле научился.

Он покрыл себя великой славой,
И вовек не скроют славу эту;
Жить ей вечно в песне и преданье,
О себе рассказывая свету.

1893, летом в Гадяче

СТАРАЯ СКАЗКА

Кто желает слушать сказку?
У меня она готова.
Но, пожалуйста, простите,
Что не все в ней будет ново.

Люди добрые! К чему нам
За новинками тянуться!
Иногда полезно очень
На былое оглянуться.

Нет! Никто нам не расскажет,
И таких рассказов нету,
Чтобы кто-нибудь не молвил:
«Э! Мы слыхивали это!»

Если все же интересно,
Эту сказку прочитайте,
Мне же вы не лавров пышных —
Хоть баранок связку дайте!..

I

В дни былые, в дальнем крае...
Выбирайте сами место —
В сказке и в стихотворенье
Все возможно, как известно!..

В дни былые, в дальнем крае
Проживал поэт когда-то.
Он владел большим талантом,
Напрокат нигде не взятым.

И хоть не был он красавцем,
Но уродом не был тоже, —
Человек обыкновенный,
На других людей похожий.

Наш певец — да что же делать —
Правду надо молвить смело:
Не певцом был, а поэтом —
Петь, признаться, не умел он!

Но его звучала песня
Звонкой радостью и смехом,
И неслась она по свету
Стоголосым звучным эхом.

Одиночества не знал он...
Под его убогим кровом
Молодежь не раз сходилась
Слушать новой песни слово.

Эта песня утешала
То улыбкой, то советом...
Благодарные за песню,
Помогали все поэту.

Что могли, то и давали —
Вот и вся его награда.
Холод с голодом неведом, —
Что еще поэту надо?

А когда зеленым шумом
Разговаривают травы,
Каждый день ходил поэт наш
Побеседовать с дубравой.

Так однажды рано утром
Он лежал в траве, мечтая...
Может, слушая дубраву,
Может, песню сочиняя...

Вдруг он слышит — шум и крики.
Зов охотничьего рога,
Лай борзых... На всю окрестность
Эхом поднята тревога.

Кони быстрые топочут,
Шум все ближе нарастает,
И охотники толпою
На дорогу выезжают.

А поэт наш — вот несчастье! —
Лег на самую дорогу...
«Эй! — кричит он, — осторожно!
Дайте мне пожить немного!»

Хорошо, что не за зверем
Кровожадно люди гнались —
О, тогда б они с поэтом
И не очень посчитались!..

Впереди — сердитый рыцарь
Под кольчугою железной...
«Это, — молвит, — что за птица?
Ты не встанешь ли, любезный?»

«Не беда! — поэт ответил. —
Сам уйти с дороги можешь.
Если рифмы разбегутся,
Ты собрать их не поможешь!»

«Хороша твоя охота! —
Засмеялся громко рыцарь. —
От беды тебе скорее
Лучше с миром удалиться!»

«Я беды не испугаюсь!
О покое не забочусь!
Уходи-ка! Я — охотник,
На таких, как ты, охочусь!

Ведь ко мне с небес высоких
Рифмы-соколы слетают,
На того, кого мне надо,
Беспощадно нападают!»

«Ишь какой ты, дьявол, мудрый! —
Молвит рыцарь. — Не случалось
Мне встречать тебе подобных!..
Мало времени осталось,

А не то б мы поглядели,
Кто кого скорей поймает!..
Люди! Прочь его с дороги!
Пусть не очень рассуждает!»

«Что ж, — сказал поэт, — спасибо!
На руках меня несите!
Да о песнях не забудьте —
Вон, в траве листки возьмите!»

«Он, наверно, сумасшедший! —
Крикнул рыцарь. — Бог с тобою!
Знай, безумный, нашу милость —
Мы объедем стороною.

Подожди еще немного:
День пройдет, и ночь настанет —
Я подам тебе на бедность,
А сейчас я очень занят!»

«Ожидать тебя не буду, —
Так поэт наш отвечает, —
Кто кому подаст на бедность,
Этого никто не знает...»

Ничего на это рыцарь
Не ответил, прочь умчался.
Свист и топот... Лес дремучий
Гулким эхом отозвался.

Разбрелись ловцы повсюду,
Целый день они стреляли,
Только ни одной зверюшки
За день целый не поймали.

А когда к закату солнце
Над землей склоняться стало,
Смолкли трубы, шум и крики,
Тишина на луг упала.

Утомились люди за день,
Потихоньку голод гложет,
Кто еще в лесу блуждает,
Кто найти пути не может...

Едет рыцарь одиноко,
Смотрит сумрачный и строгий...
Глядь — поэт лежит, как раньше,
Поперек лесной дороги.

«Ты подачек ожидаешь?
Ждал, бедняга, целый день их! —
Рыцарь шарит по карманам: —
Я не взял с собою денег!»

Но поэт в ответ смеется:
«Золотом не дорожу я!
У меня богатства столько,
Что тебя еще ссужу я!..»

Загорелся гневом рыцарь —
Очень горд, упрям и смел он!
Только гордость и упрямство —
Все богатство, что имел он.

«Хватит шуток! — крикнул гневно. —
Я с тобой расправлюсь люто! . .»
А поэт ему: «Мне тоже
С господами не до шуток.

Мной воспеты небо, море,
И дубрава мной воспета. . .
Это все мои богатства —
Драгоценности поэта.

И при всем богатстве этом
Я свободен, счастлив вечно. . .»
Тут воскликнул рыцарь: «Боже!
Он с ума сошел, конечно!»

«Может быть, — поэт ответил, —
Мы с тобою в божьей власти!
Но действительно я счастлив,
И с меня довольно счастья!

Я на мир гляжу свободно.
Пролетают думы-птицы,
Для которых нет на свете
Ни заставы, ни границы.

Все, что только захочу я,
Сотворю в одну минуту,
И летит над облаками
Мысль моя, на крыльях будто.

Вечно молод, вечно весел,
Словно звонкий ветер в поле,
Сам свободный, никогда я
Не сгибал чужую волю».

Но в ответ смеется рыцарь:
«Друг! Нельзя ли покороче?
Я тебе не очень верю —
Ты-то счастлив, да не очень!

Что мне все твои мечтанья?
Это — мнимая свобода.
Я бы все за графский титул,
За земной бы замок отдал.

Я бы отдал все богатства
Всей страны твоей незримой
Лишь за сладость поцелуя
Милой девушки любимой!..»

Что-то рыцарю ответить
Наш поэт уже собрался,
Но вот солнце закатилось,
Светлый месяц показался.

Молодежь пошла с работы
Под вечерним тихим светом
И сердечными словами
Поздоровалась с поэтом.

И поэт взял мандолину,
Струны тут заговорили,
И слова чудесных песен
Рядом с музыкой поплыли.

Очарованные песней,
Все задумчиво стояли,
А у девушек безмерно
Очи радостью сверкали.

Очарован, неподвижен,
Долго рыцарь слушал песню:
«Сколько силы в этом слове!
Он, наверное, кудесник!»

II

Летним вечером однажды
Наш поэт сидел без дела...
Целый день в своем жилище
В одиночестве сидел он...

Молодежь ушла с рассвета —
Дни горячие настали,
И товарищи поэта
Урожай с полей снимали.

Так сидел он неподвижно,
Слушал песни, что звучали
Всюду в поле — и к поэту
В мирный домик долетали.

Песни смолкли. Скоро ночка
Темнотою все укрыла,
С ветром спорили деревья,
Речка быстрая бурлила.

И поэт в своей лачуге
Молча слушал шум далекий,
Он глядел во тьму ночную,
Полон думою глубокой.

Вдруг он слышит — кто-то едет,
Лошадь у крыльца заржала,
Кто-то слез с коня, оружье
Еле слышно забряцало.

Что за чудо? Кто приехал?
Чья-то тень окно закрыла...
Удивлен поэт наш. «Кто там? —
Неизвестного спросил он. —

Если вор, то ты ошибся:
Ты у бедного поэта». —
«Это я, — ответил голос, —
За услугой, за советом...»

«Кто же ты?» — опять спросил он.
«Я — Бертольдо, рыцарь славный!»
И поэт узнал тот голос.
«А! Охотник! Друг недавний!

Заходи, хотя, признаться,
Темноват приют поэта, —
Для себя, когда я дома,
Я не жгу напрасно света.

А для гостя мне не жалко...»
Огонечек заискрился —
В гости собственной персоной
Властелин Бертольд явился.

«Добрый вечер!» — «Добрый вечер!» —
Рыцарь хмуро отозвался...
Посидели, помолчали,
Разговор не начинался...

«Чем могу тебе помочь я?» —
Наш поэт сказать решился.
Рыцарь тихо отвечает:
«Я, мой друг, увы, влюбился!»

И поэт ему: «Скажи мне,
За каким пришел советом?
Может быть, и помогу я
В очень сложном деле этом...»

«Я влюблен, я погибаю, —
Молвил рыцарь, — дни и ночи
Вижу я перед собою
Изумительные очи!»

«Что ж, — поэт ему ответил. —
Взять за ручку да жениться!» —
«Ох, другой, как видно, рыцарь
С ней навек соединится!

Под балкон любимой донны
Каждый вечер прихожу я,
И в безудержной печали
Ночи грустно провожу я.

Но в ответ на воздыханья
Ничего не получаю!
Чем привлечь к себе, скажи мне,
Сердце милой? . . Я не знаю!

Может быть, по вкусу милой
Будут больше серенады? . .» —
«Да, — сказал поэт, — для птички
Повкусней приманку надо!»

«Голос есть... Но со стихами,
Знаешь, не выходит что-то. . .» —
«Да! — поэт ему ответил, —
Это трудная охота.

Поэтические лавры
Не для каждого, кто хочет, —
Конь поэзии крылатый
Норовист, капризен очень. . .»

«Помоги! — взмолился рыцарь. —
Для тебя нет дела проще!
Ты — волшебник! Ты — кудесник!
Помнишь дивный вечер в роще?

Ты своим стихом чудесным,
Песней все сердца растрогал...
Ты один найти мне можешь
К сердцу милому дорогу!

И за это все, что хочешь,
Я отдам тебе в награду!» —
«Нет, — поэт ему ответил, —
Обещаний мне не надо.

Никакой не надо платы
Мне от друга дорогого!
Подожди — и серенада
Будет в миг один готова.

Но для этого мне нужно
Имя знать твоей любимой...» —
«Имя милой — Изидора,
Красоты непостижимой!»

Призадумался поэт наш,
Глядь — и через миг единый
Что-то вывел на бумаге,
Снял со стенки мандолину,

Показал слова Бертольду,
Мандолину сунул в руки
И стихи учил запомнить,
Повторяя для науки:

«Начинаешь петь, а дальше
Струны так перебираешь:
Ut-fa-la-sol-fa, mi-re-sol...
Дальше сам ты подбираешь».

«Вот спасибо!» — молвил рыцарь...
Не успел поэт проститься,
А уж рыцарь в чистом поле
На коне летит, как птица.

Мчался рыцарь через степи,
Через долы, через горы,
И коня остановил он
У окошка Изидоры.

Под окошком у любимой
Мандолина заиграла...
Неизбывных чувств потоком
Серенада выплывала:

«Гордо, пышно и лучисто
Светят звездные просторы —
Ни одной звезде высокой
Не сравниться с Изидорой!

Светят чистые алмазы,
Красотой прельщают взоры,
Но чистейшим бриллиантам
Не сравниться с Изидорой!

Много спрятали жемчужин
Океанские просторы,
Ни одной из тех жемчужин
Не сравниться с Изидорой!..»

И лишь только серенада
Отзвучала по просторам,
Звездами полюбоваться
Тихо вышла Изидора.

И когда, устав от песни,
Мандолина замолчала,
Сверху вдруг к ногам Бертольда
Роза нежная упала.

И исчезла Изидора.
Тихо... Пуст балкон, как прежде,
И прильнул Бертольд устами
К розе — сладостной надежде.

III

Боже, боже! Что наделать
Может с сердцем серенада!
Не томится грудь Бертольда
Томной грустью и досадой.

И улыбка Изидоры
Все приветливей, яснее,
С очарованным Бертольдом
Все любезней и милее.

И колечко Изидоры
На руке его сияет,
Он невестою любимой
Изидору называет.

На богатой, пышной свадьбе
Длилось шумное веселье,
Танцевали, выпивали
Забавлялись всю неделю.

Всех приветствовали шумно,
Медом, винами поили...
Только нашего поэта
Пригласить на пир забыли.

Ясно, — хлопоты большие,
Отдохнуть минутки нету!
Где, кому какое дело
До забытого поэта?

Время птицею летело,
Жизнь, как сказка, протекала...
И не знал Бертольд, что горе
У ворот его стояло.

Захотел король могучий
Покорить чужие страны,
И герольдов разослал он
Звать бойцов на подвиг бранный.

И среди гостей веселых
В замке рыцаря Бертольда
Рог раздался громогласный
Королевского герольда.

«Ты прощай, моя супруга,
Миновали счастья годы!
Променять все это надо
На далекие походы».

И осталась молодая
Изидора одинокой, —
В воскресенье утром рано
Вышел рыцарь в путь далекий.

Толпы рыцарей отважных
Вышли в путь порою ранней —
Там, за морем за далеким,
Проживают басурмане.

Через дебри и пустыни
Войско шло, не уставая.
Не один вздохнул глубоко
О своем родимом крае.

Но когда уж слишком тяжко
Грусть людей одолевала,
Чтобы грусть рассеять, песню
Начинали запевалы:

«Не грусти, когда наскучат
Бесконечные скитанья.
О своем родимом крае
Не умрут воспоминанья!

В песнях родины найдешь ты
Утешенье в скорбной жизни,
Придадут тебе отваги
Думы о родной отчизне.

Не печалься — не напрасны
Это горе, эта мука:
Край родной любить сильнее
Учит долгая разлука!»

Над глухой пустыней дикой
Раздавалось это пенье,
И находит каждый воин
В этой песне утешенье...

Впереди большого войска —
Трое выбранных старейших:
Карлос, Гвидо и Бертольдо,
Трое рыцарей храбрейших.

Едут, едут... перед ними
Три дороги... Порешили,
Чтоб расстались командиры,
Три дороги разделили.

Карлос выбрал путь направо,
Гвидо — левую дорогу,
А Бертольд шагает прямо...
«Путь счастливый!» — «С богом!» —
«С богом!»

Счастье храброму Бертольду
Улыбалось поначалу, —
По пути завоевал он
Городов чужих немало.

Вот уже столица вражья
Пред Бертольдом вырастает...
Тут-то счастье боевое
Полководцу изменяет.

То ли рыцари успели
От походов утомиться,
То ль решили басурмане
Не сдавать своей столицы —

Но держался город крепко
Перед рыцарской когортой.
Две атаки отразил он,
Так же с третьей и с четвертой.

И пришлось Бертольду плохо, —
Край чужой, чужие люди,
Страшный голод, войско гибнет...
Что-то будет? Что-то будет?

Месяц тянется осада,
Рыцарей погибло много.
Нарастает среди войска
Недовольство и тревога.

Воины идут к Бертольду,
Подступают с криком грозным:
«Выводи ты нас отсюда!
Прочь веди, пока не поздно!

Ты зачем сюда привел нас?
Это путь прямой к могиле,
Видно, хочешь, чтобы все мы
Даром головы сложили!

Ненавистен этот город!
Надоела нам осада!
Эту славу и победу —
Ну их к черту! — нам не надо!»

И хотел Бертольд утешить
Злое войско умным словом,
Но наполнился весь лагерь
Шумом диким, бестолковым.

Все схватились за оружье,
Смертью б дело завершилось...
Кто-то крикнул громко: «Стойте!»
Войско вдруг остановилось.

И певцы перед войсками
Вышли стройной чередою,
На плечах несут оружье,
Лютни держат пред собою.

И один сказал спокойно:
«Ни к чему шуметь вам боле.
Наказать теперь Бертольда
Все равно ведь в вашей воле.

Мы вам многое расскажем,
Но язык у нас чудесней,
Так как нам присуща песня,
Мы про все расскажем песней!»

Тут один из них тихонько
Струны пальцем задевает,
Улыбается лукаво,
Песню тихо начинает:

«Жил да был отважный рыцарь,
Воевал он в жизни много —
Шел он в долгие походы
Лишь от печки до порога.

Языком своим длиннющим
Штурмовал он вражью силу.
Вы слыхали, как он хвастал:
«Я — один, их — триста было!»

Этот вот отважный рыцарь
Был в бою и после боя
Жив и цел домой вернулся:
Талисман имел с собою.

Талисман такой известен,
Рассказать о нем несложно, —
Талисман тот — изреченье:
«Убегай, пока возможно!»

«Убегай, пока возможно!»
Все певцы тут подхватили...
И солдатам стыдно стало,
Книзу очи опустили.

И оружье заблестело,
Загремело по просторам:
«Лучше смерть в бою отважном,
Чем прийти домой с позором!»

Тогда пошли на приступ
Так решительно и смело,
Что на милость город сдался,
Еле ночь прийти успела.

Басурманский царь сдается,
Вражье логово разбито.
И дорога в край родимый
Широко теперь открыта!

Светел, радостен Бертольдо,
Всех певцов своих созвал он,
И, когда они собрались,
Им такую речь сказал он:

«Вечно будем мы гордиться
Трубадурами похода!
Я обязан дать награду
Вам от имени народа!»

И певцы в ответ: «Спасибо!
Нам наград твоих не надо!
Тот, кто выучил нас песням, —
Тот достоин лишь награды!»

«Где ж он? Где? — спросил Бертольдо. —
Что ж он прячется меж вами?» —
«Он не здесь, — певцы сказали, —
На войне он не был с нами.

Он в родной стране остался,
Чтоб делить печали с нею,
Не одну семью утешить
Звонкой песнею своею...»

«Знаю этого поэта,
Песню вечно молодую,
И теперь его по-царски
Щедро отблагодарю я!

Дал бы бог теперь счастливо
Нам прийти к семье любимой —
Много золота насыплю
Я певцу страны родимой!..»

IV

Из намерений хороших
Сбита ада мостовая,
Здесь, конечно, потрудился
И Бертольд, не уставая.

Уж давно Бертольд вернулся
В мирный дом, в гнездо родное,
Снова зажил мирной жизнью
Вместе с милою женою.

Расцветает вечный праздник
В освещенных ярко залах...
Много у него богатства...
Много золота в подвалах,

И богатые трофеи,
Что добыл он в схватках жарких,
И награда за победу —
Королевские подарки.

Много денег и сокровищ!
Графом стал наш славный рыцарь!
Будто сам король могучий,
Он живет и веселится.

И кругом — куда ни глянешь —
Это все его владенья,
Вся округа, каждый житель
У Бертольда в подчиненье.

И сперва Бертольд казался
Благородным и счастливым,
Он с подвластными своими
Честным был и справедливым.

Но недолго это длилось,
Он менялся постепенно,
Все увидели, что в графстве
Наступили перемены.

На вино, на угощенье,
На роскошные наряды,
На турниры и забавы
Очень много денег надо.

Граф привык в далеких войнах
Грабить всех без сожаленья,
И теперь в краю родимом
В этом ищет он спасенья.

Бесконечные оброки,
Злая барщина, налоги,
Всюду крепкие заставы
Граф поставил на дороге.

Трудно даже рассказать вам,
Что за стон там раздавался.
Как в аду, страдали люди,
Как в раю, граф наслаждался.

Граф разгуливал по замку,
А в ярме стонали люди...
И казалось, бесконечно
Продолжаться это будет.

Всюду горькою волною
Стон народный разливался,
Этот стон в душе поэта
Тяжким эхом отзывался...

И однажды в пышном замке
Слышит граф плохие вести —
Стража верная доносит,
Что волнуются предместья.

Что певцы бунтарской песней
Недовольство разжигают
И к восстанью за свободу
В этой песне призывают.

И певцов сажают в тюрьмы,
В каземат сырой и тесный,
Но ничто не помогает —
Не смолкают эти песни.

Собираются толпою
Горожане и крестьяне,
Беспокоен край широкий,
Приближается восстанье.

И вскричал Бертольд: «Пустое!
Я возьму их жестко в руки!»
Вдруг он слышит — где-то рядом
Раздаются песни звуки:

«Мужика сыра землянка,
Барский замок — на помосте...
Что ж, недаром говорится:
«У господ белее кости...»

Может ли рука мужички
С белой ручкою сравниться?
«Кровь у графа голубая» —
Так недаром говорится...

Любопытствуют крестьяне:
Всюду ль эти кости белы?..
Кровь прольется ль голубая,
Если нож вонзить им в тело?..»

«Что за черт! — Бертольд воскликнул. —
Поскорей певца ловите,
В кандалы его закуйте!
Эй, скорей! Скорей бегите...»

Из-за стен огромных замка
Снизу голос вдруг ответил:
«Эй! Бегите, слуги графа,
Да поймайте в поле ветер!

И напрасно так — не стоит,
Граф вельможный, волноваться:
Ныне нас поймаешь десять —
Завтра нас увидишь двадцать!

Нас к боям ведет, к победам
Командир великой рати...
Он у нас отважный рыцарь,
Вы же с ним знакомы, кстати...»

Как сквозь землю провалился
Тот певец — следа не стало...
А Бертольд сидел и думал,
И тихонько прошептал он:

«Он у нас отважный рыцарь» —
Вот всего восстанья корень!
Но его забавам злобным
Положу конец я вскоре!»

Он к себе двух самых верных
Слуг покорных вызывает
И к поэту с порученьем
Прямо на дом посылает:

«От меня ему скажите:
Помню я еще доныне,
Как его прекрасной песней
Утешался на чужбине.

И теперь вот я желаю
Заплатить ему сторицей —
Я дарю ему прекрасный,
Лучший дом в моей столице.

Пред его большим талантом
Преклоняюсь я покорно,
И его намерен сделать
Я певцом своим придворным.

У меня его, скажите,
Ждут почет, богатство, слава,
Только должен он оставить
Все опасные забавы!»

Слуги выполнили точно,
Быстро это порученье,
Принесли они поэту
В графский замок приглашенье.

Он приветливо промолвил:
«Я прошу у вас прощенья,
Что не вышел вам навстречу —
Болен уж не первый день я.

Что ж, прошу — садитесь, гости!»
Все попрежнему стояли
И немедленно поэту
Речи графа передали.

Он с усмешкой слушал речи
Соблазнительные эти
И, когда они замолкли,
Так спокойно им ответил:

«Передайте господину:
Платы я не принимаю!
Если что-нибудь дарю я,
То назад не отнимаю.

Я ему его богатства —
Пусть он вспомнит — заработал!
Очень я о том жалею,
Лучше бросил бы в болото!

Нет! Из рук его вовеки
Громкой славы не возьму я!
Могут дать такие руки
Славу лишь одну худую!

Золотых венков не надо,
С ними счастья не добуду,
Буду золотом увенчан —
И поэтом я не буду!

Не поэты те, чьи мысли
Вольно не живут на свете, —
Их опутали навеки
Золотые эти сети.

Не поэт, кто забывает
О страданиях народа,
Золотыми кандалами
Он сковал свою свободу.

Вы пойдите и скажите:
Не боюсь я графской мести!
И, пока я жив, до гроба
Не сложу оружья чести!»

И вернулися обратно
Слуги в замок и сказали:
«Так и так поэт ответил,
Мы напрасно убеждали...»

И вскипел Бертольд, услышав
Слово гордого ответа.
Снова слуг он посылает
Уговаривать поэта.

«Передайте слово в слово:
Пусть опомнится, покуда
Я терплю, и передайте —
Больше я терпеть не буду!

Если он стихи не бросит
И восставших не покинет —
Я его в тюрьму отправлю,
Пусть он там, проклятый, сгинет!..»

И спешат к поэту слуги,
Вот они у цели скоро.
Слуги ближе, слуги слышат
Мандолины переборы.

Заглянули в окна слуги,
Видят — общество большое,
Все сидят вокруг постели
Молчаливою толпою.

Третий день лежит поэт наш,
Сокрушенный злым недугом,
Вкруг него сомкнулись люди
Тесным и печальным кругом.

А поэт или играет,
Или пишет торопливо,
Раздает народу песни...
Слуги входят молчаливо.

Сразу вышли все из дома,
Лишь один поэт спокойно
Посмотрел на слуг Бертольда,
Поздоровался достойно.

Молча слушает угрозы,
Улыбается при этом...
Слуги кончили. Певец их
Угостил таким ответом:

«Передайте господину,
Что поэт готов в дорогу.
Пусть еще двух слуг, скажите,
Он пришлет вам на подмогу.

Не могу я встать с постели,
Графу вы передадите...
Вам нести меня придется
В новую мою обитель.

Но останусь я свободным
В глубине сырой темницы —
Думам вольным нет на свете
Ни заставы, ни границы!

Слово вольного поэта
Не запрете вы в темнице —
Полетит оно по свету,
Полетит крылатой птицей!

Грусть, тоска со мною будут,
И от общества такого
Втрое крепче станет сила
Поэтического слова!

Если цепи и найдутся,
Чтоб мое сковали слово,
Звон их будет громче речи,
Громче языка любого.

От родимого народа
Не услышу я упрека
В день, когда в темницу вами
Буду брошен я жестоко! . .»

В тесной каменной темнице,
За решеткой долго жил он,
За народ без сожаленья
Тихо голову сложил он.

Но остались на свободе
Те потомки молодые,
Что в наследство получили
Эти песни огневые.

Наступил конец терпенью,
И убили графа люди.
Угнетенья и неволи,
Люди думали, не будет.

Но осталось от Бертольда
Молодое поколенье,
Юный граф принял в наследство
Гордость, золото, именья...

А борьба не прекратилась
До сих пор в родимом крае,
И сейчас она ведется —
Страшная и затяжная.

Живы графские потомки,
Всюду тюрьмы воздвигают,
А наследники поэта
Слово правды закаляют.

Слово правды призывает
Добывать на счастье право.
Беспощадна эта схватка,
Хоть она и не кровава!

И когда трубой победы
Боевая песня грянет —
Сказка старая замолкнет,
Правда новая настанет...

Киев, 12.XI.1893

ВИЛА-ПОСЕСТРА

Боже, то не дивное ли диво?
Не нашел юнак с кем побрататься,
Меж юнцов не встретил побратима,
Не нашел меж девушек посестры.
Вилу белую в горах он встретил,
Вилу белую с волшебным взглядом,
Обменялся с нею перначами.
Белое лицо ее целуя,
Руку ей пожал, назвал: «Посестра!» —
«Побратим!» — она ему сказала,
И они помчались вместе в горы.
Едут рядом по горе зеленой.
И промолвил побратим посестре:
«Вила, вила, милая посестра,
Видишь ли, что там внизу чернеет?
Воронье ли черное слетелось,
Или гору турки обступили?» —
«То не воронье внизу чернеет,
Это турки гору осаждают,
Осаждают, тучей окружают,
Скоро к нам со всех сторон подступят». —
«Вила, вила, милая посестра,
Убегай, пока жива, отсюда!
У тебя крылатый конь волшебный, —
Как взовьется — не догонят турки
На своих арабских иноходцах!» —
«Милый побратим, побойся бога!
Что за слово ты сейчас промолвил?
Разве я затем с тобой браталась,

Чтобы изменить тебе позорно?
Хочешь — убежим с тобою вместе, —
Сильный конь мой вынесет обоих».
Побратим тогда ответил гордо:
«Рыцарю бежать не подобает!»

Ничего тут вила не сказала,
Буйные коню связала крылья,
Чтоб один не вздумал вверх подняться,
А потом связала и поводья,
Чтобы кони врозь не разбежались:
«Это судьбы наши я связала».
Побратим упрашивает снова:
«Вила, вила, милая посестра,
Хоть и разум у тебя волшебный,
Все же сердце у тебя девичье, —
Если нас враги кругом обступят,
Как бы ты, сестра, не испугалась!»
Не сказала вила тут ни слова,
Только взгляд загадочный метнула,
Как пернач сверкающий и острый.
Что-то витязь вновь хотел сказать ей,
Но кругом их турки обступили,
Воронами хищными закаркав,
Юнака с посестрою схватили,
На спине хотят связать им руки,
Увести в турецкую неволю.
Но глядят они орлиным взглядом
И врагу в неволю не сдаются,
Хоть и знают, что уж нет спасенья, —
Не хотят оружия позорить.
Покарай ты, боже, янычара!
Он рассек коню на крыльях путы.
Конь, почуяв крылья на свободе,
Как шарахнется, как вверх взовьется,
Разорвал шелковые поводья,
И взлетел он с вилой к самым тучам.
Проклял тут юнак свою посестру:
«Пусть тебя господь накажет, вила,
Братское нарушила ты слово!

Пусть вовеки не узнает счастья
Тот, кто побратается с тобою!»
Золотой пернач юнак отбросил,
Надвое сломал кривую саблю:
«Сгинь, оружье, если гибнет верность!»
Видит вила гибель побратима,
Падает с высот стрелой из лука,
Да не на гору она упала —
На зеленую сосну в долину,
Зацепилась белым покрывалом,
Словно тучка, что сплыла с вершины.
Вила саблю острую хватает,
Белое срезает покрывало,
Будто серна, вверх она взбегает,
К своему юнаку-побратиму.
Добегает до поляны горной...
Горе, горе! — Ни следа не видно,
Только вся трава черна от крови.
Смотрит вила: скалы да обрывы.
Но какой дорогой скрылись турки
И куда девали побратима?
Жив ли он, иль душу отдал богу?
Зарыдала, закричала вила:
«Ой ты, конь, крылатое виденье!
Где ты там под тучами гуляешь?
Загубил ты душу побратима,
Помоги же отыскать мне тело!»
Кличет вила, и зовет, и свищет, —
Говорят в долинах люди: «Буря!»
Кличет вила, а сама блуждает
По горам, заглядывает в бездны —
Побратима своего все ищет.
Помутился с горя вещий разум,
И померк в печали взгляд волшебный —
Не узнать в ней прежней вилы белой.
Так не день, не два она блуждала,
Все коня из тучи выкликая,
Наконец, он зов ее услышал,
Прилетел из далей неизвестных
И упал на землю, словно пуля.

Закипело сердце вилы белой:
«Ой ты, конь, изменник ты проклятый!
Если бы тебя убить могла я,
Все бы мне на сердце легче стало!..»
Вещий конь тогда ответил виле:
«Госпожа, не проклинай напрасно.
Если б я тебя не вынес в небо,
Оба вы тогда бы в плен попались.
Не на то ты вилой уродилась,
Чтоб тебя вязали злые люди!»
Молча вила тут коня седлает,
А в груди змея как будто вьется...
Вещий конь ей говорит словами,
Госпожу свою он утешает:
«Госпожа моя, ты не печалься,
Не печалься, в горе не вдавайся,
Мы найдем с тобою побратима.
Если он живой — его спасешь ты,
Если мертвый — честно похоронишь.
И не будет между вас измены».
Молча вила на коня садится
И пускает по ветру поводья.
Конь под ней рванулся птицей вещей,
Где гора — орлом перелетает,
Мечет в бездну взгляд свой соколиный,
По долинам ласточкою вьется,
По-над городом летит совою,
Темень огненным пронзает взором.
Так три дня летели и три ночи
И в Стамбуле-граде опустились.
Вила здесь турчанкою оделась,
Попросту оделась, как крестьянка,
Улицами ходит, площадями,
Где идет невольников продажа,
Своего все ищет побратима:
Юношей встречается немало,
Да не видно побратима вилы...
Вот уж вила у палат султанских.
У султана белые палаты,
А под ними черные темницы,
Там в неволе пленники томятся,

Света солнца их глаза не видят.
Только ночь укроет все дороги,
Подойдет к стенам темницы вила,
Обволакивает все туманом,
Насылает крепкий сон на стражу.
Припадает ухом всюду к стенам,
Чтобы хоть единый звук услышать.
Вещий слух у вилы-чародейки,
Но молчит темница, как могила.
Лишь на третью ночь посестра слышит —
Кто-то тяжко застонал в темнице:
«Покарай, господь, посестру вилу!»
Как услышала те стоны вила:
«Горе мне! То голос побратима!»
Поясной кинжал снимает вила,
В стену бьет и твердый камень рушит,
Пробивает узенькую щелку,
Подает свой голос побратиму:
«Не кляни меня, любимый брат мой,
Вспомни бога со святым Иваном!
Я тебе не изменила, милый,
Предал нас обоих конь крылатый.
Враг ему рассек на крыльях путы —
Конь взлетел со мною к самой туче.
Видит бог — того я не хотела!
Вот стою я здесь у стен темницы,
Я пришла к тебе сюда на помощь».
Отозвался юный витязь виле:
«Что ж, спасибо, милая посестра,
Что пришла сюда ко мне на помощь.
Только жалко — поздно спохватилась,
Долго ж ты для турок наряжалась!»
Облилось тут кровью сердце вилы:
«Побратим, не гневайся напрасно!
Если б ты меня сейчас увидел,
Не сказал бы — вила наряжалась...»
Кротко виле побратим ответил:
«Что ж, давай помиримся, посестра.
Что прошло, то больше не вернется,
А меня спасать теперь уж поздно.
Вот спасибо — щелку прорубила,

Хоть увижу светлый луч в темнице,
Бог мою еще не принял душу.
Если б он ее скорее принял!
Верно, обо мне и смерть забыла».
И опять ему сказала вила:
«Побратим, к чему слова такие,
О живом живой и думать должен.
Стража спит, на улицах безлюдно.
Я окошко прорублю пошире,
Я спущу тебе покров свой белый,
По нему ко мне ты доберешься.
Только свистну — мигом конь примчится.
Будем мы в горах через минуту».
Побратим ей снова отозвался.
Говорит он, как ножами режет:
«Что прошло, того уж не воротишь,
Больше нет в горах мне прежней воли.
Тело мне ремнями переело.
И железо кости перегрызло,
А темница очи помутила,
Горький стыд повысушил мне сердце,
Что сломал я славное оружье
И живой попался в руки туркам.
Не мила и жизнь теперь мне стала,
Ни в темнице, ни на вольной воле!»
Отвечает вила побратиму,
Заклинает побратима богом:
«Я сама спущусь к тебе в темницу,
Все-таки спасу тебя оттуда:
Лишь бы только нам добраться в горы,
Я тебя там вылечу, мой милый,
Я недаром вила-чародейка,
Исцелю тебе любые раны».
Ничего не отвечает виле
Побратим и только тихо стонет:
«Жаль трудов твоих, посестра вила!
Не от славных ран я погибаю.
Подойди — и все сама увидишь,
И лечить меня ты не захочешь.
Если ты мне верная посестра,
Сделай мне последнюю услугу:

Жизнь мою возьми чем только хочешь,
Было бы оружие почетным,
Схорони ты страждущее тело,
Чтоб над ним злой враг не надругался.
Если просьбе ты моей откажешь,
У тебя предательское сердце».
Зарыдала, загрустила вила
И кукушкою закуковала:
«Что сказал ты, побратим любимый?
Подыму ли на тебя я руку?»
Тут невольник обратился к богу:
«Ты за что меня, господь, караешь?
Не дал ты мне, боже, побратима,
А послал в посестры эту вилу.
Вот теперь и помощи не вижу,
Слышу только жалобы девичьи.
У меня без них немало горя».
Тут ни слова не сказала вила,
Лишь махнула белым покрывалом.
Молния широкая блеснула,
Ослепила всех турецких стражей,
Все тюремные спалила двери,
Осветила путь посестры к брату.
Только раз на брата посмотрела
Вила белая — и сжалось сердце.
Перед ней лежал не юный витязь,
А старик совсем седой, как голубь,
Грубыми изрезанный ремнями,
А из ран просвечивают кости.
Он не встал навстречу виле белой,
Только тихо звякнул кандалами.
Вновь махнула вила покрывалом,
Осветила ясно всю темницу.
«Вот я здесь, взгляни на вилу, брат мой!»
Отозвался пленник еле слышно:
«Я не вижу — очи помутились!»
Сжала крепко грудь свою посестра,
Чтоб от муки сердце не порвалось,
Не могла она сказать ни слова,
Только еле слышно просвистела,
Чтоб к себе коня позвать скорее.

Мигом конь услышал тихий посвист,
Он уже в воротах бьет по камню.
На руки берет посестра брата
И перед собой в седло сажает.
Только не сидит он в нем, как рыцарь,
А дрожит и гнется, как ребенок.
Плача и стеная, вилу просит:
«Не неси меня, сестра, высоко!
Сердце ноет, жутко мне и тяжко!
Лучше ты оставь меня в темнице...»
Тихо, тихо вила отвечает,
Как из-под земли выходит голос:
«Побратим, прижмись ко мне покрепче,
Поддержу тебя я, ты не бойся».
Обняла посестра побратима,
Крепко левою рукой прижала,
Правой занесла кинжал блестящий
И вонзила так глубоко в сердце,
Что сразил бы он две жизни сразу,
Если б вила смертной уродилась.
Но осталась жить посестра вила,
Только сердце обагрилось кровью.
Конь почуял запах крови свежей,
Взвился вверх он искрою кровавой,
В горы дикие стрелой помчался
И в долине вдруг остановился.
Стал копать своим копытом землю,
Быстро яму черную он вырыл.
Вила белая с коня тут сходит,
Подымает вила побратима,
Пеленает белым покрывалом
И кладет на вечный сон в могилу.
Рядом с ним кинжал она хоронит,
Чтобы витязь не был безоружным.
Землю черную полою носит,
Высоко могилу насыпает,
И гора уже до неба встала.
Схоронила вила побратима,
На коня вскочила, закричала:
«Ой, неси меня, неси в просторы!
Горе давит! Сердцу стало тесно!»

Конь взлетел высоко, выше тучи —
Госпожу выносит на просторы.
Погребенья песнь заводит вила,
Люди говорят: «То гром весенний».
Вила слезы горькие роняет —
Люди говорят: «Весенний дождик».
Над горами радуги сияют,
По долинам оживают реки,
В горных долах травы буйно всходят,
И печаль заоблачная тихо
К нам на землю радостью спадает.

[1901]

ОДНО СЛОВО

Их было трое здесь, чужих людей;
Теперь их нет. Один тогда же умер,
Как только к нам приехал. Был он слаб,
Как девушка, и все дышал он жаром
И ничего не ел, лишь снег да лед,
И умер потому. Другой уехал
Невесть куда, на родину, быть может,
А может, дальше, — мы не разобрали,
Что он сказал. А третий здесь остался
И долго жил в избе — совсем один, —
Иначе не хотел. К нему, бывало,
И я, и сын, соседи заходили.
Придем к нему — он говорит: «Садитесь!»
(Бывало, так по-нашему и скажет —
И это слово и слова другие.)
И мы садились. Он поил нас чаем,
К огню пускал и так чего-нибудь
Давал, когда попросим, а случится,
Что ничего и нет, — мы так сидим:
Он смотрит в книжку, мы все — на него,
И долго так, пока не станет скучно.
А спать в избе не позволял с собою:
«Идите, скажет, буду спать один,
Один останусь», — и покажет палец —
Один, вот так один в избе он будет.
А кто уйти не хочет, он за плечи
Возьмет его и выведет за дверь.
Не бил, а выводил нас; он ни разу
Не бил нас. А рассердится, тогда
Кричал, ногами топал, что-то много

Все говорил по-своему, но мы
Его не понимали. Иногда
Сердился почему-то наш «чужой», —
Его не разберешь... Но все ж был добрый,
Не то, что наш тойон! Мы говорили:
«Он, может, глупый, потому и добрый?»
Но разве глупый в книжках понимает?
Он знал, откуда и куда идет
Река и кто чем болен, кто умрет,
Кто выздоровеет. Он знал о многом,
О чем не знает глупый. Мы, бывало,
Все спрашивали: умный ли он, все ли
У них такие? Он смеялся только,
Не отвечал иль не умел ответить,
А может, не хотел. Потом он мог
И говорить по-нашему и наши
Петь песни научился. Смотрит в книжку,
Что сделал сам, и песни напевает,
Как мы когда-то пели, слово в слово.
А невода тянуть, капканы ставить
Не научился он, как ни хотел.
Мороза он боялся. Редко-редко
На холод выходил. Тогда лишь только,
Когда был всполох виден, выходил он,
Он любовался им и на морозе —
В их стороне такого не бывает.
В их стороне зимою светит солнце,
И что-то там растет, чего здесь нет,
И что-то есть еще, чего не знаем.
Он обо всем хотел нам рассказать.
Но здесь никак все это не зовется,
Сказал «чужой» — нет слов у нас таких!
Он говорил по-своему слова.
Как звать и то и се, я знал тогда,
Теперь забыл, теперь уже я стар,
Тогда еще был молод. И «чужой»
Был молодым, а борода большая...
Еще пока здоров был, борода
Была поменьше, а как захворал —
То выросла она по самый пояс,
Как будто в сказке... Наши не такие!

Он говорил, что болен оттого,
Что в стороне живет чужой. Кто знает?
Он ел, и пил, и спал — все как здоровый.
Хоть не болел ничем, а похудел!
Сначала все лежал, смотрел на стену,
Ни с кем не говорил и выгонял,
Того, кто заходил к нему. Потом
Он сам зашел однажды к нам. И много
Нам говорил и песни пел свои —
Все о таком, чего у нас не встретишь.
Мы слушали, а после все уснули.
Проснулись мы — он плачет. Мы спросили:
«Обидел кто тебя?» — «Нет», — он ответил.
Так и пошел и больше не вернулся.
А мы к «чужому» часто приходили,
Когда лежал он. Он уж не был злым
И никого не выгонял и только
Порою плакал и смеялся вместе,
И все одно какое-то там слово
Хотел сказать нам так, чтобы понятным
Оно нам стало, думал — будет легче,
Когда расскажет. Мы не разобрали:
О чем он говорил, того здесь нет.
Он говорил, что если б то, одно,
Ему кто дал, то он бы стал здоров.
Мы спрашивали, что это — растенье
Или еда, одежда, зверь иль птица?
Сказал, что нет! Раз мой отец спросил:
«А если б мать, отец с тобою были,
Брат иль сестра, или жена, — тогда б,
Наверно, ты здоров был, — это их
Здесь нет — не их ли так зовут у вас,
Как не зовется здесь никто?» Подумав,
В ответ он головою покачал
И говорит: «Нет, больше б тосковал я,
Когда б они в пустыне этой были,
Когда бы и они так пропадали,
Как я здесь пропадаю». И отец
Спросил его: «А в вашей стороне
Есть много этого?» Он вновь подумал,
И стали у него глаза такие,

Как у оленя, что на стуже плачет.
«Нет, говорит, у нас его немного,
Мы больше мучимся, чтобы его добыть,
Чем радуемся этому; но все же
Порой нам кажется, что мы имеем
Хоть капельку или вот-вот достанем,
Порою забываем мы о нем.
Но мы хоть все-таки живем... Ну, я не знаю,
Как там по-вашему... Не так, как тут живут!»
На это я сказал: «Да ведь у вас
И пищи больше и всего». — «Не то, —
Сказал «чужой», — я вовсе не о том.
Вот если кто из юрты выйти хочет,
А тут его не пустят, да привяжут, —
То, как по-вашему, где он сидит?» —
«Конечно, в юрте», — все мы закричали.
«А если бы не в юрте, а в другом
Каком-то месте, где он сам не хочет, —
То как назвать?» Тут мы не угадали.
Один сказал: «В лесу», другие: «В поле»,
Всё без толку, не то. А я молчал:
Зачем и говорить, когда не знаешь?
«Чужой» опять заговорил: «Ну, ладно,
А как зовется это, если птица
Есть у кого, что долго не летала,
И если тот ее летать отпустит,
Куда он выпустит ее?» Мы говорили:
Кто — «в поле», кто — «в тайгу», а кто — «на снег».
Он рассердился и меня спросил:
«Ну вот, когда тебя тойон посадит
В холодную...» — «За что меня посадит?
Все заплатил я!» — говорю «чужому»
И рассердился сам. Он засмеялся:
«Ну, не тебя — еще кого-нибудь,
То что́ ему всего там тяжелее:
Что не дают ему ни пить, ни есть,
Иль то, что родственников нет в холодной,
Иль что домой его не отпускают
И делать не дают, что он захочет?» —
«Да как кому, кто что и больше любит», —
Сказал отец. «Чужой» повеселел

(Не знаю, почему). И вновь спросил он:
«Вот если любит кто, чтобы пускали
Ходить повсюду, делать все, что хочешь, —
То как сказать, чтó любит он? Но только
Одним сказать лишь словом? Ну, кто скажет? —
Сказали мы: кто — «делать», кто — «ходить»,
А кто — «не знаю». Сморщился «чужой».
«Нет, говорит, не то, не знаю слова.
Ну, я вам так без слова расскажу,
Вы только лучше слушайте!» — «Ну ладно», —
Сказали мы, хоть нам уж надоело,
Но было жаль «чужого»: он больной.
Стал говорить он: «Лучше для меня бы,
Когда ходить повсюду было б можно
И делать все. Вот этого и нет».
Мы засмеялись: выдумал «чужой»!
Ходил он всюду, где и мы ходили,
Сам разве не хотел, когда мороз;
А то ходил за рыбой, на охоту,
И раз далеко ездил он к «чужим»,
К тойону ездил, да и к нам ходил,
Везде бывал и что хотел, то делал;
Смотрел он в книжку, сам он делал книжки,
И шил, и чай варил, ел что хотел,
Что было: ведь никто не отнимал!
«Кто ж не дает тебе ходить, работать? —
Я говорю. — Не мы?» — «Да нет, не вы!» —
«Тойон? Так он когда еще приедет!
А ты тем временем везде ходи
И делай все, что хочешь! Мы не скажем
Тойону». — «Тех тойонов очень много,
Не только ваш один», — сказал «чужой».
«Так те живут далеко, не приедут
Они совсем сюда, ты их не бойся,
Ведь не узнают!» — говорим «чужому».
А он махнул рукой: «Что говорить вам!
Не знаете! Куда я здесь пойду?
И что смогу я сделать в ваших дебрях?
Я не могу совсем от вас уехать,
Нет у меня здесь... эх, не знаю слова!»
И как умолк «чужой», то так до ночи

И просидел и нам не отозвался.
Не знаю до сих пор, что с ним случилось,
Что злой такой он в этот вечер был.
Зачем ему какое-то там слово?
Ну, нет и нет! Ведь много было слов
В той книжке у него — и говорил бы
Себе, как хочется, а мы не знаем,
У нас и книжек нет и мало слов.
Да, о «чужом» всего не досказал я.
Так, знаете, он умер! Все ходил я
К нему. И вот однажды я пришел,
Спросил я, отчего он умирает:
От стужи или от какой болезни,
Не перенял ли от кого заразу?
(Так о других порой он говорил,
Когда кто умирал). «Ведь ты же умный,
Знал о других, так знай и о себе!»
А он мне отвечал: «Я умираю
Из-за того, чему здесь нет названья,
Хоть есть его без меры в вашем крае.
А то, что оживить меня могло бы,
Не называется никак, нет слова,
Но нет и самого его у вас.
Когда б хоть слово было, может, я
И жил бы с вами...» И «чужой» заплакал,
Сказав о том, и я заплакал с ним.
Ведь было жаль «чужого» — добрый был!
А слово то сказал мне раз «чужой»
По-своему, но я его забыл.
Оно чужое, что им называть нам!
Не нужно нам оно! «Чужим» вот нужно.
Сказал «чужой», что так вот умирает
Не он один, еще умрет немало...
Уж мы им говорили б это слово,
Когда кто из «чужих» так заболеет,
Но что же, если нет его у нас!
Зачем оно, что значит это слово?
То, может быть, заклятье или чары,
Что без него и люди умирают...

1903

ИЗОЛЬДА БЕЛОРУКАЯ[1]

1

Тристан, в лесу блуждая,
Ловил зеленый шум,
Хотел ему поведать
Тоску любовных дум.

Качает ли березу
Приветный ветерок
Он тотчас вспоминает
Изольды голосок.

Проглянут ли сквозь ветки,
Синея, небеса —
Он вспоминает грустно
Изольдины глаза.

В отчаянье из чащи
Выходит он — и вот
Над рожью золотою
Звенящий зной плывет.

---

[1] Основой для этой поэмы послужил средневековый роман «Тристан и Изольда», который был широко распространен во многих вариантах, на разных языках, во всех европейских — в том числе и славянских — странах. Содержание романа — роковая и несчастная любовь рыцаря вассала Тристана к королеве Изольде Златокудрой. Любовь возникает внезапно — от волшебного напитка, выпитого ошибочно. В некоторых вариантах упоминается также и вторая Изольда — Изольда Белорукая, которую Тристан любил во время разлуки с первой возлюбленной Изольдой Златокудрой. *(Прим. Леси Украинки.)*

И он о Златокудрой
Изольде вспомнил вновь,
Упал в траву и плачет.
О, горькая любовь!

Пришла на поле жница,
Свою межу нашла,
Услышала рыданье
И ближе подошла.

Судьбою необорной
Была ее краса,
И черною печалью
Была ее коса.

Был сумрачен и грустен
Ее горящий взгляд.
Забудет рай небесный,
Кто взглянет в этот ад.

У девушки той голос,
Как будто скрипки зов,
Что собирает мертвых
На танец из гробов.

И вывела Тристана
Она из темных грез
Движеньем рук лилейных,
Умильным током слез.

Спросил он: «Как зовешься,
Скажи, коль тайны нет?» —
«Изольдой Белорукой», —
Он услыхал ответ.

«Единственное имя
В юдоли и в раю!
Изольда, ах, Изольда!
Прими любовь мою!»

II

«Так нежно меня ты ласкал,
Возлюбленный, милый:
Так в очи печально смотрел, —
Мне сердце щемило.

Ты губы мои целовал
И белые руки,
И слезы на косы текли
От счастья и муки.

Шептал ты недавно еще
Так пылко и страстно,
Зачем же, зачем же ты глух
На зов мой напрасный?»

«Изольда! Изольда моя!
В очах твоих черных
Хотел бы я видеть лазурь
Обителей горних.

Изольда! Изольда моя!
Когда бы волною
Твоя золотилась коса,
Как поле ржаное!

Твой голос, Изольда моя,
Порывист, мятежен.
Когда б он, как шелест берез,
Был ласков и нежен!»

«Не стоит о том горевать
И плакать Тристану!
У матери крестной я все,
Что хочешь, достану.

Моргана ведь крестная мне.
Поможет мне фея...» —
«Беги же, Изольда, беги
К Моргане скорее!»

III

«Ах, крестная, фея Моргана,
Мою измени красоту!
Хочу быть светла и прекрасна,
Как ангелы в божьем саду».

«Нет, крестница, дочка Изольда!
Я прелесть твою создала
Еще в колыбели, младенцу
Подарок живой принесла.

Ведь в прелести гордой, Изольда,
Земное твое торжество. . .» —
«Печален и темен мой облик —
Мой милый рыдал от него.

Дай золота мне и лазури,
Хочу быть светла и ясна,
Чтоб милый смотрел улыбаясь,
Как весело блещет весна!»

«Ну, что ж, моя дочка Изольда!
У солнца ведь золото есть,
Морскую попросим русалку
Осколок лазури принесть».

«Позволь еще, крестная фея,
Чтоб нежен был мой голосок,
Чтоб милый, заслушавшись песен,
От них оторваться не мог».

«Нежнее, чем листья березы,
Волшебная прялка шумит,
И каждый в том звуке услышит,
Что сердце людское томит.

Что хочешь, любимая дочка,
Тебе измененным даю.
Одно изменить я не в силах —
Не трону я душу твою».

IV

Опять в ночном лесу Тристан
Сам-друг с былою мукой
И ждет как бу́дто и не ждет
Изольды Белорукой.

Вспорхнула пташка ли в кустах,
Иль ветерок пронесся —
Внезапно встретился Тристан
С Изольдой Златокосой.

Все те же очи и коса,
И тот же голос милый...
Душа Тристана в небеса,
Ликуя, воспарила!

«Привет, единая моя!
Привет, моя царица!
Из-за́ моря ли приплыла
Сегодня, чаровница?

Как отпустил тебя одну
Твой муж, король проклятый?
Иль для Тристана своего
Убить его смогла ты?

Но где же кубок золотой,
Где зелье колдовское?
Охотно выпью все до дна,
Не надо мне покоя!

Напиток нам зальет печаль,
Рожденную разлукой». —
«Тристан! Ужель не помнишь ты
Изольды Белорукой?»

«Она забыта навсегда,
Как тень минувшей ночи». —
«А что, Тристан, когда забыть
Она тебя не хочет?»

«Пускай идет в Ерусалим
Босой, простоволосой!
Теперь я встретился с тобой,
С Изольдой Златокосой!»

«Тяжки грехи твои, Тристан.
Их тьма неумолима!
Ты им прощенья не найдешь
В стенах Ерусалима».

«С тобой, любимая, готов
Идти на смерть и муки!» —
«Тристан, довольно праздных слов,
Смотри на эти руки!

Ты помнишь ли, кого послал
Сегодня в грот Морганы?
Куда теперь меня пошлешь
С моей сердечной раной?

Пускай исчезла тьма очей.
Зато душа темнее,
Чем черный камень гробовой,
Мне не расстаться с нею.

Пускай же вновь моя коса
Цвет траурный наденет!
Пускай же мне печали цвет
До гроба не изменит».

V

Тристан, как ребенок, ослаб,
На сердце кручина.
Ему не помогут теперь
Все чары Мерлина.

А фея Урганда ему
Промолвила мудро:
«Изольде тебя излечить
Одной — Златокудрой.

От смерти она отвратит,
Спасет от недуга».
Он слышит и за море шлет
Любимого друга.

И другу дает он наказ:
«Воротишься с милой —
Ты белое на корабле
Поставишь ветрило.

А нет — черный парус поставь,
И мне бы хотелось,
Чтоб он, словно саван, потом
Укрыл мое тело».

VI

«Ступай же, Белорукая, на берег,
Прошу тебя, молю тебя, иди!
Там есть утес, высокая стремнина,
Взойди на кручу, в море погляди,

Где ветер гонит северные волны.
Вернись скорей и расскажи о том,
В тумане нет ли белого ветрила
На горизонте дальнем и седом».

И молча Белорукая Изольда
Взошла на кручу и глядит в туман...
Ах, что белеет — парус ли далекий,
Иль это гребня пенного обман?

Она вернулась, и спросил он жадно:
«Что там вдали, видны ли паруса?» —
«Маячит чей-то парус на просторе...» —
«Он бел?» — «Он черен, как моя коса».

И вмиг душа Тристана обрывает
Нить ожиданья, горя не тая,
И легкокрылой птицею несется
Далеко, в неизвестные края...
. . . . . .

«За мною, Златокудрая Изольда!
Тебя давно Тристан твой верный ждет.
Не бойся в этих скалах заблудиться, —
Изольда Белорукая ведет.

— Мы две сестры. Нас имя породнило,
Как две зари: я — вечер, ты — рассвет;
Мы запылали заревом единым.
Так суждено, и в этом чуда нет.

Однажды в жизни светлый час недолгий,
Как и тебе, мне был судьбою дан...» —
«Сестра моя! Страшит меня твой голос!
Скажи всю правду! Умер мой Тристан?!»

«Пусть, Златокудрая, господь рассудит,
Чьим был Тристан, твоим или моим,
Но все-таки склониться в час кончины
Досталось мне, а не тебе над ним.

Не подняла ты черного ветрила,
Не траурна — светла твоя краса,
Но милый в гроб не ляжет без покрова —
Его покроет черная коса».

21.VII.1912, К[утаис]

ЛЕГЕНДЫ

ПРОКЛЯТИЯ РАХИЛИ

(Апокриф)

> «Глас в Раме слышен, плач, и рыданье, и вопль великий: Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет».
>
> *(Евангелие, Матф. II, 18)*

На свет явилось новое светило
Во Вифлееме, в маленьком селе,
И новая заря все небо озарила,
Чтоб мог бы стар и млад, все люди на земле,
Найти дорогу к своему Мессии,
К младенцу бедной девушки Марии.
Пришли волхвы поклон ему отдать,
Цари и пастухи сошлись в жилье убогом,
Где на руках держала сына мать
С улыбкой радости, с волненьем и тревогой,
С той светлой гордостью, которой мать любая
Всегда полна, дитя свое качая.
Ведь каждой матери дитя ее — Мессия,
Мечта ожившая, надежды золотые.
О матери! Стократ счастливей вы,
Когда о вашем детище едином
Не думают цари и мудрые волхвы,
А новая звезда не ослепляет сына;
Тогда не надобно бросать свой дом несчастный,
Тайком бежать в безвестность, в дальний край,
Чтобы спасти от гибели ужасной
Свое дитя, свой несказáнный рай,
Так, как Мария бедная бежала
С единственным сокровищем своим,
Которому от тех опасность угрожала,
Кто жаждал погасить огонь, грозивший им.

Семья, собравшись к ночи, поспешила
Уйти украдкою, чуть шум в селе затих.
В пустыню их звезда сама сопроводила,
Отряды ангелов оберегали их.
Безлюдный путь белел. Изгнанники шагали
Песчаною тропой, унылой и слепой,
Над ними крылья ангелов сверкали,
А горизонт закрыт был плотной тьмой...

...Мессию ищет Иродова стая.
Как по весне вода, повсюду льется кровь,
И дети падают на землю, умирая,
Как падает роса с деревьев и цветов.
Подняв стенанья, плач и крик великий,
Рыданьям Иудея предалась.
В Шеоле горестном бушует гомон дикий
И древняя Рахиль из гроба поднялась.
О детях умерших она рыдает,
Как привиденье, к трупам припадает,
Проклятья, стоны, что пожара дым,
Взвились до неба. Внял им Элойим
И ангела-посла немедля шлет к Рахили,
И с неба Серафим летит стрелы быстрей...
Два белые крыла все небо заслонили,
Когда торжественно склонился он над ней.

Серафим

Оставь, родная матерь, не рыдай.
Сияют нам надежды золотые,
Как новая звезда. Рахиль, узнай!
К нам из Египта явится Мессия.
Возвеселись, Рахиль! Израиль оживет.
Мессия новый свет Израилю несет.

Рахиль

Нет, нет веселья мне, коль правды нет на свете!
О Серафим! У вас на небесах
Не плачут матери, не умирают дети
И вам неведом смерти страх.

Мессия? Что ему до горя и неволи!
Он царь земли, бессмертный божий сын.
А из моих детей, погибнувших в Шеоле,
Не встанет, не вернется ни один.
Уже никто их вызволить не может.
Холодный, тяжкий сон налег на сердце им...
Ягве! О бог Ягве! Великий Елогим!
О грозный Адонай, могучий боже!
Чтоб крепче отомстить, к тебе я обращаюсь,
Я, оскорбленная, тебе молюсь.
По страждущей земле разлились крови реки.
Бурлив ее поток и хлещет вновь и вновь.
Четырнадцать колен не смогут смыть вовеки
Пролитую безвинно кровь.
Гляди! Ее теперь пролили море, море,
И только для того, чтоб был живым один.
За кровь детей моих, за эту бездну горя
Пускай заплатит он — Марии сын!
А если нет — на страшный суд приду я,
В Иосафатовой долине встану я
И перед всей землей воскликну негодуя:
Себя суди, неправый судия!

...Бледнел от боли ясный Серафим
И вдруг исчез, не вымолвив ни слова,
Закрыв лицо крылом сияющим своим...
Рахиль стояла просто и сурово,
Как столп могильный. Трепетная мгла
Сгущалась грозно под звездой востока,
Что над землей лучи свои лила
И равнодушно и жестоко.
Дрожа от ненависти, глянула Рахиль,
Два кулака подняв над головою:
«Гори, проклятая звезда, на сотни миль
И путь Марии освещай собою.
Мария, радуйся! Твой сын, твоя любовь,
Спасен от гибели. Но грянет час ужасный,
И так погибнет он, ребенок твой злосчастный,
Как все мои малютки. Кровь за кровь!»

И тень ее исчезла из Шеола,
Но долго скорбный крик витал в бескрайнем поле...
К Марии, чей ребенок мирно спал,
Тот крик домчали ветра волны,
И сын ее сквозь сон внезапно задрожал,
Мария подняла̀ свой взгляд, мечтами полный,
К звезде, что в небесах едва-едва блестела,
А зарево зари, как кровью, пламенело.

[1898]

ЕГИПЕТСКИЕ ФАНТАЗИИ

I

СФИНКС

Давным-давно под солнцем полуденным
Среди немой пустыни беспредельной
И безысходно-мертвого простора
В душе раба, что в злой неволе вырос,
Вдруг родилась мечта и овладела
Своим творцом уверенно и сильно,
Сильней, чем власть могучих фараонов,
И принести ему велела камень
С горячих скал из Либии пустынной,
И вытесать из камня изваянье —
Загадку вечную векам грядущим.

И начал раб тесать горячий камень,
И все вокруг пылало в час творенья:
И небо, и земля, и камень, и резец,
И сердце мастера; и огненной золою
Из-под резца летели прочь осколки.
И, наконец, над знойными песками
Созданье встало, как живое чудо, —
То тело льва лениво распростерлось,
Как бы жарой придавленное в полдень,
И человечья голова загадкой
Вздымалась гордо и смотрела прямо
Окаменевшим взглядом пред собою,
А на губах была улыбка злая.

Взгляд и улыбка та страшнее были
Убийственного солнца над пустыней.
И то созданье людям стало богом.
Ему веками возводились храмы
С колоннами, и жертвы приносили
Украшенные лотосами барки;
О нем слагали смутные легенды,
Густым, кровавым крашенные цветом,
И пели песни в честь его поэты,
И пирамиды книг нагромождали
Ученые, чтоб разгадать загадку
Очей таинственных и злобных уст.
А в книгах имена перечислялись
Того созданья: Солнце, Правда, Счастье,
Жизнь и Любовь и многие другие:
Но лучше всех пристало слово: Сфинкс —
Таинственное, как само созданье.

24 VII.1900, Зеленый Гай

II

РА-МЕНЕИС

Дочь фараонова Ра-Менеис была гордой царицей.
Так хороша и страшна, как Урея, змея золотая,
Что обвивала собою венец двух Египтов.
Как из алмаза чело ее было, а очи — из темных рубинов.
Нравом царица была, словно Нила коварные воды,
Что вытекают из тайных ключей, никому не известных;
Власть у царицы была, словно Африки знойное солнце,
Как могучий самум, засыпающий даже руины.
Весь Египет стонал, как могучий колосс над пустыней,
Тяжкою властью томясь царственной Ра-Менеис:
Он порой шевелился, как лев, что цепями прикован,
Глухо рычал иногда, как подземный огонь,
Крепко придавленный гнетом горы каменистой.
Стоило ж только народу увидеть царицу
С гордым, как будто алмазным челом, и как только

В темных карих очах начинали искриться рубины,
Мигом лев тот народный царице к ногам припадал,
С улыбкою сфинкса царица ему наступала на шею.
Ра-Менеис даже в храме хотела быть равной богам.
Изваянья богинь по ее изваялись подобью,
И мастера поселили возле Египта в пустыне
Толпы колоссов, похожих на гордую Ра-Менеис.
И не осталось единой струны на египетских арфах,
Что не звучала б хвалой полновластной царице Египта.
Строила Ра-Менеис для себя пирамиду в пустыне —
Больше легло там людей, чем камней раскаленных под солнцем.
Но не успела еще заостриться вверху пирамида,
Как над Египтом осталось одно только солнце на небе:
Ра-Менеис на пурпурное ложе легла и не встала.
Тихо лежала царица в свивальниках, полных бальзама,
С бледным лицом золотистым, как будто из кости слоновой.
А над челом, как и прежде, сияла корона,
Двух Египтов венец, и змея золотая Урея...

Ра-Менеис положили в высокую красную барку,
И понесли ее, тихо качая, все дальше и дальше
Мутные воды священного желтого Нила.
В белых одеждах жрецы на серебряных систрах [1] играли,
Черные женщины, плачем великим рыдая,
Платья свои разрывали и ранили тело до крови;
Красные капли густые падали в желтую воду;
Арфы печально рыдали, египтянки жалобно пели,
Лотоса цвет голубой к земле, увядая, склонялся.
И плыла эта красная барка, как солнце, на запад.
Но как только на берег песчаный, где были видны издалека
Царские горы-могилы, вынесли тело царицы,
Встал на дороге народ. Видел лев, что разорваны цепи.

---

[1] *Систр* — музыкальный инструмент в древнем Египте, подобен Triangolo наших оркестров. *(Прим. Леси Украинки.)*

Белых жрецов разогнал, утопил чернокожих
невольниц,
Лотоса цвет растоптал и предал сожжению барку,
Тело царицы забросил далеко в пустыню, в пески.
Год за годом ей вихри могилу сыпучую там возводили,
Солнце палящий бальзам на умершую дочь проливало.

Время шло, пронеслись над Египтом века за веками.
Уж могилы царей превращаться в развалины стали,
Уж царей имена предавались в народе забвенью,
Разрушать стали руки безбожных гробницы и храмы,
И как только рука, или воздух, иль солнце касались
Тысячелетнего трупа, он, словно пыль, рассыпался.
И смеялись потомки тогда, что и мумии предков не
вечны...

Как-то к северу шел караван, чтоб отправить за море
Драгоценную кладь из руин фараонов забытых.
Саркофаг впереди возвышался пустой и огромный;
Черный камень на солнце блестел раскаленною
бронзой,
Еле двигали десять верблюдов тот груз накаленный.
Вдруг человек, погонявший верблюдов, споткнулся,
Вниз посмотрел и отпрянул, ужаленный страхом, —
Он головку змеи у себя под ногами увидел,
И в глазах ее красные искры пылали на солнце.
«Ля илляга! — сказал ему шейх каравана. —
Не пугайся ее: правоверным она не опасна.
Видишь, она золотая, глаза ж у нее из рубинов».

Стал поднимать он руками с земли ту змею золотую,
Но неожиданно вслед за змеей поднялась над песками,
С мертвым лицом и с двойною короной Египта,
Ра-Менеис поднялась, нетленная в смерти, царица.
И казалось, что взгляд ее тайный скрывают недвижные
веки
И злая улыбка дрожит на устах ее бледных.
И застыли погонщики перед нетленной царицей,
Только шейх правоверный остался, как прежде,
спокоен,
Никогда не боялся он женщин живых или мертвых,

Только привык он оценивать их на базарах.
«Нет цены в нашем крае, — подумал он, — женщине этой;
Значит, безумные джавры заплатят безумные деньги».
И приказал ту царицу с песка он поднять осторожно,
Положить в саркофаг и не грабить камней самоцветных.
Царским ложем гробница тяжелая стала казаться,
Чуть заблистала над нею змея золотая Урея.
Но опустилась со скрежетом крышка из камня,
Скрылась навеки царица от ясного солнца пустыни...
Дальше песками сыпучими к морю пошел караван.
Без приключений он прибыл в порт многолюдный и шумный.
Шейх не ошибся в расчетах: и вправду безумные джавры
Деньги безумные дали за мертвое тело царицы
И повезли ее вдаль, через море, на север.
В северном крае далеком, в том городе вьюг и туманов,
Где так стремительна жизнь, как холодная горная речка,
Храм для богов всего мира поставили севера люди.
Он же гробницею был для всего, что когда-то царило,
Только уж не были боги богами, а все неживое
Там потеряло навеки надежду воскреснуть для жизни.
В этот храм положить захотели гордую Ра-Менеис.

Плыл, пробиваясь сквозь волны, корабль и ночами и днями,
Выдержал бури, не сбился в тумане с дороги,
В море он штиль переждал, миновал все подводные скалы,
Дальше и дальше все мчался, пронизанный ветром холодным.
И чем дальше на север плыла неживая царица,
Тем холодней становилась гробница, нагретая солнцем,
И выступали по черному камню соленые слезы.
И привезли саркофаг к преддверию нового храма;
Был он холодный, тяжелый, как льдина на северном море;

Подняли руки рабов его белых, чтоб в храм отнести и поставить,
Но удержать не могли — он упал, и земля застонала.
Десять рабов искалечил и надвое сам раскололся.
Горе! То ложе разбилось царственной Ра-Менеис.
И друг другу промолвили новых времен фараоны,
Те, что безумной ценой за нее заплатили арабам:
«Пусть этот гроб раскололся, но наша царица осталась,
Тысячелетья прошли, но она и сейчас неизменна,
Наша царица прекрасная, гордая Ра-Менеис», —
И приоткрыли разбитую крышку того саркофага.
Что же там было? Остатки сьивальников тонких, тугих от бальзама,
Желтые кости, покрытые влажною пылью,
Черные пряди волос; между прядями теми
Матовым блеском сияла двойная корона Египта,
Рубинами глаз полыхала змея золотая Урея.

Холод жестокий безжалостен был к той нетленной царице,
Что пролежала века под египетским солнцем палящим,
Черпая в волнах лучистых свою красоту и бессмертье.
Ра, бог полдневного солнца, в полуночном крае не правил,
Правил там холод свирепый и едкая сырость туманов.
В землю навеки вернулась гордая Ра-Менеис.

25.VII.1900, Зеленый Гай

САУЛ

(Монолог)

В библии сказано: «. .А от Саула отступил дух господень и возмущал его злой дух от господа И бывало, как только дух лукавый находил на Саула, то Давид, взяв гусли, играл — и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него.

Когда они (воины) шли, при возвращении Давида с победы над филистимлянином, то женщины из всех городов израильских выходили навстречу Саулу царю, с пением и плясками, с торжественными тимпанами и кимвалами И восклицали игравшие женщины, говоря «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч! » И с того дня и потом подозрительно смотрел Саул на Давида И было на другой день: напал злой дух от бога на Саула, и он бесновался в доме своем, а Давид играл рукою своею на струнах, как и в другие дни, в руке у Саула было копье И бросил Саул копье, подумав пригвоздю Давида к стене, но Давид два раза уклонился от него.

(Книга Царств, I, гл. 16, ст. 14, 23; гл. 18. ст 6—7, 9—11)

Играй, мой мальчик, пусть рыдает арфа
И струны, словно плакальщицы, стонут,
Я сам себя оплакать не могу,
Нет больше слез Так пусть рыдает арфа —
Пусть неоплаканным я не останусь.

Играй, мой мальчик! Пусть рыданье арфы
Заглушит в сердце вопли голосов
Пророческих, призывных, неспокойных...
О! Не на счастье стал Саул пророком,
Господь его карает вещим духом!

Саул не знает страха среди боя, —
Кто видел, чтоб рука его дрожала,
Чтоб он бледнел и отступал в сраженье?

Приди же и взгляни, как среди ночи
Блуждаю я в своих покоях царских,
Безлюдных, темных, и вздымаю руки.
И голову безумную сжимаю,
Бледнею и дрожу и падаю на землю,
И перед мыслями своими отступаю,
И слов своих пророческих пугаюсь...
То не мои слова — то дух лукавый
Вещает мне через мои уста,
Что должен я... Не слушай же, играй,
Не допусти, чтоб вновь я стал пророком.

Играй, играй, не глядя мне в лицо.
Хоть черные глаза твои спокойны,
Но что-то я враждебное в них вижу...
За что же ненавидишь ты меня?
Иль виноват я в чем перед тобой?
Не говори, не говори ни слова!
Не я спросил тебя, то дух лукавый...
О, зачаруй его, заворожи!
Против него бессильны все заклятья,
Но в музыке сокрыта божья сила.
Не громко — нежно, ласково играй,
Пусть твой напев звучит, как ручеек,
Что тихо, нежно точит камень твердый.
На сердце у меня тяжелый камень,
Пусть твой напев его подточит, сбросив
В провал забвения...
Мой милый мальчик,
В тот час, когда так сладко напевают
Мне тонких струн серебряные звоны,
Я голосам пророческим не верю,
Не верю я твоим враждебным взглядам.
Нет, так играющий не может ненавидеть.
Да и за что б меня ты ненавидел?
Что значат все великие победы
Против движенья юных рук твоих?

Умел людей я побеждать — и только,
Ты побеждаешь духа самого.

Завидуешь ли ты короне этой,
Иль скипетру, иль багрянице? Мальчик,
Поверь ты мне, без них я был счастливей
И лучше был в те дни, как пас отары
Среди отеческих лугов зеленых.
В те дни мой стан высокий не сгибался,
Не омрачался взгляд веселый мой,
И был я прост и сердцем и душою.
Увы! Кто мог подумать, что пророком
Когда-нибудь Саул безвестный станет?

Так, так играй! Пусть плачущая арфа
Звучит легонько. Это — как звоночки
Моих отар... Как горные потоки...
Я стал уж забывать их шум любимый.
Я во дворце иные слышу звуки,
А в горы выхожу я лишь на бой;
Тогда не слышно, как шумят потоки,
Их заглушает дикий лязг оружья
И клич военных труб...
О, что за звук?
Я слышать не хочу военной песни!
Я не хочу! Постой! Не спорь! Я знаю,
За что так ненавидишь ты меня.
Не вспомнил ли, что был я пастухом
И стал царем, а ты пастух и ныне?
Не вспомнил ли, как в славном поединке
Ты филистимлянина сбил пращою?
Ребенок ты — ребячье и оружье!
Хотел ты, может, в воробья попасть,
Но дал господь — попал ты в Голиафа.
О, что за взгляд! Как камень из пращи!
Так вот за что меня ты ненавидишь:
Что не оружьем ты понравился Саулу,
А только арфою, что я тебя держу
Не только поневоле, ты ведь сам

Святым огнем горишь, когда играешь
Перед царем безумным. Жаль тебе
Того, кого врагом своим считаешь.
Но так тебя я музыкой твоею
Сковал, связал, как бы железным путом.
Я царь не только тела, но души,
Души твоей, черноволосый мальчик!
И ты восстать против меня не можешь!

Что ты опять так смотришь на меня?
Зачем твой взгляд коварен, как отрава?
Ты, может быть, со мной бороться хочешь
Отравою? О, не дождешься, нет!
Эй, где мое копье? Прибью тебя к стене,
Проклятая ехидна!..
Мой ребенок,
Что это — я убил тебя? Нет, нет, копье
Тебя не зацепило... Боже правый,
Какой же я несчастный и безумный!..
Рабы, возьмите этого певца
И наградите — пусть идет домой, —
Играть он больше никогда не будет!

. . . . . .

Играть он будет, но не в этих стенах!
А может быть, и здесь, когда на троне сядет.
О Адонай! За что меня караешь
Пророческою силой и надежду,
Последнюю защиту, отнимаешь?
О Адонай!
Ребенок мой любимый!
Мой мальчик ласковый! Откликнись! Где ты?
Ужель никто, никто мне не поможет?

18.XI.1900

ЛЕГЕНДЫ

I

КРАСНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Ты в легендах стародавних
Справедливости не сыщешь.
Там ведется речь про жертвы
Да кровавые деянья.

В тех легендах мы читаем,
Как лечили детской кровью
Раны тяжкие на теле
Бедняка, седого деда,

Как однажды крестоносца
От проказы сарацинской
Девушка одна спасала
Кровью собственного сердца,

Как на людях, в землю врытых,
Замки строили магнаты,
И ложились эти люди
Как фундамент под столицы;

Как людей дурные чары
В мертвый камень превращали,
А потом невинной кровью
Оживляли этот камень.

Эти старые легенды
Багряницею пылают,
Словно пурпур благородный,
От людской невинной крови.

У меня же сердце ноет,
Если я их вспоминаю, —
Рядом с их кровавым цветом
Белый цвет совсем бледнеет.

1.VIII.1900

II

ТРАГЕДИЯ

Рыцарь чувствует, сражаясь,
Что он ранен в грудь смертельно,
Прижимает панцырь к сердцу,
Чтобы кровь остановилась!

А прекрасной даме видно, —
Побледнел ее любимый,
Он рукою грудь сжимает,
Дама шлет слугу поспешно.

«Господин, вас просит дама
Хоть на миг покинуть битву,
Чтобы вашу рану, рыцарь,
В башне мы перевязали.

Там у нас бальзам целебный,
Там и мягкие повязки,
Там давно для господина
Белая постель готова».

«Друг слуга, скажи спасибо
Даме, что тебя послала, —
Мне воспользоваться трудно
Приглашением любезным.

Если бы хоть на минуту
Снял с себя я этот панцырь,
Кровь бы хлынула потоком,
Жизнь моя оборвалась бы.

В мире есть такие раны,
Для которых нет бальзама,
Для которых нет повязки,
Кроме панцыря стального».

«Господин, слова такие
Могут ранить даме сердце». —
«Если есть у дамы сердце,
Пусть его сожмет покрепче».

[6.VI.1901, Кимполунг]

III

КОРОЛЕВНА

«Королевна, свет мой ясный,
Вы себя навек сгубили.
Что связало вас со мною? —
Я ведь рыцарь без наследства».

«Рыцарь мой, мой друг любимый,
Мне обидно это слышать, —
За червонцы не привыкла
Продавать свое я сердце».

«Королевна, свет мой ясный,
Вашей красоте пристали
Багряница и корона,
А не будничное платье».

«Рыцарь мой, мой друг любимый,
Разве я для вас милее
В багрянице и короне,
Чем в простой одежде темной?»

«Королевна, свет мой ясный,
Я совсем бесславный рыцарь, —
От изменнической сабли
Умираю, лежа дома».

«Рыцарь мой, мой друг любимый,
Жизнь изменника позорна,
А у вас довольно славы!
Вы избранник королевны».

«Королевна, свет мой ясный,
Чует сердце, что погибну,
Кто же будет защищать вас
От хулы, от наговора?»

«Рыцарь мой, мой друг любимый,
Не страшусь я наговора, —
По своей живу я воле,
Я на то и королевна».

«Королевна, свет мой ясный,
Тяжело вам будет видеть,
Как меня схоронят люди
Попросту, совсем не пышно».

«О мой рыцарь, друг любимый,
Сердца мне не разрывайте,
Что мне пышные обряды,
Если вы в гробу уснете?!»

«Королевна, свет мой ясный,
Заклинаю вас любовью,
Будьте гордой и в печали,
Как пристало королевне».

«Рыцарь мой, мой друг любимый,
Что мне страшное заклятье?
Нет на свете горя горше
Молчаливой гордой скорби...»

*

В сельской церкви на органе
Громко Requiem [1] играют,
Хор рыдает Miserere [2],
Люди плачут De profundis [3].

Мертвый рыцарь спит во гробе,
Возле тела королевна
Стала тихо и спокойно,
Как невеста перед свадьбой.

Черною вуалью скрыта, —
Ни движенья, ни дыханья,
И горит спокойным светом
В пальцах свечка восковая.

Девушки в сторонке плачут,
Разговор идет в народе:
«Вот она, что так любила...»
«Глянь, себя не пожалела...»

«Говорят, босой бежала,
Стремена рукой ловила...» —
«Кто же та, что стала молча
Возле гроба?» — «Королевна».

*

А в палате королевской
Бродит смутная тревога
Среди челяди дворцовой, —
Гневен, зол король сегодня:

Мечут стрелы злые очи,
И звенят стальные шпоры,
Руки стиснули сурово
Рукоять узорной шпаги.

---

[1] Заупокойная служба у католиков *(лат.)*.
[2] и [3] Псалмы, исполняющиеся при католическом богослужении.

Паж-ребенок на пороге
Встал смущенно и несмело
И промолвил еле слышно:
«Королевна ожидает...»

И властитель отозвался.
«Пусть придет, — промолвил гневно, —
Пусть услышит при народе
От отца навек проклятье».

Не успел король окончить
Слов безжалостных, недобрых,
Зашумели, загудели:
«Эй, дорогу королевне!»

Между рыцарей блестящих,
Дам, богато разодетых,
Проходила королевна
В темной будничной одежде,

Без убора и вуали,
С непокрытою косою,
Скорбных глаз не опуская,
Головы не наклоняя.

Смолкли рыцари в смятенье,
Дамы стихли, побледнели, —
Ждут, как грома среди бури,
Королевского проклятья.

Что же это? Тихо, грустно
Задрожал отцовский голос:
«Ты пришла, родная дочка?
Отдохни, присядь, голубка...»

Лишь услышала бедняжка
Эти ласковые речи,
Задрожала и упала,
Словно на землю росинка.

Как холодная росинка,
Что так долго трепетала,
Всю-то ночь, вверху на ветви
Ласки солнца ожидая...

Так в палате королевской
Жалость с горем неизбывным
Стали знатными гостями,
Что пришли без этикета.

20.VI.1901, Кимполунг

ТРИПТИХ

I. ЧТО ДАСТ НАМ СИЛУ?

(Апокриф)

Весенним жгучим солнцем раскаленный,
Шумит Ерусалим. Лучи слепят,
От белых стен и улиц отражаясь,
Горят огнем на свежей позолоте
Дворцовых украшений, и зарницы
На копьях римской стражи зажигают,
Венчают блеском бронзовые шлемы
Центурионов... Зноем пышет день.

Ерусалим встречает скоро праздник.
В потоке моют женщины посуду,
Бряцают кружки медные, играют
На мокрой красной глине блики солнца,
Резвятся дети средь цветов весенних,
А девушки расчесывают косы,
И в них монеты мастерски вплетают,
И говорят о праздничных нарядах.
Не легок труд, но велика и радость!
Шьют, вышивают, и пекут, и варят,
Торгуясь, продают, и покупают.
Лишь тот беспечен, кто нуждой отмечен,
Но и бедняк хотел бы в этот час
Сменить свою беспечность на работу.
Обидней в праздник нищета, чем в будни.

Ведь будничный наряд, как смертный грех,
Среди нарядов праздничных темнеет.
Не голод гложет в праздник нас, а стыд, —
Труднее молвить «голоден», чем «болен».
Близ храма бедным плотником была
Открыта мастерская: три стены,
Четвертую — бог даст. Сказать по правде,
И открывать-то нечего тут было.
Видна прохожим вся его работа
Как на ладони Видно, как он тешет,
Перехвативши волосы ремнем,
Чтобы на лоб, покрытый крупным потом,
Взлохмаченные пряди не спадали.
А плотник сам не видит проходящих:
Глаза его одну работу видят,
А в мыслях только горе да заботы.
Сегодня их не меньше, чем вчера.
И завтра будет, и конца им нет...
Пока не загрызут тебя совсем,
Не жди покоя! Что ни день, то больше
В Ерусалиме плотников толчется.
Из Сирии надвинулись, как туча,
Забрали всю работу возле храма,
В претории, у царского дворца.
Везде полно их, всюду ты их встретишь,
Искусных и дотошных ловкачей.
Попробуй-ка, ерусалимский плотник,
Теперь себе работу отыскать!
«Вчера вот сделал три креста, — дурная
И богу не угодная работа...
Ведь и невинных часто распинают...
Что сделаешь? — греха не знает голод.
За три креста я получил пустяк —
Такая уж неважная работа.
Не виноват я — дорого платить
За дерево сухое не под силу.
Что ж, виселицы эти как-нибудь
До праздника продержатся три ночи,
А там распятых снимут, а кресты
Хоть бы и сжечь — не велика потеря.
Ну и дела теперь, не то, что раньше!

Тогда резьбой я украшал палаты
И храмы божьи... Было то давно...
А что теперь! Цепы да топорища,
Плуги, кресты... А силы все уходят,
Спина все гнется, руки ослабели,
И гибнет мастерство мое. Резьбы
Такой, как прежде, мне уже не сделать,
Прошла пора. Теперь я рад и так,
Без мастерства, за черный хлеб работать...
Да, хлеба, хлеба... больше ничего...
Жена посуду мыть не стала нынче;
Соседка приходила звать с собою
На Иордан, но притворилась тут
Моя жена больною — в самом деле,
Что бедность, что чахотка — все равно!
Когда горшков и мисок не хватает, —
От этого болеть хозяйка может.
Детей не посылали за ветвями —
Зачем, лишь людям на потеху? Чтобы
Сказали: нищие, туда же лезут!
Пусть лучше будут голыми углы...
Проклятый труд!» Он злобно рубанул
По рукоятке для цепа, обломки
Швырнул в сердцах, потом другую взял,
Не поднимаясь. Пот слепил глаза.
Он вытер их и продолжал работать.
Топор его наткнулся на сучок.
«Ах, будь ты проклят!» — Он топор отбросил
И сел на землю, голову понурив.
Спина так ноет, руки так горят,
Болит все тело... Да, теперь он знает,
Что ни к чему не годен, что теперь
Конец ему пришел: «Ну что ж, не встану,
Так просижу до ночи, здесь и лягу...
Не все ли мне равно? И топора
Не наточу, и дела не окончу
Ни завтра, ни сегодня... никогда!
Пусть с голоду жена и дети пухнут!
Нет больше силы... Сгинула. Пропала.
Что даст мне силу, если нет ее?!»
Он был похож на стебель после бури.

Свисали руки, словно плети, вниз,
Земли касаясь.
Так сидел он молча,
Не слыша приближения толпы,
Что как поток по улице катилась,
И смех, и крик, и шутки, и проклятья
Неся с собой: так паводок весенний
Выносит водоросли, ил да хворост
Со дна реки... Толпа текла, текла
И вдруг остановилась... В мастерскую
Под натиском идущих сзади тысяч
Вбежали люди, плотника толкнули,
И он очнулся... «Эй, куда вы, люди,
Спешите так?» — бегущим закричал он.
«Ты что тут, спал иль очумел совсем?
Преступников сегодня распинают!
Вон их ведут на казнь, а вслед за ними
И весь Ерусалим — и стар и млад —
Бежит, чтоб это зрелище увидеть,
И только ты торчишь здесь, будто камень». —
«Так их ведут? А где ж они? Зачем же
Вы тут стоите, если их ведут?» —
Спросил он их, как будто в забытьи.
«Видали дурака! — воскликнул кто-то. —
Да ты взгляни, вон там, напротив, — видишь?
На улице упал один из них
Уж в третий раз. Его солдаты дважды
Бичами и пинками поднимали,
Да больше не встает он. Говорят,
Тяжелый очень крест ему достался,
Нетесаный, сырой да суковатый, —
Дешевый, видно. Денег пожалели...
И мастер тоже кое-как работал...»

Их болтовни уже не слышит плотник.
Вскочил он на станок свой и оттуда
Поверх голов на улицу глядит.
Там, посреди разбросанных каменьев,
В пыли дорожной, под крестом упал
Сын человеческий. Кора креста,
Обугленная пламенем, чернеет.

Одни концы белеют: след вчерашних
Ударов торопливых топора
По дереву сырому. Истомленный
Страдальца бледный лик еще белее,
И по нему стекают капли крови,
Обильные, как будто жаркий пот
Со лба работника в часы работы.
Взгляд, полный скорби, будто вопрошает:
«Зачем терплю я столько мук излишних?
Я вынес все, к чему приговорен...
Все кары снес... Но кто судил мне эту?» —
«Эй, подымайся! Долго ль спать ты будешь?» —
Кричат преторианцы. Их бичи
Вокруг него обвились, точно змеи.
И сквозь одежду стали проступать
Следы кровавые. «Я не могу, — сказал он, —
Нет силы... крест тяжел...» В пыли дорожной
Вновь распростерся он. Преторианец
Взмахнул бичом, но не ударил, — сзади
Он за руку был схвачен кем-то: «Стой!» —
«Что нужно? Кто ты?» — заорал солдат.
«Я плотник. Этот крест был сделан мною,
Так я и понесу его... Давайте.
За этот труд я не возьму с вас платы».
Он поднял крест. Никто не помешал.
И плотничья спина вдруг распрямилась,
И руки ослабевшие окрепли,
И взгляд погасший загорелся снова
Великим, сильным и глубоким чувством,
И твердою тяжелою походкой
Пошел с крестом работник на Голгофу,
Как будто он усталости не ведал
До этого.
Так что ж ему вернуло
Ту силу, что не мог доставить голод?
Скажите вы, не верящие в чудо.

13.XI.1903, Тифлис

II. ЧУДО ОРФЕЯ

(Легенда)

Открытая равнина в горах, где строится новый город, похожий на развалины своими незаконченными домами без крыш и недостроенными храмами. Кое-где здания действительно разрушены до основания и представляют собой развалины, местами чернеют пожарища. Орфей, Зеф и Амфион — три легендарных героя — работают у городской стены — циклопической ограды, которая зияет громадными черными проломами, напоминающими раскрытые пасти, и во многих местах прерывается брешами Зеф — могучий, здоровый, носит тяжелые глыбы камня и сбрасывает перед Орфеем. Орфей — с нежным поэтическим обликом и хрупкой фигурой — обтесывает молотком и долотом эти глыбы, придавая им форму плит. Амфион — спокойный, вдумчивый, выглядит старше своих лет. Он укладывает плиты, соединяет их и выводит стену, заделывая проломы, заполняя бреши.

Амфион
(работая недалеко от Орфея).

Давно уж ты, Орфей, нам не играл.
Давно в кусты заброшена кифара,
На смолкшей лире даже струны ссохлись;
Дар бога Пана — замерла цевница,
Ведь скоро люди перестанут верить,
Что ты — певец иль был когда-то им.

Орфей

Я сам теперь за выдумку считаю,
Что эти руки грубые когда-то
Перебирали ласковые струны,
Что пальцы заскорузлые мои
Свирель когда-то нежно обнимали.
Нет, я Орфеем не был никогда,
Но лишь присваивал себе без права
Чужое это имя.

Зеф

(приближается с огромной глыбой, с грохотом кидает ее на землю перед Орфеем и разбивает на несколько кусков большим молотом. Ударяя по камню, говорит отрывисто).

Я слыхал,
Хотя, конечно, люди часто лгут, —
Да ведь чего на свете не бывает, —
Что музыка твоя иль пенье могут
Зачаровать — не знаю, как и чем...
Но, говорят, что будто даже звери
От звуков тех становятся ручными...
Скажи мне, это правда?

Орфей

Я не знаю.

Зеф

(наивно).

Так, значит, лгут?

Орфей

И этого не знаю.

Зеф

Да что ж ты, память потерял?

Орфей

Нет, больше:
Всего себя.

Зеф

(тихо Амфиону).

О чем он говорит?

Амфион

(внимательно поглядев на Орфея).

Он утомился. *(Орфею).* Слушай, милый друг,
Ты отдохнул бы.

Зеф

Правда! Спел бы песню,
А мы послушали бы между делом.
Уж если звери слушали те песни,
То мы ведь все же люди.

Орфей

Неужели?
Казалось мне, что молотом я стал
Иль долотом... Но все же человек я!
По крайней мере так тебя я понял.
Да, боль я ощущаю... Значит, жив.

Зеф

Никак я не могу тебя понять —
Грустишь ты, или шутишь, или просто
Над нами издеваешься.

Орфей

Нет, брат мой,
Ты прав, смеюсь я, но не над тобою.

Зеф

Над кем же?

Орфей

Над судьбой своей смеюсь.

Зеф
(серьезно).

Нет. Над судьбой не надо насмехаться —
Она богиня.

Некоторое время работают молча. Зеф приносит новую глыбу и опять разбивает ее.

Зеф

Жаль, что ты не хочешь
Нам спеть немного. Я сейчас подумал:
Уж если звери слушали, то камни
Могли б тебя послушать также.

Амфион

Зеф,
Ты часто не подумав говоришь.
Как могут слушать камни?

Зеф

Как сказать...
Однако... Может быть, сама собою
Стена сложилась бы?

Амфион смеется. Орфей вздыхает.

Вот ты смеешься!
А если про зверей рассказы — правда?
Орфей, ведь правда? По глазам я вижу,
Что он стыдится в этом мне признаться,
Чтоб хвастуном я не назвал его.

Амфион

Ну, про зверей еще поверить можно:
Они живут, и есть у них сердца,
Хотя души в них нет, но чтобы камни
Безжизненные...

Зеф

Кто тебе сказал,
Что жизни нет в камнях, когда они
Есть кости матери-земли?! Попробуй,
Ударь-ка по кости себя без боли!
Ведь сам Орфей сказал, мудрец Орфей, —
Все, что болит, — живет.
(Победоносно смотрит на Амфиона.)

Амфион
(с добродушной насмешкой).

А ты, я вижу,
Мудрей Орфея хочешь стать?

Зеф
(обиженно).

Смотри,
Чтоб я не стал умнее Амфиона..
(Идет к скале за новой глыбой.)

Амфион
(Орфею).

А правда, почему б тебе не спеть?
Хоть чуда я не жду от песни этой
И в сказки не поверю, я — не Зеф,
А все-таки дает утеху песня,
Скорей проходит время...

Орфей
(с ужасом).

Ты б хотел,
Чтобы оно еще быстрей летело?
Без ужаса я слышать не могу
Шум крыльев времени... Оно летит!
Ночь гибельная вновь настанет скоро,
И снова приведет сюда врагов —
Укрывши их своим покровом. Снова
На беззащитный город враг ударит,
Фундаменты домов с землей сровняет,
В руины превратит все наши храмы.

Амфион

Дни летние длинны — ночь далека:
На этот раз, быть может, мы успеем
До сумерек проломы заложить.
Тогда взойдешь ты вон туда — на гору,
Подарок Пана — флейту — захватив.
Сюда придут, ее заслышав, люди.

Орфей

А где ж они теперь? Все разбежались,
Рассеялись, как овцы — кто куда,
Лишь нас троих оставили тут строить.
Для них — твердыню, а для нас — могилу.

Амфион

Ну, что же, брат, совсем не диво это:
Ведь стены, что сейчас мы воздвигаем,
Не возвести людской обычной силой —
Нужна здесь героическая сила,
Вот так и довелось троим нам строить.
Не диво, что героев мало в мире, —
Будь больше их, богам пришлось бы плохо.
Когда стена готова будет, люди
Достроят все дома, дворцы и храмы,
Их жизнь спокойной станет, а работа
И прочной и красивой. Ты не будешь
Их сравнивать тогда с овечьим стадом.
Между собой они сплотятся крепко
И станут не слабей своих соседей.
Увидишь...

Орфей

Я увижу? Горе! Горе!
Мне кажется, что эта ночь навеки
Меня покроет черным покрывалом.
Когда б ты знал, как режет мне глаза
Блеск этих глыб! В кровавом свете все
Передо мною.

Зеф

(приближается с новой глыбой камня. Видно, что усталость начинает и его одолевать).

Это ничего.
Все от жары. Со мной бывало то же.
Роса нас освежит. Теперь недолго.
Ночь близится. Уже заходит солнце...

Орфей
(с отчаяньем).

Заходит солнце... Ночь...

Амфион

Да успокойся!
Пусть даже враг придет — не пропадем!
Ведь все ему разрушить не под силу —
Героев-то и у него немного,
Чтоб уничтожить наш геройский труд.
Всего мы не лишимся ведь, а завтра
Настанет новый день.

Орфей

Но для меня
Его не будет. Сердце мне не лжет.

Амфион

Ты просто утомился. Отдохни,
И все пройдет.

Зеф

А то запел бы лучше.
Начни, попробуй. Вдруг и в самом деле
Послушаются камни?

Амфион
(презрительно махнув рукой).

Эх, опять!
(Орфею.)
А все же не мешало бы запеть.
Коль пенье было для тебя привычкой,
Быть может, это мстит тебе оно
За то, что ты его забросил?

Орфей

Братья,
Сейчас я петь не в силах! Нужен праздник
Моей душе, чтоб песни в ней возникли,
А нынче, братья, день у нас рабочий,
И я не смею оставаться праздным,
Работой руки заняты мои,
И некогда теперь им струн касаться.
Мои глаза слепит камней сверканье.
Небесных муз мне хоровод не слышен,

Как пламенем, мне опалило горло
Дыханьем утомленным. Слаб мой голос —
Вы слышите? Он шелестит едва,
Подобно травам, высушенным солнцем.
(Голос его переходит в шепот — быстрый, тревожный, бредовой.)
Нет, не могу я отдыхать... не смею...
Скорей несите камни! Где мой молот?
О Амфион! Ищи со мною вместе,
Я плохо вижу... Вот он... Так, быстрее!
Быстрее подавай мне камни, Зеф,
Скорей, скорее, Амфион, заделай
Вон тот пролом... Он так велик... Где люди?
Пускай хоть не герои — хоть пигмеи
Сюда придут, помогут нам работать,
Подходит вечер... Гаснет солнце... Ночь!
(Обессиленный, падает на землю.)
Конец. Я сломлен!

Зеф и Амфион кидаются к нему.

Амфион

Отнесем скорее
Его под тень оливы, там положим!

Несут Орфея в сторону от стены под большую оливу и там кладут.

То Аполлона самого стрела
Его сразила.

Зеф
(простирает руки к небу).
Олимпийцы боги!
Росу вечернюю скорей пошлите —
Он умирает!

Орфей
(едва слышно).
Нет, росы не нужно...
Пусть будет день еще... Друзья, трудитесь...
Меня оставьте... Дайте лишь цевницу...

Амфион находит где-то между камнями цевницу, иначе называемую свирелью или флейтой Пана, и приносит ее Орфею.

Подняться на гору я не смогу,
Меня им не услышать... Впрочем, все же
Играть я стану.

Амфион подает ему флейту.

Зеф

Может, и услышат.

Амфион
(тихо, Зефу).

Беда! Едва ли в нем достанет силы.

Орфей берет флейту, приставляет к губам и издает такой трепещущий, печальный звук, что крепкий Зеф не выдерживает и заливается слезами, как ребенок. Амфион задумчиво стоит, опустивши руки, но проникновенный напев свирели стелется по равнине и летит к отдаленным зарослям. Оттуда начинают выходить люди, осторожно приближаются и боязливо жмутся к городским стенам. Герои в скорби своей ничего этого не видят.

Первый

Они уже не строят?

Второй

Тсс!..

Третий

Играет?

Четвертый

Давно уж не играл он.

Пятый

То плохой
Иль добрый знак, что он за это взялся?

Шестой

Не знаю.

Первый

Кто ж нам будет стены строить,
Когда герой берется за свирель?

Второй

Спросил бы лучше, кто играть нам будет,
Когда он смолкнет.

Толпа слушает, зачарованная.

Первый

Почему ж те двое
Работать не идут?

Второй

Они горюют...
Не видишь разве?

Первый

Горе — не работа.
Они могли б и в горе поработать!

Четвертый

Попробуй сам хоть раз!

Первый
(пристыженно).

Большое дело!
(Начинает закладывать тот пролом, где работал Амфион.)
И ты помог бы — руки не отсохнут.

Четвертый
(принимаясь за работу, остальным).

И вы идите. Мы хоть не герои,
Но много нас. Нехорошо ведь это,
Что мы их здесь оставили втроем
Когда Орфей умрет от утомленья,
Вовек не оберемся мы стыда.

Первый

Я и не знал, что так играть он может.

Зеф
(Амфиону).

Теперь я верю в то, что даже звери
Внимали музыке его!

Амфион

Я в этом
Совсем теперь не вижу чуда.

Первый
(второму).

Слышишь?
О чем они толкуют? Неужели
Мы зверя дикого хищнее?
Надо
Им показать, что мы такие ж люди,
Хоть не герои. Мы втроем возьмемся
За эту глыбу и ее покатим
К пролому.

Второй

Не отесана она.

Третий

Зато скорей пойдет у нас работа.

Группа людей катит брошенную Зефом глыбу к пролому и заполняет его. Другие носят камни и замуровывают брешь. Работа подвигается быстро, и самый большой пролом уже заделан.

Первый
(смущенно посматривает на неровно выведенную часть стены, сложенную из неотесанного камня).

Не очень ровно сложена стена...

Второй

Да это пустяки — и так неплохо.
Зато Орфей не будет рук мозолить.
Лишь Аполлона сын играть так может!
Артист великий здесь, как раб, трудился.
Простят ли нас за это олимпийцы?

Первый

Мы каемся не на словах — на деле.

Третий

Но вот уж скоро и конец работе!
Совсем не так тяжка она.

Четвертый

Конечно,
Когда берешься за ее остаток.
А ты б сначала взялся.

Третий

Я бы взялся,
Когда бы вызвали меня сначала.
А сам-то что же не брался?

Четвертый

Я не верил,
Что из работы этой выйдет толк.

Третий

А почему ж теперь поверил?

Четвертый

Что-то
Вдруг по сердцу ударило меня,
Когда свирели голос я услышал.

Работа почти подходит к концу, когда Орфей вдруг сразу перестает играть. Толпа прекращает работу.

Первый

Что потемнело так?

Второй

Да ведь уж вечер!

Первый

О, горе нам! Что, если враг ворвется?

Третий

Бежим скорей!

Четвертый

Что, если ждет засада?

Пятый

Что, если нас поймают?

Шестой

Прячьтесь в город,
Там безопасней — ведь стена готова!

Толпа скрывается за городской стеной.

Орфей
(Зефу и Амфиону со страхом и укором).

Вы все стоите, позабыв работу?
День кончился! Роса уже упала!

Амфион
(сдерживая тревогу, спокойно).

Да, посвежело — это даже лучше, —
Теперь мы, отдохнувши, наверстаем.

Зеф
(обернувшись и взглянув на стену).

Свершилось чудо, братья, посмотрите!
Я говорил — послушаются камни!

2.II.1913, Египет

III. ПРО ВЕЛИКАНА

(Сказка)

Когда ребенком я была,
Мне сказку рассказали,
Лишь раз я слышала ее —
Забуду же едва ли.

Был деревенский мальчуган
Рассказчиком — и ясно,
Что в ней тенденции искать
Поэтому напрасно.

В своем рассказе сохранил
Он простоту святую.
(Моя ошибка, может, в том,
Что сказку я рифмую.)

Мы в садике сидели с ним
Вечернею порою,
В тот час, когда закат пылал
Пожаром за горою.

Вечерний ветер шевелил
Над головами грушу,
И что-то темное тогда
Нам волновало душу.

Прижалась к мальчику тогда
Я, как сестрица, к брату:
И «барышне» и «мужичку»
Вдруг стало страшновато.

Нас все пугало: и трава,
Что тихо шелестела,
И леса дальнего стена,
Что от зари алела.

И даже в старой груше той
Мы друга не видали, —
Кто б мог сказать, о чем ее
Листочки лепетали?

Но всех сильнее тополя
Страшили нас собою,
Что в длинный выстроились ряд,
Наверно, с целью злою!

Все это, уверял Лаврин
(Так мой приятель звался),
Растет на великане том,
Что с богом состязался.

Когда-то очень был силен
Тот великан, — недаром
Любые цепи разбивать
Он мог одним ударом.

Его осилить не могла
Ничья другая сила,
Но божья кара, наконец,
Пришла — и поразила.

За что — Лаврин того не знал,
Я спрашивала старых,
Но мне никто не объяснил,
За что такая кара.

Господь не сжег его огнем,
Громов не посылал он,
А только сном его накрыл,
Как мягким покрывалом.

Сон, говорят, есть божий дар,
Нет — божье наказанье!
Ведь великану этот сон
Принес одни страданья.

Лег отдохнуть он на часок,
А спит уже столетья,
Оброс землею и во сне
Все видит лихолетье.

То овладели им враги,
Охваченные злостью,
Пьют даром кровь его они,
Ему ломают кости.

Стянули накрепко его
Железными цепями,
К глубоким ранам, торопясь,
Припали жадно ртами.

До сердца самого не раз
Их проникали руки,
Но спит, как прежде, великан,
Хотя и терпит муки.

Когда ж болезненно во сне
Он брови вдруг нахмурит,
Шумят по рощам, по лесам
И по дубравам бури.

А если боль его доймет,
Слегка он шевельнется,
И дрожь по телу пробежит,
Земля же содрогнется.

«Нас призрак этот не страшит!» —
Враги ликуют хором.
Но стихнет скоро божий гнев,
Беда минует скоро.

И встанет великан тогда,
Расправит плечи снова
И разорвет в единый миг
Железные оковы.

Все то, что мучило его,
Вмиг станет горсткой праха.
Смолк мальчуган. Сидели мы,
Едва дыша от страха.

«Скажи, — спросила я дрожа, —
Когда ж случится это?» —
«Иль через год, иль через сто,
А может, до рассвета!»

Тут разом ветер налетел,
Деревья зашатались,
Как пташки вспугнутые, мы
Домой скорей помчались...

*

Любимый мой далекий край!
Страна моя родная!
Когда я вспомню про тебя,
Ту сказку вспоминаю.

Египет, 5.11.1913

КОММЕНТАРИИ

Русские переводы стихотворений и поэм Леси Украинки, выполненные для этого тома, сверены с украинскими текстами Собрания сочинений поэтессы (Леся Українка, Твори в п'яти томах, К. Джерлітвидав, т. I, 1951). Однако в ряде случаев в данном собрании сочинений есть расхождения с украинским изданием, которые особо оговорены в комментариях.

Леся Украинка выпустила следующие сборники стихотворений и поэм:

I. «На крилах пісень», Твори Лесі Українки, Львів, 1893.

II. «На крилах пісень», Збірник творів, Київ, 1904.

Львовское издание сборника выходило под наблюдением Ивана Франко. В письме к нему от 20 апреля 1892 года поэтесса просила присмотреть за изданием «На крыльях песен». Леся Украинка выражает слабую надежду на то, что ее первая книжка «проникнет на Украину». Действительно, острота политических стихов, вошедших в сборник, являлась серьезным препятствием для его распространения в пределах царской России.

Киевское издание сборника «На крыльях песен» 1904 года значительно отличается от львовского в нем очень много пропусков отдельных строк и целых стихотворений. Помимо строгой царской цензуры, книга прошла еще редакцию матери поэтессы, Олены Пчилки, известной своими реакционными взглядами.

Кроме этих изданий, Леся Украинка выпустила еще два сборника:

III. «Думи і мрії» Поезії Лесі Українки. Львів, 1899

IV. «Відгуки». Поезії, Черновці, 1902.

Не напечатанные при жизни поэтессы стихотворения собраны в сборнике:

V. Леся Українка, Неопубліковані твори. З рукописів підготувала до друку Марія Деркач. Видавництво «Вільна Україна», Львів, 1947.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Надежда — написано по поводу ссылки тетки поэтессы, Елены Антоновны Косач Она заведовала дневным приютом для детей рабочих в Киеве и была сослана в 1878 году за революционную деятельность (см. био-библиографический словарь «Деятели революционного движения в России», М. 1930, т. II, стр. 658—659) Стихотворение впервые напечатано под заголовком «Пісня заволоки» («Песня изгнанницы») во львовском журнале «Зоря», 1887, № 24, стр 413.

Ландыш — напечатано в журнале «Зоря» (Львов) в 1884 году, № 22, стр. 186 и явилось первым литературным выступлением Леси Украинки.

Сафо — впервые — в журнале «Зоря», Л 1884, № 23, стр. 195.

Героиня стихотворения — древнегреческая поэтесса Сафо (Сапфо), жившая в VI веке до н э По легенде она бросилась в море от несчастной любви к юноше Фаону Мысль о Сапфо, поэтессе большой лирической силы, не оставляла Лесю Украинку, которая в последние годы жизни задумала написать драматическую поэму о Сапфо Сохранился лишь диалог Сапфо и Фаона, где между ними намечался конфликт. Фаон, любимый Сапфо, не понимал ее поэзии и хотел чтобы поэтесса принадлежала только ему, а не народу

Порою едва лишь. . — «Зоря», 1888, № 4, стр 63.

Песня — «Зоря», 1888, № 16, стр. 261 В русском переводе — впервые.

Путешествие к морю — цикл из девяти стихотворений, написан в 1888 году под непосредственным впечатлением от путешествия Леси Украинки к Черному морю Интересно отметить реалистический колорит всего цикла Так, например, поэтическое описание турецкой крепости в Аккермане (VII) во всех подробностях схоже с впечатлениями поэтессы, переданными ею в письме к брату Михаилу «Вот страшное сооружение, будь оно проклято! Высокие, массивные, толстые стены, — такие, что комнаты в них выдолблены, словно келейки, башни круглые, громоздкой архитектуры, в башнях погреба и темницы с железными решетками (верно, тут когда-то наши казаки сидели), а теперь растут дикие травы да цветы. Мама сказала: «Ведь все это из наших казаков повырастало». Мы сорвали два цветка на

память и поспешили на пароход, прочь от этой крепости. . » (см. т. IV настоящего издания).

Цикл посвящен семье М. Комарова — украинского литератора и библиографа, жившего в Одессе. У М. Комарова было две дочери, с которыми дружила Леся Украинка.

Впервые — «На крилах пісень», 1893, стр. 49 и след.

Посещения — «Зоря», 1889, № 2, стр. 25.

На годовщину Шевченко — «На крилах пісень», 1893, стр. 37. В русском переводе — впервые.

Леся Украинка через всю свою жизнь пронесла любовь к Т. Г. Шевченко Характерно, что уже в этом раннем стихотворении подчеркнута революционная роль творчества великого кобзаря. Впоследствии Леся Украинка не раз возвращалась к образу Тараса Шевченко (см. стихотворения «Легенда», «В годовщину»).

Искра пламени большого... — строка из вступления к поэме Т. Шевченко «Еретик».

Природа — «Зоря», 1889, № 8. стр 133.

Начало весны — «Зоря», 1889, № 9, стр 150.

Певец — «Зоря», 1889, № 21, стр. 350—351.

Вечерний час — «На крилах пісень», 1893, стр. 39.

Узник — «Зоря», 1889, № 23. стр. 385.

К моему фортепьяно — «Зоря», 1892, № 8, стр. 149—150.

На старинный мотив — «На крилах пісень», 1893, стр. 41.

Веснянка — «На крилах пісень», 1893, стр. 107.

Олеся Зирка — литературный псевдоним сестры Леси Украинки — О. П. Косач, которая занималась переводами на украинский и русский языки.

Contra spem spero — «На крилах пісень», 1893, стр. 13—14.

Мой путь — «На крилах пісень», 1893, стр. 16.

Семь струн — «На крилах пісень», 1893, стр. 3—7.

Поэзия Леси Украинки отличается большой музыкальностью и певучестью. С детских лет у поэтессы проявилась любовь к музыке Одно время жена композитора Н. В Лысенко обучала Лесю игре на фортепьяно, но болезнь руки заставила ее отказаться от музыкальных занятий. Тем не менее поэтесса до последних дней сохранила живой интерес к музыке: ходила на концерты, слушала выдающихся музыкантов и певцов, сама записывала народные мелодии и считала музыку своим призва-

нием. «Мне иногда кажется, — признавалась она, — что из меня скорее бы вышел хороший музыкант, чем поэт, вот только беда, что «природа сыграла со мной скверную шутку». Название своих произведений поэтесса часто связывала с музыкальными пьесами и терминами. Цикл «Семь струн» построен как музыкальная гамма, и каждое из стихотворений обозначено одной из нот — Do, Re, Mi, Fa, Sol, La, Si. Весь цикл проникнут боевым жизнерадостным настроением. Основная тема «Семи струн» — любовь к родине и жажда лучшего будущего для нее. В этом смысле особенно характерно стихотворение «Fa», дошедшее до нас в двух вариантах. Один из них, более сильный в социальном отношении, впервые опубликован уже после смерти поэтессы (журнал «Життя і революція», 1928, № 2, стр 154). В русском переводе помещается впервые в данном издании. Обычно печатаемый вариант «Fa» приводим здесь:

F a

(Сонет)

Фантазия, ты волшебства полна,
Ты создаешь миры в пустом просторе,
Бесстрастные одушевляешь зори
И мертвых будишь от немого сна.

Ты жизнь даешь волне холодной в море,
Где ты, фантазия, там радость и весна;
И зажигаешь ты, фантазия, одна
Живой огонь в склоненном долу взоре.

Фантазия, богиней легкокрылой
Мир золотых мечтаний ты открыла
И радугой с землей его связала.

Ты явное и тайное слила,
И если бы душа тебя не знала,
Была бы жизнь как черной ночи мгла.

(Перевод М. Замаховской)

Стихотворение «Mi» в русском переводе содержит шесть строф в отличие от последнего украинского издания, где семь строф. Вторая строфа украинского издания является вариантом третьей и потому опущена в данном издании.

Когда я утомлюсь... — «На крилах пісень», 1893, стр. 14 (в сокращенном варианте).

Повсюду плач... — «На крилах пісень», 1893, стр 38.

За правду встанем единой ратью... — При жизни поэтессы не напечатано Впервые в I томе укр Собр. соч. (К. Держлітвидав, 1951, стр 55).

Шлю зеленый листок тебе ныне... — «Неопубліковані твори», 1947, стр 74—75 Приблизительная дата написания — 1890 год. Стихотворение обращено к А. Е. Судовщиковой (см. ниже прим. к стихотворению «Сон»)

Сонет I — «На крилах пісень», 1893, стр 36.

Сонет II — «Неопубліковані твори», стр. 1. В русском переводе — впервые.

Детские (цикл).

Цикл «Детские» (другое название «В детском хороводе») отражает воспоминания Леси Украинки о детстве, проведенном на Волыни среди крестьянской детворы Любовь к народной песне, веснянкам, старинным народным обрядам и обычаям сохранилась у поэтессы на всю жизнь.

На зеленом бугорочке... — альманах «Перший вінок», Львів, 1887, стр 176—177.

Лето красное минуло... — альманах «Перший вінок», 1887, стр. 230—231, под заголовком «Поле».

Мама, зима настает... — журнал «Дзвінок», Львов, 1890, № 22, стр 169

Тешься играй, пока детство не минет — Впервые напечатано в «Ілюстрованій бібліотеці для молодіжі, мщан і селян», Черновці, 1891, стр 33, под заглавием «До руской дитини»

Черешенки — «Дзвінок», 1891, № 14, стр. 115. В автографе стихотворение называется «Вишенки».

Крымские воспоминания — Интересно отметить перекличку Леси Украинки с Пушкиным в стихотворении «Бахчисарай» и «Бахчисарайский дворец» и с Мицкевичем в стихотворении «Бахчисарайская гробница».

В стихотворении «Домик Надсона в Ялте» Леся Украинка отдает дань уважения памяти С Я Надсона (1862—1887), умершего в Ялте Леся Украинка хотела видеть в поэзии Надсона благородные порывы к свободе и справедливости и объясняла его упадочные, пессимистические настроения тем, что он был трагической жертвой эпохи самодержавного произвола и безгласия.

Слова «огни догорели» и «цветы облетели» — цитаты из стихотворения Надсона.

Запев — «На крилах пісень», 1893, стр. 66. Посвящается Михаилу Косачу. Михаил Петрович Косач (1869—1903) — старший брат Леси Украинки, друг и поверенный в ее литературных делах. Математик, воспитанник Киевского и Дерптского университетов, профессор Харьковского университета. Не был чужд писательских интересов, писал под псевдонимом Михайло Обачный.

1. *Морская тишина* — «Зоря», 1891, № 18 (под заглавием «Над морем», с мелкими вариантами).

2. *Пой, моя песня* — «На крилах пісень», 1893, стр. 68.

3. *Бессонная ночь* — «На крилах пісень», 1893, стр. 68.

4. *На челне* — «Зоря», 1893, № 12.

5. *Непогода* — «Зоря», 1893, № 12. В украинском издании содержится после четвертой строфы еще две, которые являются вариантами и поэтому не включены в данное издание.

6. *Мердвен* — «На крилах пісень», 1893, стр. 73.

7. *Байдары* — «На крилах пісень», 1893, стр. 73.

8. *Татарочка* — «На крилах пісень», 1893 стр 74.

9. *Бахчисарай* — «На крилах пісень», 1893, стр. 75.

10. *Бахчисарайский дворец* — «На крилах пісень», 1893, стр. 75.

11. *Бахчисарайская гробница* — «На крилах пісень», 1893, стр. 76.

12. *Домик Надсона в Ялте* — «На крилах пісень», 1893, стр. 77.

Слезы — перлы. — Этот цикл является ярким образцом политической лирики Леси Украинки. По силе патриотического чувства и задушевности Иван Франко сравнивал «Слезы — перлы» с знаменитым «Завещанием» Тараса Шевченко. Впервые был опубликован в журнале «Народ», Львов, 1891, № 7, стр. 115, под названием «Риданя».

Звездное небо (цикл) — «На крилах пісень», 1893, стр. 8—10.

Последнее стихотворение цикла «Звезда» было опубликовано раньше в журнале «Зоря», 1891, № 12, стр 227, с некоторыми изменениями.

Разбитая чарка — «На крилах пісень», 1893, стр 21

Как придет грусть-тоска — «Зоря», 1891, № 15, стр. 286—287 (под заглавием «Розвага»).

Сон — «На крилах пісень», 1893. стр 32 (с вариантом). Посвящается Александре Судовщиковой (1867—1942), украинской писательнице (псевдоним Грицько Григоренко), ставшей женой брата Леси Украинки, Михаила Косача.

В путь — «На крилах пісень», 1893, стр 44.

Предрассветные огни — «На крилах пісень», 1893, стр. 25. Стихотворение замечательно тем, что Леся Украинка пророчески определила роль пробуждающегося рабочего класса в революционном движении России В киевском издании сборника «На крилах пісень» (1904) отсутствуют две строфы, из которых одна является вариантом предшествующей, последняя строфа, опущенная в киевском издании, содержала либерально-народнический призыв «До праці! до світла!» («К труду! к свету!»). Очевидно, Леся Украинка сама сняла эту строфу, ослабляющую идейное значение революционного стихотворения. Поэтому в этом издании текст дается по последнему прижизненному изданию 1904 года

Сосна — «Зоря», 1893, № 19, стр 368. Интересно отметить в этом стихотворении образ «зеленого шума» — пробуждающейся весной природы (ср у Некрасова «Зеленый шум», 1862). Этот образ, идущий от украинского народного творчества, волновал Лесю Украинку Поэтесса еще в 1889 году составила план «Четырех сказок зеленого шума», которые она хотела написать для детей. Замысел не был осуществлен, но сохранился конспект этих сказок.

Сон в летнюю ночь — «На крилах пісень», 1893, стр. 35.

Мелодии.

1. *Ночь была и тиха и темна...* — «Думи і мрії», стр 47.
2. *Этой песни не пойте...* — «Думи і мрії», стр. 47.
3. *Горит мое сердце.* — «Думи і мрії», стр. 48.
4. *Вновь весна ..* — «Думи і мрії», стр. 48.
5. *Гляжу я на ясные звезды...* — «Думи і мрії» стр 49.
6. *Стояла я и слушала весну...* — «Думи і мрії», стр. 49.
7. *Хотел бы песнею стать я...* — «Зоря», 1894, № 2, стр. 35—36
8. *Победа* — «Думи і мрії», стр. 50.
9. *Музе* — «Думи і мрії», стр. 51.
10. *Эта тихая ночь...* — «Думи і мрії», стр 51.
11. *Давняя весна* — «Думи і мрії», стр. 52.

12. *В ненастную тучу...* — «Думи і мрії», стр. 53.

Образ бури в стихотворении роднит поэзию Леси Украинки с революционной романтикой «Песни о Буревестнике» М. Горького.

Романсы.

I. *Вопрос.* — Это стихотворение, так же как и *Ответ*, впервые напечатано в журнале «Життя і революція», 1928, кн. II, стр. 154.

II. *На мотив из Мицкевича* — сборник «Арго», 1914, кн. I, стр. 40.

Цикл «Романсы» озаглавлен только в рукописях Леси Украинки; в печати такой заголовок при жизни поэтессы не появлялся.

Раз вы затронули вопросы эти ... — Впервые стихотворение опубликовано в журнале «Нові шляхи», Львів, 1930, № 3, стр 82—83. Стихотворение написано в виде письма редактору львовского журнала «Народ» М. Павлику, по просьбе которого поэтесса перевела в 1894 году на украинский язык атеистическое стихотворение одного немецкого поэта, чье имя осталось для нас неизвестным. Однако робкая, половинчатая позиция автора этого стихотворения вызвала возражение Леси Украинки, и в стихотворении «Раз вы затронули вопросы эти...» поэтесса резко выразила свое отрицательное отношение к религии, мистике и клерикалам На русский язык переведено впервые.

Зевс, Один, Брама, Иегова — верховные божества: у древних греков — Зевс, германцев — Один, у индийцев — Брама, иудеев — Иегова.

Бог деистов. — В представлении философов-деистов XVII и XVIII веков бог считался первопричиной создания мира, но не вмешивающимся в его дела. Деисты отрицали все существующие религии, отвергали мифы о божественном откровении, о существовании бога как личности. В настоящее время деизм превратился в утонченную форму защиты религии.

Бог детерминистов... — Детерминизм — учение о необходимой связи всех событий и явлений и их причинной обусловленности.

Спиритизм — мракобесная «наука», доказывающая возможность вызова загробных «духов» при помощи особых приемов Когда О Кобылянская спросила мнение Леси Украинки о спиритизме, которым увлекались в буржуазном обществе того

времени, поэтесса высмеяла это увлечение: «Я думаю, что если бы духи, которые обычно показываются во время салонных сеансов, и в самом деле существовали, то они меня также мало бы интересовали, по крайней мере не больше, чем обыкновенные, бесспорно существующие, но смешные людишки, которые до старости увлекаются маскарадами и мистификациями... Я вообще давно уже потеряла веру в духов и спиритических и всяких других, добрых и злых, небесных и подземных (да собственно сознательно у меня никогда не было этой веры)» (письмо от 26.II.1902 г.). И в заключение добавила, что единственный дух, в которого она верит, — «это дух свободы».

Пророческий сон патриота — «Народ», 1895, № 9, стр. 135—136. Леся Украинка подписала сатиру инициалами «Н. С. Ж.», чтобы скрыть свое авторство. «Пророческий сон патриота» иронически посвящается редактору журнала «Буковина» О. Маковею (1867—1925), писателю и журналисту либерального толка. В журнале «Буковина» печатались статьи, призывавшие к союзу галичан с Ватиканом и к дружбе с католической реакцией. В уста «папы с галицким обличьем» поэтесса вкладывает основные положения реакционных статей, напечатанных в «Буковине» украинскими националистами; в этих статьях звучали откровенные угрозы всем, кто выступает против Ватикана, клерикализма и соглашательства с католической реакцией, всем, кто высказывает симпатии русскому народу и русской культуре. Отправляя эту сатиру в журнал «Народ», Леся Украинка послала также и статью «Беспардонный патриотизм», где разоблачала украинских приспешников Ватикана. Поэтесса писала редактору журнала «Народ» М. Павлику: «...посылаю вам две патриотические вещи. Как видите, новый для меня genre [1]. Ну что ж, попробуем еще и такую струну... Вам, может быть, удивительно, что я взяла столь поверхностный тон, но говорить основательно на такие темы — это значило бы стрелять из пушек по воробьям. Кроме того, об этом уже сто раз говорилось и умнее, чем я могла бы это сделать. Можно было бы и совсем не писать, но очень уж рассердили меня эти беспардонные господа, тем более что они мне еще дома надоели. Если понадобится, я им и впредь не спущу» (письмо от 9—21.V.1895). Тут же поэтесса добавляла, что, если ее сатира не подойдет в журнал, пусть отошлют ее редактору «Буковины» как укор за его деятельность.

[1] жанр *(франц.)*.

К о л и з е й — огромный амфитеатр в древнем Риме, предназначенный для народных зрелищ.

Ф о р у м — площадь в древнем Риме, на которой происходили народные собрания.

К а п и т о л и й — деловой центр древнего Рима, расположенный на холме того же названия.

Т а р п е й с к а я с к а л а — южный склон капитолийского холма, откуда в древнем Риме сбрасывали государственных преступников.

Тем, кто верен Святоюрским башням... — Речь идет о кафедральном соборе св. Юрия (Юра) во Львове, расположенном на Святоюрской горе. Там находилась резиденция митрополита, это был центр клерикализма и реакции.

Древнерусским Золотым воротам... — В древнем Киеве в начале XI века были построены так называемые Золотые ворота, через которые въезжали в город. Ныне сохранились развалины этого древнего памятника. Леся Украинка, говоря о «древнерусских Золотых воротах», подразумевает Киев, как центр русской православной церкви на Украине.

В Риме будучи, не видеть папы... — парафраз старинной поговорки, существовавшей в Европе с XV века.

Чтоб русину быть... — Украинцев в Галиции звали русинами.

Галицкое я узрел обличье под святою римскою тиарой... — Здесь речь идет о львовском митрополите Сембратовиче, который в 1895 году сделался кардиналом в Риме.

Несть бо власти, аще не от бога... — слова из священного писания, означающие: «Нет власти не от бога».

Раде на память — впервые в журнале «Нові шляхи», Львів, 1930, № 5, стр. 48—50. В русском переводе — впервые.

Стихотворение автобиографично. Оно обращено к двоюродной сестре поэтессы Ариадне (Раде) Михайловне Драгомановой. Леся Украинка провела в доме Драгомановых в Софии более года (с 13 июня 1894 г. по 1 августа 1895 г.) и накануне отъезда написала это прочувствованное стихотворение, по элегическому тону напоминающее стихотворение Пушкина «Вновь я посетил»... Горе, о котором пишет Леся Украинка, было вызвано смертью М. П. Драгоманова, последовавшей 20 июня 1895 года.

Невольничьи песни — Цикл стихотворений под этим названием впервые появился в журнале «Народ», Львов, 1895,

№ 15—16, стр. 254—256, с эпиграфом из Байрона на английском языке. В этот цикл входило семь стихотворений. Позднее, готовя к печати сборник «Думи і мрії», Леся Украинка включила остальные стихи, входящие в этот цикл. Впоследствии в сборниках поэтессы заглавие цикла снималось по цензурным условиям.

Божья искра — «Народ», 1895, № 15—16, стр. 254.

Мать-невольница — «Народ», 1895, № 15—16, стр. 254—256. В этом стихотворении запечатлен разговор Леси Украинки с подругой Галей (Ганной Николаевной Ковалевской), дочерью политической ссыльной П. П. Воронцовой-Ковалевской.

Мать-невольница — Мария Павловна Воронцова, в замужестве Ковалевская (1849—1889). За революционную деятельность на Украине она была сослана на вечную каторгу в Сибирь и находилась в Карийской женской тюрьме. В 1889 году М. Ковалевская вместе с другими ссыльными, в знак протеста против расправы над заключенной Н. Сигидой, отравилась («Карийская трагедия»).

И все-таки к тебе... — «Народ», 1895, № 15—16, стр. 255.

Slavus — sclavus — «Народ», 1895, № 15—16, стр. 255. В русском переводе — впервые. Стихотворение, призывающее славян к объединению и борьбе за свободу и независимость, написано в своеобразной форме упрека славянам за их пассивность и разобщенность. Стихотворение вызвано политической обстановкой на Балканах в середине 90-х годов.

Врагам — «Народ», 1895, № 15—16, стр. 255—256.

Полночные думы — «Думи і мрії», стр. 60—61.

Товарищам — «Народ», 1895, № 15—16.

Поэт в дни осады — сб. «Привіт д-ру Івану Франку», Львів, 1898, стр. 190—193 с эпиграфом из «Поэта и гражданина» Некрасова. Цитата неточная, у Некрасова:

Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать

Под эпиграфом у Леси Украинки стоит подпись *Девиз «тенденциозных»*. Поэтесса под «тенденциозностью» разумела идейность, в соответствии с эстетикой русских революционных демократов.

Другу на память — сб. «Привіт д-ру Івану Франку», 1898, стр. 1—3.

Феллах — египетский землепашец.

Грешница — «Житє і слово», 1897, т. VI, стр. 354.

Минута отчаяния — «Житє і слово», 1897, т. VI, стр. 362—363.

О, знаю я... — «Житє і слово», 1897, т. VI, стр. 361—362.

Изида — древнеегипетская богиня, воплощение мудрости, почиталась как богиня вселенной и великая волшебница. В храме Изиды в Саисе статуя богини находилась под покрывалом.

Атлантида — легендарная страна, которая, по античным мифам, опустилась на дно моря. У древних авторов Атлантида считалась страной высокой культуры и социальной справедливости.

Ангел мести — «Думи і мрії», стр. 77—78.

Марс — бог войны у древних римлян.

Корде Шарлотта — нормандская девушка, монархистка, убившая французского революционного деятеля Марата в 1793 году. Многие буржуазные историки идеализировали образ Шарлотты Корде, превращая ее в героиню и спасительницу Франции. Леся Украинка, следуя за этими историками, считала Шарлотту Корде самоотверженной защитницей своей идеи и даже в шуточном стихотворном послании к брату называла себя Шарлоттой Корде.

По рассказам историков французской революции XVIII века, Корде убила Марата, когда он сидел в ванне. Возлюбленная Марата горько рыдала над его трупом, что растрогало сердце убийцы

Fait noх — «Житє і слово», 1897, т. VI, стр. 14—16.

Вечной памяти листка... — «Житє і слово», 1897, т. VI, стр. 13

Слово мое, почему ты не стало... — «Житє і слово», 1897, т. VI, стр. 13—14.

Одно из программных стихотворений Леси Украинки, раскрывающих роль и значение поэзии для революционной борьбы. Интересно отметить, что в одной прокламации РСДРП, выпущенной в 1902 году, эпиграфом взяты слова Леси Украинки из этого стихотворения (пятая строфа):

Звякнет клинок о железо цепей,
Эхо пойдет по твердыням царей,
Встретится звяканье многих мечей
С гулом иных, не тюремных речей.

(см 59 том журнала «Красный архив», 1933).

Имя автора стихотворения и переводчика в прокламации не указано, но самый факт помещения эпиграфа в революционной листовке лишний раз подчеркивает связь Леси Украинки с социал-демократическим движением.

Отзвуки — «Думи і мрії», стр. 85.

Ave Regina — «Думи і мрії», стр. 87—88.

To be or not to be ... — «Думи і мрії», стр. 89.

Когда умру, на свете запылает. . — «Неопубліковані твори», стр. 7. На русском языке — впервые.

Товарищу — «Думи і мрії», стр. 92—93.

Упадешь, бывало, в детстве. . — «Думи і мрії», стр. 93.

Я трудное решенье приняла... — «Неопубліковані твори», стр. 8. На русском языке — впервые.

Романс («Не смотри ты на месяц весною...») — «Думи і мрії», стр 94.

Так прожила зимой я долгой... — «Неопубліковані твори», стр. 10.

Разбита жизнь твоя... Ты, девушка, играй... — «Неопубліковані твори», стр. 11. В русском переводе — впервые.

Крымские отзвуки (цикл).

I. *Импровизация* — «Думи і мрії», стр. 94—95.

II. *Отрывки из письма* — «Думи і мрії», стр. 95—96.

III. *Восточная мелодия* — «Літ. наук. вісник», 1898, II, стр. 140—141.

IV. *Мечты* — «Літ. наук. вісник», 1898, II, стр. 141—142.

V. *Зимняя ночь на чужбине* — «Літ. наук. вісник», 1898, V, стр. 143—147.

VI. *Ифигения в Тавриде* — «Думи і мрії», стр. 106—112. Леся Украинка, живя в 1898 году в Ялте в вилле «Ифигения» задумала написать драматическую поэму об Ифигении, героине древнегреческого мифа. Однако она написала только драматический отрывок, который включила в цикл «Крымские отзвуки». Отсылая этот отрывок матери, Леся Украинка писала ей: «Ифигению», как видишь, посылаю, она уже дня три как написана, но я не могла собраться переписать ее, задержала поэтому и письмо, — не хотела посылать без «Ифигении». Монолог, я сама вижу, страшно длинный, когда-нибудь потом, для сцены (!) можно будет сократить, а для чтения, я думаю, можно так оставить. Если бы это была бытовая драма, то подобный монолог был бы преступлением, но для драматической поэмы en style classique [1] я этого не допускаю. Это я пишу для того, чтобы ты и Мих. Петр. [2] не думали, будто бы я отступила от своего

---

[1] В классическом стиле *(франц.)*.

[2] Михаил Петрович Старицкий (1840—1904) — выдающийся украинский поэт, драматург и театральный деятель.

принципа исключения монолога из современной драмы. «Ифигения» именно не будет современной; в ней будет хор, реплики a parte[1] и, может быть, даже deus ex machina»[2] (21.I.1898).

И ф и г е н и я — по древнегреческой легенде, дочь царя Агамемнона и его жены Клитемнестры. Когда греческая рать под предводительством Агамемнона должна была отплыть для завоевания Трои, богиня Артемида наслала безветрие, и греческий флот не мог двинуться в путь. Артемида мстила Агамемнону за то, что он убил на охоте посвященную ей лань. Прорицатель Калхас объявил, что необходимо принести в жертву Артемиде любимую дочь Агамемнона Ифигению. Агамемнон подчинился настояниям войска, и Ифигения была обречена. Но Артемида сжалилась над Ифигенией в момент жертвоприношения, заменила ее козой и унесла девушку на облаке в Тавриду. Там Ифигения стала ее жрицей. Впоследствии брат Ифигении Орест прибыл в Тавриду со своим другом Пиладом и нашел там Ифигению.

Э р е б — часть подземного царства, ад *(греч. миф.)*.

Г а д е с о в ы п о л я — царство подземного бога Гадеса *(греч. миф.)*.

Л а т о н а — мать Артемиды и Аполлона *(греч. миф.)*.

Э л е к т р а — сестра Ифигении *(греч. миф.)*.

А х и л л е с — герой древнегреческих мифов, славившийся необычайной силой.

А р г о л и д а — древнегреческая область на Пелопонессе.

М о й р а — одна из трех богинь судьбы *(греч. миф.)*.

А р г о с — главный город Арголиды, области древней Греции.

С т и к с и Л е т а — реки подземного царства *(греч. миф.)*.

VII. *Зимняя весна* — впервые «Літ. наук. вісник», 1899, II, стр. 167. Интересно сопоставить описание ранней крымской весны, данное в этом стихотворении, со следующими строками из письма Леси Украинки: «...А сейчас море синее, даже фиолетовое, небо совсем весеннее, тучки белые, пушистые, а снег виден только на верховьях Яйлы. Вчера вечером так журчали потоки, что мне совсем напомнило Киев в марте, и наш quartier Latin[3], и многое, многое aus Vorzeit[4].

---

[1] В сторону *(итал.)*.

[2] Буквально: бог из машины *(лат.)* — неожиданная развязка.

[3] Латинский квартал *(франц.)* — район Парижа, населенный главным образом студентами.

[4] Из прошлого *(нем.)*.

...Кипарисы стоят тихо-тихо, точно им и в голову никогда не придет даже колыхнуться, а не то что метаться, как безумным, и растрепываться пуще всякой вербы» (21.I.1898).

На полуслове разговор прервался... — Памяти С. М. (Сергея Мержинского). Олена Пчилка из-за своих реакционных взглядов была против дружбы Леси Украинки с Мержинским, одним из первых русских марксистов-революционеров. Посылая это стихотворение матери, поэтесса просила напечатать его с посвящением Мержинскому. Мать не только не выполнила просьбы Леси Украинки, но и не поместила стихотворение в киевском издании «На крыльях песен». Напечатано в «Літ. наук. віснике», 1898, X, стр. 50—51, без посвящения.

В пустыне — «Літ. наук. вісник», 1899, II, стр. 166.

Адонаи (Адонай) — имя бога *(евр. миф.)*.

Когда б я знал, что им уж нет спасенья... — впервые в первом томе укр. издания Леси Украинки (К. Держлітвидав, 1951, стр. 168—170). В русском переводе — впервые.

На столетний юбилей украинской литературы — «Літ. наук вісник», 1899, II, стр. 164—165 Украинская общественность в суровых условиях царского режима отмечала в 1898 году столетие новой украинской литературы в связи с выходом в 1798 году «Энеиды» И. П. Котляревского. В русском переводе — впервые.

Звезда поэзии — «Думи і мрії», стр. 119. На русском языке — впервые.

Забытая тень — «Думи і мрії», стр. 121—123. Величайший итальянский поэт Данте Алигиери (1265—1321), принимал активное участие в политической борьбе, раздиравшей Италию. Он сперва принадлежал к папской партии гвельфов, но, разочаровавшись в ней, перешел на сторону приверженцев светской, императорской власти гибеллинов. В 1302 году Данте был изгнан из Флоренции восторжествовавшей партией гвельфов и скитался по Италии.

С именем Данте многовековая традиция связывает имя Беатриче Портинари, которую поэт прославил в «Божественной комедии». Биографы Данте рассказывают, что он влюбился в Беатриче в девятилетнем возрасте на майском празднике, и она овладела всеми его помыслами. Беатриче рано умерла, и Данте видел ее лишь несколько раз. Он женился на Джемме Донати, которая была матерью его детей и разделяла с ним горечь изгнания. Леся Украинка прославляет не полумифический образ Беатриче, а «забытую тень» — верную подругу поэта, его жену.

Возвращение — «Думи і мрії», стр. 120. Стихотворение характеризует высокий патриотизм Леси Украинки. У себя на родине поэтесса страдала от гнета самодержавно-капиталистического режима, и ей казалось, что в более свободных странах она будет легче дышать и работать. Но на чужбине Леся Украинка томилась и рвалась на родину.

Она писала брату М. Косачу из Вены в марте 1891 года: «. .Ты говоришь, будто бы от моего письма более свободным духом повеяло. Может быть! Дай-то боже! Но если это правда, что тут, в этой стране, я чувствую себя свободнее, то опять-таки никогда до сих пор я не ощущала так чувствительно, до чего тяжело носить оковы и до чего ярмо натрудило мне шею. Не знаю, выпадали ли у меня дома часы такой тяжелой, горячей и горькой печали, как здесь, в более свободной стране Мне часто кажется (ты знаешь, как развита у меня «образная» мысль, а потому и не удивишься), мне кажется, что на руках и на шее у меня видны красные следы, которые натерли оковы и ярмо рабства, и все видят эти следы, и мне стыдно за себя перед вольным народом. Видишь, у меня руки в цепях, но сердце и мысль свободны, быть может свободнее, чем у всех людей, потому мне так горько, и так тяжко, и стыдно Когда я вернусь на Украину, то, наверно, еще острее будет ранить наша неволя. . .»

Однако Леся Украинка не обольщалась буржуазно-демократическими иллюзиями, понимая, что ярмо капиталистического рабства существует во всех зарубежных странах и сбросить это ярмо может только рабочий класс (см. стихотворение «Дым», где ярко выступает идея пролетарского интернационализма)

Impromptu — «Неопубліковані твори», стр. 12. Написано Лесей Украинкой по-русски как шуточный ответ на вызов русского писателя Г. А. Мачтета (1852—1902).

Как я люблю часы моей работы. . — журнал «Червоний шлях», Харьков, 1923, III, под заголовком «Години праці» («Часы труда»). При жизни поэтессы не опубликовано.

Перелесник *(укр. фольклор)* — бес-соблазнитель, являющийся к женщинам в виде огненного змея или красивого юноши.

Еврейские мелодии. «Літ. наук. вісник», 1900, VIII, стр. 122.

Иеремия — древнееврейский пророк, оплакивавший гибель еврейского народа.

Израиль — по библейским преданиям, имя патриарха Иакова, богоборца, а также название всего древнееврейского народа

Эпилог («Печально вам иль радостно. .») — журнал «Молода Україна», Львів, 1901, № 5—6, стр 244—248.

Забытые слова — «Молода Україна», 1901, № 7, стр. 249—257.

Вече — «Молода Україна», 1901, № 8—9, стр. 291—295, с сокращением.

Жанна д'Арк — героиня Франции XV века, эпохи борьбы с Англией, английские захватчики сожгли ее на костре.

Орифламма — в средние века французское боевое знамя.

Вечно терновый венец будет царской короны прекрасней... — «Відгуки», 1902, стр 15—16 (в сокращении) Полностью в сб. «Неопубліковані твори», стр. 20. Русский текст дается в соответствии с этим изданием.

Ритмы. — Этот цикл, созданный в 1900—1901 годы, отражает сложные и противоречивые настроения Леси Украинки, сознающей свое высокое призвание поэта-борца и томящейся в бессилии. Разумеется, название цикла «Ритмы» не выражает общественно-политической сущности его содержания и, возможно, было придумано для того, чтобы обойти цензуру

1. *Вы, слова мои громкие, где вы теперь?* . — «Літ наук. вісник», 1901, IX, стр 233.
2. *Иль молниями только им носиться...* — там же.
3. *Когда бы солнца ясные лучи...* — там же.
4. *Adagio pensieroso* — там же.
5. *Presto appassionato* — там же.
6. *Когда б вся кровь ..* — там же.
7. *Как тяжело идти мне* — «Відгуки», стр 27 Это и следующее стихотворение Леся Украинка включила в цикл «Ритмы», готовя издание сборника «Відгуки» (1902)
8. *Зачем я не могу...* — «Відгуки», стр. 29.

Мгновения — (цикл).

Ein Lied ohne Klang — «Літ. наук. вісник», 1902, I.

Святая ночь — «Літ наук вісник», 1902, I

Как вы счастливы. — «Літ наук вісник», 1902, I.

Талого снега... — «Літ. наук. вісник», 1902, I.

Бывало, обойду... — «Відгуки», стр. 37. Это и следующие стихотворения были включены в цикл «Мгновения» в сборнике «Отзвуки» (1902).

Гей, пойду в зеленые я горы... — «Відгуки», стр. 38.

Хочешь знать... — «Відгуки», стр. 39.

Туча, дождь... — «Відгуки», стр. 40.

Ой, как будто не печалюсь!.. — «Відгуки», стр. 41.

Ой, пойду я в бор... — «Відгуки», стр. 42.

Говорят частенько: «Звезды»... — «Неопубліковані твори», 1947, стр. 15. В русском переводе — впервые.

Тебя, как плющ, держать в своих объятьях... — «Неопубліковані твори», стр. 17.

Скажи, мой любимый... — «Неопубліковані твори», стр. 18. Русский перевод — впервые.

Я видела, как ты к земле склонялся... — «Неопубліковані твори», стр. 19.

Вы помните, однажды я сказала... — «Неопубліковані твори», стр. 21.

Уста твердят: ушел он без возврата — журнал «Україна», Киев, 1946, № 2.

Цветов, цветов, как можно больше... — журнал «Вітчизна», Киев, 1946, № 2, русский перевод впервые.

Калина — «Червоний шлях». Харьков 1923, № 3, стр. 51.

Где же те струны... — «Молода Україна», Львів, 1902, № 4, стр. 118—119.

Из цикла «Осенние песни»:

Lady L. W. — впервые в «Літ. наук. вісник», 1903, № 1. В русском переводе — впервые. Адресат стихотворения не установлен.

Ты не умрешь... — впервые в «Неопубліковані твори», 1947, стр. 28 (без двух строф — третьей и шестой).

Осень — «Літ. наук. вісник», 1903, I, стр. 2.

Последние цветы — «Літ. наук. вісник», 1903, № I, стр. 4—5.

Осенний плач, глухой напев... — «Неопубліковані твори», 1947, стр. 29.

Ниобея — альманах «Нова Рада», Київ, 1908, стр. 369—370.

Ниобея — дочь Тантала и жена фиванского царя Амфиона. Боги убили ее детей, и безутешная Ниобея оплакивала их гибель до тех пор, пока не была превращена в камень, имевший вид плачущей женщины *(греч. миф.)*.

Острым блеском вдруг волны заискрились... — «Молода Україна», 1902, № 5, стр. 161—162.

На Земмеринге — сб. «На вічну пам'ять Котляревському», Київ, 1904, стр. 121.

Земмеринг — горный проход в Восточных Альпах, славящийся своей живописностью.

Дым — издание «Книгоспілка», 1924, т. I, стр. 298.

«И дым отечества нам сладок и приятен»... — слова Чацкого из комедии Грибоедова «Горе от ума» (действие I, явл. 7).

Полента — каша из маисовой муки, итальянское национальное блюдо.

Ризацца — рисовые поля *(итал.)*.

Рейнская скала — скала Лорелей на Рейне, воспетая Гейне и немецкими романтиками. Скала прорезана железнодорожными туннелями.

В высоте так ярко блещут звезды... — журнал «Література и мистецтво», Львів, 1941, № 2, стр. 35.

Пленник — сб. «На вічну пам'ять Котляревському», Київ, 1904, стр. 121—123. Это стихотворение в форме романтической баллады отражает тоску поэтессы, вынужденной из-за болезни подолгу жить вдали от родного края.

Случилось это в дни священной Германдады... — альманах «З потоку життя», Херсон, 1905, стр. 165.

Образ «еретика», непоколебимо отстаивающего свою правоту, очевидно, навеян героической смертью чешского реформатора Яна Гуса (1369—1415). Помимо того, что Лесе Украинке, конечно, была известна поэма Шевченко «Еретик», мысль о Гусе могла явиться в связи с посещением поэтессой Праги в мае 1903 года. Хотя действие стихотворения происходит в Испании, нет сомнения в том, что тема навеяна эпизодом из чешского национально-освободительного движения, которым Леся Украинка вообще очень интересовалась.

Германдада (Эрмандада) — отряды «Священной Германдады» были организованы в XV веке кастильским правительством в Испании для поимки преступников.

Торквемада Томас (1420—1498) — доминиканский монах, «великий инквизитор», возглавлявший инквизиционные суды в Испании в конце XV века.

Я знала: будут слезы и мученья... — «Неопубліковані твори» стр. 37, русский перевод — впервые.

Дочь Иефая — сборник «За красою», Краков, 1905, стр. 5—6. Стихотворение построено на библейской легенде об Иефае, одном из израильских судей, который, победив в бою врагов, обещал богу принести в жертву свою дочь и выполнил обет.

Люди боятся ночного кладбища... — «Неопубліковані твори», стр 42. Повидимому, речь идет о бывших друзьях-либералах, которые стали мертвыми для поэтессы в годы предреволюционного подъема, тогда как память о друзьях-соратниках С. К. Мержинском и брате Михаиле Косаче остается вечно живой, несмотря на то, что они умерли.

Всюду, куда я ни гляну, сухие туманы... — «Неопубліковані твори», стр. 43.

Надпись в руине — «Літ. наук. вісник», 1905, IV, стр. 1—2.

Тутмес, Рамзес, Тарак, Менефт — имена египетских фараонов.

Когда мне очи милого сверкают... — «Неопубліковані твори», стр. 46.

Не погибли золотые терны... — журнал «Вітчизна», Киев, 1946, № 2.

Песни про волю. Три стихотворения под этим заглавием написаны в 1905 году как непосредственный отзвук на революционные события. При жизни поэтессы «Песни про волю» опубликованы не были. Впервые напечатаны — «Неопубліковані твори», стр. 54—57 (с некоторыми пропусками).

I. *Люди идут и знамена вздымают...* — «Смело, друзья!» — известная революционная песня 60-х годов. В эпоху революции 1905—1907 гг., по мнению Леси Украинки, звучали слишком пессимистически.

II. *Откуда льется гимн Марселя?..* — Поэтесса говорит о «Марсельезе», песне, возникшей в 1792 году во Франции в эпоху французской буржуазной революции. Эта песня была сочинена марсельцем Руже де Лилем. В русском тексте Лаврова «Отречемся от старого мира» эта песня стала популярной среди революционеров России. Леся Украинка призывает рабочих с боевой песней на устах вооружаться на борьбу.

III. *«Нагаечка, нагаечка!» — поет иной подчас* » — студенческая революционная песня с припевом: «Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя; так вспомни же, нагаечка, восьмое февраля»

(8 февраля 1899 года во время революционной демонстрации казаки секли студентов нагайками). Леся Украинка осмеивает тех либералов, которые весело поют эту песню под свист и топот карательных отрядов, расправляющихся с восставшим народом. Вместе с тем поэтесса призывает молодежь к активной борьбе против самодержавия.

Карманьола — французская революционная песня 1792 года, отражающая события французской буржуазной революции: взятие королевского замка Тюильри и свержение абсолютизма.

Мечта, не предай! . . — «Україна», Київ, 1946, № 2.

На пиршествах кровавых опьянев. . . — «Неопубліковані твори», стр. 52—53.

Сказка про Оха-чародея — журнал «Молода Україна», Київ, 1912, № 2. Сатира, написанная в 1906 году на бывших попутчиков первой русской революции, малодушно бежавших в лагерь реакции. По мысли автора сатиры, самым страшным в ту пору является мучительное слово «ох!» — символ неверия в народные силы, символ предательства и бегства от революции. Образ Оха связан с соответствующим персонажем украинских народных сказок, а прекрасная пленница, принцесса, томящаяся в царстве Оха, олицетворяет свободу и также навеяна традиционным образом народных сказок (ср. «Осенняя сказка», т. II наст. изд.).

Веселый пан — «Шершень», Київ, 1906, № 16—17, стр. 7. Сатирические стихи Леси Украинки о панах-либералах печатались в украинском журнале «Шершень», выходившем в Киеве.

Практичный пан — «Шершень», Київ, 1906, № 18, стр. 3.

Пан-политик — «Шершень», Київ, 1906, № 15, стр. 6.

Пан-народник — «Шершень», Київ, 1906, № 16—17, стр. 3.

Сказочка про край царя Гороха — «Шершень», Київ, 1906, № 18, стр. 3, под инициалами Л. У. (В полном виде — «Неопубліковані твори», стр. 82—85. В русском переводе — впервые).

Легенда — «Шершень», Київ, 1906, № 8, стр. 3 (с сокращениями). Сатира на буржуазных националистов — критиков и издателей, которые в угоду царской власти фальсифицировали творчество Шевченко, вытравляя из его стихотворений революционные мысли. Написано к 45-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко.

Тихую дрему вечернюю. . . — «Неопубліковані твори», стр. 59.

Холодной ночью брошенный костер. . . — «Неопубліковані

твори», стр. 58. Точная дата написания неизвестна, вероятно 1906 год.

За горой зарницы блещут... — «Неопубліковані твори», стр. 64.

Полярная ночь — «Червоний шлях», Харків, 1923, № 2, стр. 3—5.

Капризы Музы — журнал «Вітчизна», Київ, 1946, № 2, стр. 23—25. Юмористический фельетон, написанный в 1909 году и направленный против сторонников «искусства для искусства». На русском языке — впервые.

Весна в Египте. — По настоянию врачей Леся Украинка провела три зимы в Египте, на известном курорте Гелуане (близ Каира). Это были зимы 1909—1910, 1910—1911, 1912—1913 гг. Цикл «Весна в Египте» был написан во время первого пребывания поэтессы в Гелуане. В стихотворениях этого цикла с реалистической точностью отражены впечатления Леси Украинки от своеобразной природы Египта. В письме к матери от 11.IV. 1910 года поэтесса объясняет, как возникли стихи этого цикла: «...последние дни хоть воспрянула духом, и под влиянием хамсина могла писать только на египетские темы: «Хамсин», «Дыхание пустыни», «Афра» (так называются стихи). Ох, если бы ты видела этого рыжего демона хамсина, как он превращает мир в желтый кошмар! Действительно, злой дух — Тифон!.. А потом уже «тихий хамсин», без песка и летающих в воздухе камней, только с желтым колоритом и с t° 30° R в тени, а потом еще было «дыхание пустыни» с той же t°, но уже без желтого колорита, а потом была «афра» — мертвая тишина с белым от жары небом (t° все та же), наконец, северный ветер и дождь. Теперь у нас t° Гомерова Олимпа, и мы наслаждаемся. А то были такие «египетские ночи», что чуть с ума не сошли».

Цикл «Весна в Египте» был впервые опубликован в журнале Олены Пчилки «Рідний край», но Леся Украинка осталась недовольна правкой стихов, которую произвела ее мать. Об этом красноречиво говорится в ее письме к Н. Кибальчич от 24.IV. 1910 года: «Вот, например, «Вісник» все «выправляет» форму моих стихотворных произведений, хотя я убедительно просила «оставить мои грехи на моей совести», выправляет старательно, вплоть до полного уничтожения размера... Что поделаешь?! Подумаешь: уже скоро тридцать лет будет, как я взяла в руки перо для стихов (правда, я его взяла немножко рано), а меня все еще «правят» (вот и мама в «Рідном краю» немного «выпра-

вила»), — наверно, я так и умру «молодой писательницей», которая без редакторской палки и шагу ступить не смеет... Не знаю почему, например, в русской литературе ни один редактор не отважится выправлять какого-нибудь Андрея Белого etc., а меня все «выправляют» — неужели я хуже Андрея Белого! Не думайте, что во мне говорит мания непогрешимости — нет, мои редакторы, наверное, умнее меня, только зачем они мне портят размер? . .»

Стихотворение «Сон», входящий в цикл, при жизни Леси Украинки не печаталось. Впервые — сб. «Неопубліковані твори», стр. 66.

Примечания, данные в тексте после цикла, принадлежат Лесе Украинке.

Из путевой книжки. — Весь цикл был напечатан в «Літ. наук. віснике», 1911, V, стр. 193—196.

Стихотворения этого цикла написаны на Черном море, по пути в Египет.

III. *На стоянке.*

Великий Могол — титул правителя Индии в XVI—XVIII веках.

Кто вам сказал, что я хрупка? — «Неопубліковані твори», стр. 68 (неполностью). Последняя строфа не закончена Лесей Украинкой. Поэт С. Маршак при переводе заполнил строфу по смыслу.

В годовщину — журнал «Рідний край», Полтава, 1911, № 9—10, стр. 3. Стихотворение написано к пятидесятилетию со дня смерти Тараса Шевченко.

ПОЭМЫ

Роберт Брюс, король шотландский. — Поэма написана в 1893 году и впервые напечатана в детском журнале «Дзвінок», 1894, №№ 11, 12, 13.

Герой поэмы, Роберт Брюс, — историческая личность. Он принадлежал к старинному шотландскому роду нормандского происхождения. Роберт Брюс (1274—1329), шотландский вельможа, поднял восстание против англичан и вел длительную борьбу за национальное освобождение Шотландии. После блестящей победы на о. Баннокберн в 1314 году Роберт Брюс

сделался королем Шотландии. Внутренняя политика Роберта Брюса сводилась к борьбе против непокорного дворянства и духовенства при помощи горожан и буржуазного сословия. Избрав Роберта Брюса своим героем, Леся Украинка прославила упорство в борьбе за национальное освобождение родины.

Старая сказка — написана 12 октября 1893 года. Впервые напечатана в журнале «Житє і слово», 1896, № 6, стр. 442—453 (с сокращениями).

Поэма «Старая сказка» ставила вопрос о положении поэта в обществе и о роли поэзии для народа. Эту же проблему Леся Украинка поднимала и в ряде лирических стихотворений и в ранней, незрелой поэме «Лунная легенда». В первоначальном варианте «Старой сказки» Леся Украинка ввела в образ поэта автобиографические черты. Об этом она писала М. Павлику 7.VI.1899 г.: «Я сама подобна герою моей «Старой сказки», владею только даром писать стихи, «напрокат нигде не взятым». Поэт в «Старой сказке» по первоначальному замыслу был безногим калекой, но впоследствии Леся Украинка отказалась от всяких намеков на свою болезнь и сняла эти строфы из поэмы. В нашем издании строфы первоначального варианта, зачеркнутые поэтессой, в текст не включены в отличие от украинского издания 1951 года.

Иван Франко, высоко оценивая «Старую сказку», подчеркивал необычность для всей тогдашней поэзии боевого тона произведения: «В наше время, время всеобщей нервозности и экстравагантности, время, когда всюду слышится пронзительный клич «искусство для искусства», даже как-то странно из уст поэта услышать такие трезвые и здоровые взгляды на задачи и значение поэзии, какие высказывает здесь наша поэтесса. По ее мнению, поэзия для массы трудового народа — утешение в горе, отдых после работы; для каждого человека — естественное выражение пробужденного чувства и высших стремлений; для всего общества — воля к борьбе и упрек всякому ничтожеству; для угнетенных она — горячий призыв к битве за свободу и человеческие права, а для обидчиков — грозный мститель. Везде и всюду поэзия — слуга жизненных потребностей, слуга того высшего идейного порядка, который ведет людей по пути прогресса, к улучшению их судьбы. И если иногда она служит развлечением и игрушкой высших слоев, то наивысшей силы и достоинства она достигает только тогда, когда становится выразительницей жизни и борьбы широчайших народных масс и вместе с тем боевым

кличем за высшие человеческие и общественные идеалы — свободу, равенство и братство всех людей» (Иван Франко, т. V, статьи о литературе, Гослитиздат, 1951, стр. 250—251).

Вила-посестра. — Поэма начата Лесей Украинкой приблизительно в 1901 году и окончена около 1911 года. Сюжет поэмы навеян сербскими народными сказаниями, и образ вилы, мифического существа, живущего в горах, тоже является созданием сербского народного творчества. Но трактовка характера вилы вполне оригинальна. Леся Украинка изобразила стойкую, решительную девушку, верную долгу «посестримства» — дружбы, возведенной в степень кровной близости. Впервые напечатана в «Літ. наук. віснике», 1911, XII, стр. 405—412.

Юнак — витязь *(сербск.)*.

Пернач — жезл, символ власти сербских военачальников.

Янычары — отборная турецкая пехота, набиравшаяся из пленных христиан, обращенных в мусульманство.

Одно слово. — Поэма написана в 1903 году, впервые напечатана в журнале «Вільна Україна», Петербург, 1906, № 1—2, стр. 7—10.

Обычно считают, что образ героя этой поэмы навеян Лесе Украинке мыслями об украинском поэте-революционере Павле Грабовском, томившемся в ссылке в Вилюйске (Якутской области). Там Грабовский жил рядом с тюрьмой, в которой незадолго до этого находился Н. Г. Чернышевский. Украинский поэт, будучи в Вилюйске, написал статью о Чернышевском, в которой рассказал о жизни великого русского революционера-демократа в ссылке, пользуясь воспоминаниями местных жителей. Эту статью Грабовский отослал во Львов Ивану Франко. Она была напечатана в журнале «Житє і слово» в 1895 году. Несомненно, Леся Украинка читала эту статью. Некоторые черты героя поэмы «Одно слово» совпадают с описанием Чернышевского в статье Грабовского. «Вилюйцы вспоминают Чернышевского как человека чрезвычайной простоты и правдивости, — писал украинский поэт, — не помнят, чтобы он когда-нибудь притворялся, был другим, чем на самом деле. Он отказывал в приеме так называемому «высшему обществу», которое лезло к нему в тюрьму, зато был бесконечно внимателен к простым людям, каждому от мала до велика кланялся при встрече, вступал с ними в разговор, расспрашивал о жизни, всем, как рассказывают, интересовался. Если узнавал, что кто-нибудь болеет, то присылал к нему врача

или сам водил его к врачу, просил последнего позаботиться, проверял, чтобы тот не отделывался обещаниями. Больше всего любил детей, охотно навещал избы, где было много детворы».

Леся Украинка, введя в характеристику своего героя отдельные черты, свойственные Чернышевскому, создала обобщенный образ революционера.

Работая над поэмой, Леся Украинка спрашивала А. Крымского, есть ли на якутском языке слово «свобода». Как известно, на этом построен сюжет поэмы. А. Крымский на вопрос поэтессы ответил утвердительно.

Тойон — начальник *(якутск.)*.

Изольда Белокурая. — Поэма написана 21 июля 1912 года и впервые напечатана в «Літ. наук. віснике», 1913, I, стр. 24—28.

Моргана — волшебница из средневековых рыцарских времен.

Мерлин — волшебник, персонаж французских рыцарских романов.

Ургында — волшебница, встречающаяся в средневековых романах.

ЛЕГЕНДЫ

Проклятие Рахили. — При жизни Леси Украинки стихотворение опубликовано не было. Впервые напечатано в журнале «Літ. наук вісник», 1918, кн. I, стр. 3—5 без восьми последних строк. Сюжет построен на евангельской легенде, из которой взят эпиграф, и на апокрифах. Героиня легенды — Рахиль, дочь Лавана, на которой женился ее двоюродный брат Яков (Израиль). Рахиль считается, по библейским рассказам, прародительницей израильтян.

Шеол — царство мертвых *(древнеевр.)*.

Элогим и Ягве (Иегова) — название древнееврейского бога.

Египетские фантазии. — С детства Леся Украинка проявляла большой интерес к истории и культуре древнего Востока. Она была хорошо знакома с трудами русских и иностранных ориенталистов и часто брала сюжеты и темы для своих стихотворений и драматических поэм (например, «Вавилонский полон» «В дому труда, в краю неволи» и др.) из истории Вавилона, Иудеи и

Египта. В девятнадцатилетнем возрасте Леся Украинка даже составила для своих младших сестер учебник по истории народов Востока, который был издан после ее смерти. В последние годы жизни Леся Украинка перевела на украинский язык древнеегипетские народные песни. В предисловии к ним поэтесса отмечала жизнерадостный характер этих песен, несмотря на тяжелую судьбу египетского народа.

Сфинкс — «Відгуки», Черновці, 1902, стр. 45.

Л и б и я — название Африки в древности.

У р е я (Уреус) — змея кобра, считавшаяся в древнем Египте священной. Цари древнего Египта носили в своей короне изображение Урея, являвшееся символом объединения власти над двумя Египтами — Верхним и Нижним.

Ра-Менеис — «Відгуки», 1902, стр. 47.

С и с т р — музыкальный инструмент.

Л я и л л я г а (Ла илаха илаллах). — Нет божества, кроме аллаха *(арабск.)*.

Ш е й х — старейшина арабского племени, глава мусульманской религиозной общины.

Д ж а в р ы (гяуры) — неверные.

Саул — «Відгуки», стр. 59—63.

С а у л. — Иудейский царь Саул, по библейскому рассказу, был подвержен меланхолии. Его печаль умел развеять искусной игрой на арфе лишь юный Давид, к которому Саул относился благосклонно. Но когда Давид победил в единоборстве филистимлянского великана Голиафа и с победой вернулся домой, Саул переменил к нему отношение и даже хотел убить его. После смерти Саула Давид стал царем.

I. *Легенды* (печатавшиеся и под заглавием «Червоні легенди», что по смыслу в данном случае значит «Кровавые легенды»). Впервые — «Отзвуки», 1902, стр. 57—58.

II. *Трагедия* — «Відгуки», 1902, стр. 64—65.

III. *Королевна* — «Рідний край», Полтава, 1912, № 5, стр. 5—8.

Триптих (цикл). — Т р и п т и х — термин, применяемый в живописи для обозначения композиции из трех частей, например, трехстворчатой картины или иконы. Леся Украинка объединила три небольших поэмы, созданные в различных жанрах: апокрифа, то есть неканонизированной церковной легенды («Что даст нам силу»), мифологической легенды («Чудо Орфея») и народной

сказки («Про великана»). Называя этот цикл триптихом, поэтесса имела в виду то обобщающее начало, которое роднит между собой эти три произведения. Это — мысль о том, что глубокое сознание своего долга дает человеку силу для борьбы и жизни.

I. *Что даст нам силу?* — Это произведение написано на десять лет раньше двух последующих, включенных в триптих, — в 1903 году. В письме к А. Крымскому из Тифлиса 2 декабря 1903 года Леся Украинка обращалась к нему как востоковеду за советом: «Посылаю свои новые стихи и прошу, если у вас есть время и желание, прочитать их и возвратить мне с вашими замечаниями; нет ли в них каких-нибудь ошибок с точки зрения бытовой и исторической (например, золотые украшения на царских палатах, конкуренция финикийских мастеров и т. п.)... Хотелось бы знать ваше мнение также о содержании этих стихов; вероятно, оно вам не очень понравится, так как это идеализация такого тяжелого человеческого «рабства», как сочувствие и добровольное искупление «вины без вины»... Но это является моей «религией», и если я не могу изложить свое credo в сжатой, последовательной и догматической форме, мне хочется иногда, хотя бы в «притчах», высказывать свою «веру» и особенно хочется, чтобы мои товарищи ее знали, ибо иначе они не будут знать меня». Речь идет о том, что Леся Украинка придавала огромное значение этическому воспитанию человека: бедный плотник, изнемогающий от голода, чувствует свою вину перед осужденным на казнь и самоотверженно несет за него тяжелый крест, им самим изготовленный.

В ответ на письмо Леси Украинки Крымский сделал ряд замечаний, касающихся исторической обстановки в произведении, и поэтесса внесла некоторые поправки.

Центурион — начальник центурии (отряда в сто человек) в римском войске; в более широком смысле — римский начальник.

Преторий — дом претора (римского наместника).

Сын человеческий — Иисус Христос.

Преторианцы — солдаты претора, которые вели Христа на казнь.

II. *Чудо Орфея.* — Леся Украинка вольно трактует древнегреческий миф о певце Орфее, сыне бога Аполлона и музы Калиопы. По преданию, Орфей совершал чудеса своим пением: укрощал диких зверей и заставлял плясать скалы. Поэтесса ввела Орфея в другой миф о братьях Зефе и Амфионе, которые

обнесли Фивы стеной, причем камни, зачарованные игрой Амфиона на лире, сами складывались в стены. Леся Украинка в своей поэме заменила Амфиона Орфеем.

К и ф а р а — музыкальный инструмент у древних греков.

III. *Про великана.* — Эта сказка, написанная в народном духе, имеет явно политическую тенденцию, хотя Леся Украинка иронически замечает вначале, что рассказ про великана (олицетворение народа) — просто детская сказка и в ней не надо искать тенденции. За несколько месяцев до смерти, живя в далеком Египте, Леся Украинка неустанно думала о родине, страстно надеясь, что недалеко время революции, когда восставший великан «расправит плечи снова и разорвет в единый миг железные оковы».

Последние два произведения из «Триптиха» Леся Украинка с большим напряжением, прикованная к постели, написала незадолго до кончины. Умирающей поэтессе хотелось отдать долг уважения своему учителю и другу Ивану Франко и участвовать в юбилейном сборнике в его честь.

«Триптих» был напечатан в сборнике «Привіт І. Франкові в сорокаліті́ його письменської праці», Л. 1916, стр. 37—54 с некоторыми сокращениями.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ ПЕРВОГО ТОМА

Ave Regina! 173
Adagio pensieroso (Ритмы, 4) 234
Ангел мести (Невольничьи песни) 166
Афра (Весна в Египте, III) 323

Байдары (Крымские воспоминания, 7) 106
Бахчисарай (Крымские воспоминания, 9) . . . 107
Бахчисарайская гробница (Крымские воспоминания, 11) 108
Бахчисарайский дворец (Крымские воспоминания, 10) 108
Бессонная ночь (Крымские воспоминания, 3) . . . 101
Божья искра (Невольничьи песни) 145
Бывало, обойду поля и горы... (Мгновения) . 242

В высоте так ярко блещут звезды 271
В годовщину 339
В ненастную тучу кручина моя собралась... (Мелодии, 12) 134
В путь! 122
В пустыне 205
В слезах я стою пред тобой, Украина... (Слезы-перлы, 2) 112
В тумане (Из путевой книжки, II) 330
Веселый пан 301
Весна в Египте (цикл) 322—328
Веснянка 73
Вести с севера (Весна в Египте, VI) . . . 325
Ветреная ночь (Весна в Египте, V) 325
Вече 226
Вечерний час 66
Вечно терновый венец... . 229
Вечной памяти листка... (Невольничьи песни) 169
Вила-посестра 384
Вновь весна и вновь надежды . . (Мелодии, 4) 129
Возвращение 216

Вопрос. Ответ. (Романсы I) . . 135
Восточная мелодия (Крымские отзвуки. III) . . 188
Врагам (Невольничьи песни) 150
Все наши слезы мукой огневою... (Слезы-перлы. 3) 112
Всюду, куда я ни гляну 284
Вы помните, однажды я сказала 251
Вы, слова мои громкие, где вы теперь... (Ритмы. I) 232

Где же те струны 257
Гей, пойду в зеленые я горы... (Мгновения) 243
Гляжу я на ясные звезды (Мелодии. 5) . 129
Говорят частенько: «Звезды» 246
Горит мое сердце, — горячая искра... (Мелодии. 3) 129
Грезы в бурю (Из путевой книжки. IV) . 333
Грешница (Невольничьи песни) 157

Давняя весна (Мелодии. II) . . 133
Дальше, все дальше! Как плахты в заплатах .. (Путешествие к морю. II) 49
Детские (цикл) . . . 93—96
Do. Дойдет к тебе стон мой... (Семь струн) . 79
Домик Надсона в Ялте (Крымские воспоминания. 12) 109
Дочь Иефая 280
Другу на память (Невольничьи песни) 155
Дым 268
Дыхание пустыни (Весна в Египте. II) 323

Еврейские мелодии (Из цикла «Невольничьи песни») . . . 222
Египетские фантазии (цикл) . . 413—418
Ein Lied ohne Klang (Мгновения) 240

За горой зарницы блещут 313
За правду станем единой ратью 89
Забытая тень 214
Забытые слова (Из цикла «Невольничьи песни») . 225
Запев (Крымские воспоминания) 98
Зачем я не могу взлететь к высотам... (Ритмы. 8) 238
Звезда (Звездное небо) . 116
Звезда поэзии 212
Звездное небо (цикл) 114—116
Звезды — очи задумчивой ночи... (Звездное небо) 114
Земля! Земля! (Из путевой книжки V) . 335
Зимняя весна (Крымские отзвуки VII) 200
Зимняя ночь на чужбине (Крымские отзвуки. V) 191

И все-таки к тебе.. (Невольничьи песни) 148
Из путевой книжки (цикл) . . . . 329—337
Изольда Белорукая . . . 399
Иль молниями только им носиться... (Ритмы, 2) 233
Импровизация (Крымские отзвуки, I) 185
Impromtu (...Когда цветет никотиана)... . . 218
Ифигения в Тавриде (Крымские отзвуки, VI) 195

К моему фортепьяно . . 69
Как вы счастливы, чистые звезды... (Мгновения) . 241
Как город велик, как дома в нем высоки... (Путешествие к морю, V) 51
Как придет грусть-тоска... 118
Как я люблю часы моей работы... 220
Калина 256
Капризы музы 317
Как тяжело идти мне той дорогой... (Ритмы, 7) 237
Когда б вся кровь моя... (Ритмы, 6) 236
Когда б я знал, что им уж нет спасенья... . . . 207
Когда бы солнца ясные лучи:.. (Ритмы, 3) . . 233
Когда мне очи милого сверкают... 287
Когда умру — на свете запылает 177
Когда я утомлюсь привычной жизнью... . . 85
Contra spem spero . . . 75
Королевна (Легенды, III) 425
Краса Украины. Подолье... (Путешествие к морю, III) 50
Красные легенды (Легенды, I) 423
Крымские воспоминания (цикл) . . . 98—110
Крымские отзвуки (цикл) 185—202
Кто вам сказал, что я хрупка... 338

L а Ласкали вы, ночи, весенней прохладой... (Семь струн) 83
Ландыш 44
Легенда Случилось раз в стране далекой... . 307
Легенды (цикл) . . 423—429
Lady L W (Из цикла «Осенние песни») . . 258
Лето красное минуло... (Детские) 93
Люди боятся ночного кладбища... 282
Люди идут и знамена вздымают... (Песни про волю, I) 290
Льется в сердце мое свет любимой звезды... (Звездное небо) 115

Мама, зима настает... (Детские) . . . 94
Мать-невольница (Невольничьи песни) . . 147
Мгновения (цикл) 240—245
Мелодии (цикл) . . 128—134

Мердвен (Крымские воспоминания 6) 105
Мечта, не предай. 294
Мечты (Крымские отзвуки, IV) 188
Мі Милый сыночек мой... (Семь струн) . . . 80
Минута отчаяния (Невольничьи песни) 164
Мой путь 77
Морская тишина (Крымские воспоминания, 1) . 99
Музе (Мелодии, 9) . . . 132

На годовщину Шевченко 60
На зеленом бугорочке... (Детские) 93
На Земмеринге 267
На мотив из Мицкевича (Романсы, II) . . . 136
На пиршествах кровавых опьянев. 295
На полуслове разговор прервался. 203
На старинный мотив . . 71
На столетний юбилей украинской литературы 210
На стоянке (Из путевой книжки, III) 331
На челне (Крымские воспоминания, 4) 102
«Нагаечка, нагаечка!» — поет иной подчас... (Песни про волю, III) . 293
Надежда 43
Надпись в руине 285
Начало весны 63
Не погибли золотые терны. 289
Невольничьи песни (цикл) . . . . . 145—171
Непогода (Крымские воспоминания, 5). . . . 104
Ниобея 263
Ночь была и тиха и темна... (Мелодии, I) . 128
Нынче я в тоске-бессилье... (Звездное небо) . . . 115

О, знаю я, немало прошумит... (Невольничьи песни) 165
О милая родина! Край мой желанный!.. (Слезы-перлы, 1) 111
Одно слово 393
Ой, высоко солнце в ясном небе встало .. (Путешествие к морю, VII) 53
Ой, как будто не печалюсь... (Мгновения) . 245
Ой, пойду я в бор дремучий... (Мгновения) . 245
Осенние песни (цикл) 258—262
Осенний плач, глухой напев... (Из цикла «Осенние песни») . . . 262
Осень (Из цикла «Осенние песни») 260
Острым блеском вдруг волны заискрились. 266
Отзвуки 172
Откуда льется гимн Марселя?.. (Песни про волю, II) 291
Отрывки из письма (Крымские отзвуки, II) . . . 186

Пан народник 304
Пан политик 303
Певец 64
Песни про волю (цикл) 290—293
Песня 48

Пленник 274
Победа (Мелодии, 8) . . 131
Повсюду плач и стон глубокий. 88
Пой, моя песня (Крымские воспоминания, 2) . 100
Полночные думы (Невольничьи песни) 150
Полярная ночь 314
Pontos axeinos (Из путевой книжки, I) 329
Порою едва лишь примусь. 47
Посещения 58
Последние цветы (Из цикла «Осенние песни») 261
Поэт в дни осады (Невольничьи песни) 152
Практичный пан 302
Предрассветные огни . . 124
Presto appassionato (Ритмы, 5) 235
Природе 62
Про великана (Триптих, III) 448
Проклятие Рахили . . . 409
Пророческий сон патриота 140
Прощай Волынь! Прощай, мой край любимый (Путешествие к морю, I) 49
Путешествие к морю (цикл) 49— 57
Путь кончится вскоре.. (Путешествие к морю, XI) 56

Ра-Менеис (Египетские фантазии, II) . . . 414
Раде на память 143
Раз вы затронули вопросы эти. 138
Разбита жизнь твоя... Ты, девушка играй... 184
Разбитая чарка 117
Re. Ревет гроза гремучая... (Семь струн) . . . 80
Ритмы (цикл) . . 232—239
Роберт Брюс, король шотландский . . . 343
Романс (Не любуйся на месяц весною...) . . 181
Романсы (цикл) . . 135—137

С душным городом время расстаться . (Путешествие к морю, VI) . . 52
Саул 419
Сафо 46
Святая ночь (Мгновения) 241
Семь струн (цикл) . 79—84
Si Сильнее семь струн. . 84
Скажи, мой любимый, куда мои слезы девались? 248
Сказка про Оха-чародея 297
Сказочка про край царя Гороха . . . 306
Slavus—sclavus (Невольничьи песни) 149
Слово мое, почему ты не стало. 179
Слезы-перлы (цикл) 111—113
Случилось это в дни священной Германдады 277
Солнце проснулось, солнышко встало. (Путешествие к морю, IV) 50
Sol Соловьиная песнь о весне.. (Семь струн) 82
Сон 119
Сон (Весна в Египте, IV) 324
Сон в летнюю ночь . . . 126

Сонет I 91
Сонет II 91
Сосна 125
Старая сказка 357
Стояла я и слушала весну. . (Мелодии. 6) . . 130
Сфинкс (Египетские фантазии. I) 413

Тайный дар (Весна в Египте. VII) . . . 326
Так прожила зимой я долгой. 182
Талого снега платочки раскиданы. . . (Мгновения) 242
Татарочка (Крымские воспоминания. 8) 107
Тебя как плющ держать в своих объятьях. . . . 247
Тешься, играй пока детство не минет. . . (Детские) 95
Тихую дрему вечернюю. 310
Товарищам (Невольничьи песни) 151
Товарищу 178
Трагедия (Легенды, II) . 424
Триптих . . . . . 430—451
To be, or not to be? . . . 175
Туча, дождь, а радуга дугою. . . (Мгновения) . . 244
Ты не умрешь, ты только счастье спрячешь. . . (Из цикла «Осенние песни») 259

У меня есть одна. . . (Звездное небо) 115
Уж солнце идет на покой. (Путешествие к морю, VIII) 56
Узник 67
Упадешь бывало, в детстве. 179
Уста твердят: ушел он без возврата. 252

Fa. Фантазия! Ты чарами полна! . . (Семь струн) 81
Fiat nox! (Невольничьи песни) 167
Хамсин (Весна в Египте, I) 322
Холодной ночью брошенный костер. 312
Хотела бы песнею стать я. (Мелодии) 130
Хочешь знать ты, чем было оно. . . (Мгновения) . 243

Цветов, цветов как можно больше. 254
Черешенки 97
Что даст нам силу? (Триптих, I) 430
Чудо Орфея (Триптих, II) 435
Шлю зеленый листок тебе ныне. 90
Эпилог. Кто не жил средь буйства бури. . . (Из путевой книжки, VI) . . . 336
Эпилог. Печально вам иль радостно. 223
Эта тихая ночь-чаровница. . . (Мелодии, 10) . . 132
Этой песни не пойте, не надо. . . (Мелодии, 2) . 128

Я видела, как ты к земле склонялся. 249
Я знала: будут слезы и мученья. 278
Я трудное решенье приняла. 180

СОДЕРЖАНИЕ

Леся Украинка. Вступительная статья *Ал. Дейча* 5
Лирика Леси Украинки. *М. Рыльский* 31

СТИХОТВОРЕНИЯ

Надежда *Перев В Звягинцева* 43
Ландыш *Перев А Прокофьев* 44
Сафо *Перев М Комиссарова* 46
Порою, едва лишь примусь... *Перев В. Звягинцева* 47
Песня *Перев А Прокофьев* 48
Путешествие к морю. *Перев А. Прокофьев*
I. Прощай, Волынь! Прощай, мой край любимый... 49
II Дальше, все дальше! Как плахты в заплатах 49
III Краса Украины Подолье 50
IV Солнце проснулось солнышко встало... . 50
V Как город велик как дома в нем высоки... 51
VI С душным городом время расстаться . . 52
VII Ой высоко солнце в ясном небе встало... 53
VIII Уж солнце идет на покой... 56
IX Путь кончится вскоре... 56
Посещения *Перев А Прокофьев* 58
На годовщину Шевченко. *Перев. П. Карабан* . . . 60

Природе. *Перев. Н. Чуковский* 62
Начало весны. *Перев. Е. Благинина* 63
Певец. *Перев. В. Звягинцева* 64
Вечерний час. *Перев. В. Звягинцева* 66
Узник. *Перев. А. Прокофьев* 67
К моему фортепьяно. *Перев. В. Рождественский* . 69
На старинный мотив. *Перев. Е. Благинина* . . . 71
Веснянка. *Перев. Е. Благинина* 73
Contra spem spero. *Перев. Н. Ушаков* 75
Мой путь. *Перев. П. Карабан* 77
Семь струн:
Do (Дойдет к тебе стон мой...). *Перев. М. Замаховская* 79
Re (Ревет гроза гремучая...). *Перев. Р. Минкус* 80
Mi (Милый сыночек мой...). *Перев. М. Замаховская.* 80
Fa (Фантазия! Ты чарами полна!..). *Перев. Р. Минкус* 81
Sol (Соловьиная песнь о весне...). *Перев. Р. Минкус* 82
La (Ласкали вы, ночи, весенней прохладой...). *Перев. М. Замаховская* 83
Si (Сильнее семь струн...). *Перев. М. Замаховская* 84
Когда я утомлюсь привычной жизнью... *Перев. П. Карабан* 85
Повсюду плач и стон глубокий... *Перев. В. Звягинцева* 88
За правду встанем единой ратью... *Перев. П. Карабан* 89
Шлю зеленый листок тебе ныне... *Перев. В. Звягинцева* 90
Сонет I. *Перев. Н. Чуковский* 91
Сонет II. *Перев. Н. Чуковский* 91
Детские. *Перев. В. Звягинцева*
На зеленом бугорочке... 93
Лето красное минуло... 93
Мама, зима настает... 94
Тешься, играй, пока детство не минет... . . . 95
Черешенки. *Перев. С. Маршак* 97

Крымские воспоминания:
Запев. *Перев. В. Рождественский* 98
1. Морская тишина *Перев. М. Комиссарова* . 99
2. Пой, моя песня *Перев. Е. Благинина* . . 100
3. Бессонная ночь *Перев. В. Рождественский* 101
4. На челне *Перев. В. Рождественский* . . 102
5. Непогода *Перев. В. Рождественский* . . . 104
6. Мердвен. *Перев. В. Рождественский* . . . 105
7. Байдары *Перев. В. Рождественский* . . . 106
8. Татарочка. *Перев. В. Рождественский* . . 107
9. Бахчисарай *Перев. П. Карабан* 107
10. Бахчисарайский дворец. *Перев. В. Рождественский* 108
11. Бахчисарайская гробница. *Перев. В. Рождественский* 108
12. Домик Надсона в Ялте. *Перев. В. Рождественский* 109
Слезы-перлы *Перев. Н. Заболоцкий* . . .
1. О милая родина! Край мой желанный! . . . 111
2. В слезах я стою пред тобой, Украина. . . . 112
3. Все наши слезы мукой огневою. 112
Звездное небо. *Перев. В. Звягинцева*
Звезды-очи задумчивой ночи. 114
У меня есть одна. 115
Льется в сердце мое свет любимой звезды. . . 115
Нынче я в тоске-бессилье. 115
Звезда 116
Разбитая чарка. *Перев. Н. Чуковский* 117
Как придет грусть-тоска. . . *Перев. А. Глоба* . . . 118
Сон. *Перев. Н. Чуковский* 119
В путь! *Перев. В. Звягинцева* 122
Предрассветные огни *Перев. В. Звягинцева* . . . 124
Сосна. *Перев. А. Прокофьев* 125
Сон в летнюю ночь. *Перев. Н. Чуковский* 126
Мелодии:
1. Ночь была и тиха и темна. . . *Перев. В. Звягинцева* 128
2. Этой песни не пойте, не надо. . . *Перев. В. Звягинцева* 128
3. Горит мое сердце, — горячая искра . . *Перев. В. Звягинцева* 129

4. Вновь весна, и вновь надежды... *Перев. В Звягинцева* . . . 129
5. Гляжу я на ясные звезды... *Перев В Звягинцева* 129
6. Стояла я и слушала весну... *Перев. В. Звягинцева* 130
7. Хотела бы песнею стать я... *Перев. В. Звягинцева* 130
8 Победа *Перев Е Благинина* 131
9 Музе *Перев. Н Чуковский* 132
10. Эта тихая ночь-чаровница... *Перев. М Комиссарова* 132
11 Давняя весна. *Перев М Комиссарова* . 133
12. В ненастную тучу кручина моя собралась... *Перев. М. Комиссарова* 134

Романсы:

I. Вопрос. — Ответ... *Перев. И. Воробьева* 135
II. На мотив из Мицкевича. *Перев. Н. Чуковский* 136

Раз вы затронули вопросы эти... *Перев П Карабан* 138
Пророческий сон патриота. *Перев П Карабан* . . 140
Раде на память. *Перев. П Карабан* 143

Невольничьи песни:

Божья искра. *Перев Н Чуковский* 145
Мать-невольница *Перев М Комиссарова* . . 147
И все-таки к тебе... *Перев В Звягинцева* . . 148
Slavus — sclavus. *Перев П Карабан* 149
Врагам. *Перев. Н Чуковский* 150
Полночные думы *Перев В Звягинцева* . . . 150
Товарищам *Перев Н Ушаков* 151
Поэт в дни осады *Перев Д Бродский* . . . 152
Другу на память *Перев Н Ушаков* 155
Грешница *Перев М Комиссарова* 157
Минута отчаяния *Перев М Алигер* 164
О, знаю я, немало прошумит. *Перев. А. Глоба* 165
Ангел мести *Перев Н Чуковский* 166
Fiat nox! *Перев М Комиссарова* 167
Вечной памяти листка. *Перев В Звягинцева* 169
Слово мое, почему ты не стало... *Перев С. Маршак* 170

Отзвуки. *Перев. М Комиссарова* 172
Ave Regina! *Перев М Комиссарова* 173
To be or not to be? *Перев М. Комиссарова* . . . 175
Когда умру — на свете запылает... *Перев. Н. Браун* 177
Товарищу *Перев. Н Ушаков* 178
Упадешь, бывало, в детстве... *Перев С. Маршак* . 179
Я трудное решенье приняла... *Перев В. Звягинцева* 180
Романс (Не любуйся на месяц весною...) *Перев. А. Прокофьев* 181
...Так прожила зимой я долгой... *Перев. А. Прокофьев* 182
Разбита жизнь твоя... Ты, девушка, играй... *Перев. М. Комиссарова* 184
Крымские отзвуки:
I. Импровизация *Перев. М Комиссарова* . . 185
II. Отрывки из письма *Перев. Н. Браун* . . . 186
III. Восточная мелодия *Перев. Н. Чуковский* . 188
IV Мечты. *Перев М Алигер* 188
V. Зимняя ночь на чужбине. *Перев. М. Комиссарова* 191
VI. Ифигения в Тавриде. *Перев Ал Дейч* . . 195
VII. Зимняя весна. *Перев. Ал. Дейч* 200
На полуслове разговор прервался... *Перев. А. Глоба* 203
В пустыне. *Перев. А. Прокофьев* 205
Когда б я знал, что им уж нет спасенья... *Перев. Н. Браун* 207
На столетний юбилей украинской литературы. *Перев. П Карабан* 210
Звезда поэзии. *Перев. В. Звягинцева* 212
Забытая тень. *Перев. М. Комиссарова* 214
Возвращение. *Перев. Н. Ушаков* 216
Impromptu (Когда цветет никотиана) 218
Как я люблю часы моей работы... *Перев. Н. Чуковский* 220
Из цикла: «Невольничьи песни».
Еврейские мелодии 222
Эпилог (Печально вам иль радостно...) *Перев. А Островский* 223
Забытые слова. *Перев. М. Комиссарова* . . . 225

Вече. *Перев. М. Комиссарова* 226
Вечно терновый венец. *Перев. Г. Шенгели* . . 229
Ритмы: *Перев. Н. Браун*
1. Вы, слова мои громкие, где вы теперь... . 232
2. Иль молниями только им носиться. 233
3 Когда бы солнца ясные лучи. 233
4. Adagio pensieroso (Уплыть бы мне хотелось по теченью...) 234
5. Presto appassionato (Нет, я покорить ее, видно, не в силах...) 235
6. Когда б вся кровь моя. 236
7. Как тяжело идти мне той дорогой. 237
8. Зачем я не могу взлететь к высотам. 238
Мгновения:
Ein Lied ohne Klang. *Перев. В. Звягинцева* . . 240
Святая ночь. *Перев. В. Звягинцева* 241
Как вы счастливы, чистые звезды... *Перев. В. Звягинцева* 241
Талого снега платочки раскиданы... *Перев. В. Звягинцева* 242
Бывало, обойду поля и горы... *Перев. Л. Длигач* 242
Гей, пойду в зеленые я горы... *Перев. В. Звягинцева* 243
Хочешь знать ты, чем было оно... *Перев. В. Звягинцева* 243
Туча, дождь, а радуга дугою... *Перев. В. Звягинцева* 244
Ой, как будто не печалюсь... *Перев. А. Прокофьев* 245
Ой, пойду я в бор дремучий... *Перев. А. Прокофьев* 245
Говорят частенько «Звезды»... *Перев И. Воробьева* 246
Тебя, как плющ, держать в своих объятьях... *Перев М Сандомирский* 247
Скажи, мой любимый куда мои слезы девались?.. *Перев Н. Браун* 248
Я видела как ты к земле склонялся... *Перев Н Браун* 249
Вы помните, однажды я сказала... *Перев А. Островский* 251

Уста твердят: ушел он без возврата... *Перев. А. Островский* 252
Цветов, цветов, как можно больше... *Перев. М. Комиссарова* 254
Калина. *Перев В. Звягинцева* 256
Где же те струны... *Перев. А. Глоба* 257
Из цикла: «Осенние песни»:
Lady L. W. *Перев. П. Карабан* 258
Ты не умрешь, ты только счастье спрячешь... *Перев. В. Звягинцева* 259
Осень. *Перев. М. Комиссарова* 260
Последние цветы. *Перев М. Комиссарова* . . 261
Осенний плач, глухой напев... *Перев. В. Звягинцева* 262
Ниобея. *Перев. Н. Браун* 263
Острым блеском вдруг волны заискрились... *Перев. В. Звягинцева* 266
На Земмеринге. *Перев Н. Чуковский* 267
Дым. *Перев. В. Россельс* 268
В высоте так ярко блещут звезды... *Перев. М. Комиссарова* 271
Пленник. *Перев. Н. Заболоцкий* 274
Случилось это в дни священной Германдады... *Перев. П. Карабан* 277
Я знала: будут слезы и мученья... *Перев. М. Комиссарова* 278
Дочь Иефая. *Перев М. Комиссарова* 280
Люди боятся ночного кладбища... *Перев. П. Карабан* 282
Всюду, куда я ни гляну... *Перев. Н. Чуковский* . 284
Надпись в руине. *Перев. Н. Браун* 285
Когда мне очи милого сверкают... *Перев. Н. Чуковский* 287
Не погибли золотые терны... *Перев. А. Островский* 289
Песни про волю: *Перев. Н. Заболоцкий* . .
I. Люди идут и знамена вздымают... 290
II. Откуда льется гимн Марселя?.. 291
III. «Нагаечка, нагаечка!»—поет иной подчас... 293
Мечта, не предай... *Перев. А. Островский* 294

На пиршествах кровавых опьянев... *Перев. А Островский* 295
Сказка про Оха-чародея *Перев Н. Заболоцкий* . . 297
Веселый пан *Перев. П. Карабан* 301
Практичный пан *Перев П Карабан* 302
Пан политик *Перев. П Карабан* 303
Пан народник. *Перев П Карабан* 304
Сказочка про край царя Гороха *Перев П Карабан* 306
Легенда (Случилось раз в стране далекой...) *Перев Н Заболоцкий* 307
Тихую дрему вечернюю... *Перев. А Островский* . 310
Холодной ночью брошенный костер... *Перев. Н. Заболоцкий* 312
За горой зарницы блещут... *Перев. Н. Заболоцкий* 313
Полярная ночь *Перев. Н Браун* 314
Капризы музы. *Перев. П Карабан* 317
Весна в Египте. *Перев. Н Ушаков*
I. Хамсин 322
II Дыхание пустыни 323
III Афра 323
IV. Сон 324
V. Ветреная ночь 325
VI. Вести с севера 325
VII Тайный дар 326
Из путевой книжки:
I. Pontos axeinos. *Перев В Рождественский* . 329
II. В тумане. *Перев М. Комиссарова* 330
III. На стоянке. *Перев. Н. Браун* 331
IV. Грезы в бурю. *Перев. М Комиссарова* . . 333
V. Земля! Земля! *Перев. В Рождественский* . 335
VI. Эпилог (Кто не жил средь буйства бури...) *Перев Н Славинская* 336
Кто вам сказал, что я хрупка... *Перев. С. Маршак* 338
В годовщину. *Перев. Л. Длигач* 339

ПОЭМЫ

Роберт Брюс, король шотландский. *Перев. Г. Шенгели* 343
Старая сказка. *Перев. М. Светлов* 357

Вила-посестра. *Перев М Комиссарова* 384
Одно слово *Перев М Комиссарова* 393
Изольда Белорукая. *Перев. П Антокольский* . . 399

ЛЕГЕНДЫ

Проклятия Рахили *Перев А Безыменский* 409
Египетские фантазии. *Перев. Н. Браун*
I. Сфинкс 413
II. Ра-Менеис 414
Саул *Перев. Н. Браун* 419
Легенды.
I. Красные легенды. *Перев В. Звягинцева* . 423
II Трагедия. *Перев Н Ушаков* 424
III Королевна. *Перев. В. Звягинцева* 425
Триптих *Перев Б. Лебедев*
I. Что даст нам силу? 430
II. Чудо Орфея 435
III. Про великана 448

Комментарии. *Ал. Дейч* 455

Алфавитный указатель стихотворений и поэм первого тома 485

ЛЕСЯ УКРАИНКА

Собр. соч., т. 1

Редактор *Е. Цинговатова*
Оформление художника *Н. Кравченко*
Художественный редактор *Г. Кудрявцев*
Технич. редактор *Ж. Примак*
Корректор *В. Седова*

Сдано в набор 28/IX 1955 г. Подписано в печать 23/III 1956 г. А 04203 Бум. 84×108 1/32. 31,25 печ. л.=25,62 усл. печ. л. 20,3 уч.-изд. л. + 1 вкл. =20,35 л. Тираж 50 000. Цена 10 р. Заказ № 951.

Гослитиздат
Москва, Б-66. Ново Басманная, 19.

Типография № 3 Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., 1/3.